

*Елена
Николаевская*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Тайна старых
фотографий

Москва
БОСЛЕН

УДК 882-82

ББК 84.Р7

Н 63

Николаевская Е. М.

Н63 Стихотворения. Тайна старых фотографий /
Елена Николаевская. Составление С.В.Орджоникидзе
и А.Ю.Орджоникидзе. Предисловие А.М.Туркова
и Е.М.Солоновича – М.: Бослен, 2013. – 624 с.

ISBN 978-5-91187-192-5

В книгу замечательного русского поэта и переводчика
Елены Николаевской включены стихотворения, напи-
санные ею за многие годы и вошедшие в поэтические
сборники разных лет.

УДК 821.134.2

ББК 84(4)-44

Запрещается полное или частичное использование и воспроиз-
ведение текста и иллюстраций в любых формах без письменного
разрешения праволадельца.

ISBN 978-5-91187-192-5

© Е.М.Николаевская (наследники С.В.Орджоникидзе
и М.С.Орджоникидзе), 2013

© А.М.Турков, предисловие, 2013

© Е.М.Солонович, предисловие, 2013

© ООО «Бослен», издание на русском языке,
оформление, 2013

Содержание

Андрей Турков. <i>Лена</i>	21
Евгений Солонович. <i>Поэт, похожий на свои стихи</i>	26

Из книги «Краски»

«Главное – вода в дороге...»	31
«Я вспоминаю белый Углич...»	32
Штурман дальнего плавания	34
«Луна от гор бросает тени...» <i>(Расулу Гамзатову)</i>	37
Краски	39
Ветер	41
«Таким он родился на свет...»	42
Человек ускоряет шаги	44
Скала	46
Неглинная улица	48
Мальчик в школу идёт	50

«Снег слетает и не тает...»	53
«Имя твоё скрываю...»	54
«Как близок путь мой до тебя...»	56
«Для всего хорош ты света...»	58
«Я стояла в стороне...»	59
«Летели недели...»	60
«Ты не щади, ты не жалеи...»	61
«Тяжёлой, дорогой ценою...»	62
«И к тому, что похвалят...»	64
«С годами мы становимся щедрей...»	65
«Нужно радоваться уметь...»	66
В непогоду	67
Ранняя весна	71
«Берёз желтеющие пряди...»	74
Армения	75
«Костёр, догорающий в Норке...»	78
Лаваш	79
«Когда ты застынешь в его мастерской...»	81
«Арагац в венце алмазном...»	83
Мечта	85
У зимней Зангу	87
«Пёстрых камешков горстку...»	90
«Чтоб они не пропали...»	91
«И солнце, и тепло я унесу...»	93
Вдалеке	94

Пекарня в Дидубе	95
Щедрость	98
Самшит	100
Валико	102
Юг и север	105
«Не каждому выпадет счастье такое...»	108
Грузинский мрамор	110
Дед Галактион	113
Самадло	115
Плакучая ива	117
Пристрастия	119
«Мне кажется, яснее нет...»	121
«Все краски на палитре смысла...»	123
«Всегда, когда рванётся поезд...»	125

Из книги «Память о солнце»

«Посмотрю на карту ль...»	129
Здравствуй	131
На крестовом перевале	133
Важа Пшавела	135
«Летел с Мтацминды...»	137
«Я вижу снова наяву...»	140
Январь в Тбилиси	142
Тбилиси у Авлабара	144

Ночью	145
«Ташискар, Ташискар...»	147
Горное озеро	149
Чёрное море	150
«Чем жарче солнце...»	152
«Всё позабудется...»	153
«Так бывает очень часто...»	154
«Разговаривать ни о чём...»	155
«Пускай разоблачат умело...»	156
«Тебя ведь не просила...»	157
«Острый дождик в стёкла бьёт...»	158
«Я очень всё понимаю...»	159
«Мир зелёной свежестью наполнив...»	160
«Затихли к вечеру чижи...»	161
«Земля до глубины прогрета...»	162
«Когда мы встретились у калитки...»	163
«Мы шли...»	164
Листопад	165
«День уходящий вспомнить добром...»	167
Осень	169
«К природе, как к теме поэта...»	170
«Мы можем поехать...»	172
Прощальная песня	175

Из книги «Числа»

«Пронизанные счастьем...»	179
«Осыпались звёзды...»	181
«Чисто поле!..»	182
«Ветки голые...»	184
«Пересекала ль гор границы...»	185
«Люди прячутся от одиночества...»	187
Благовещенье	189
«Счастье – сказки и сласти...»	190
Арбуз	192
«Кто там кричит: “Я враг покоя!”...»	193
«С особой целью мы...»	195
«Умельцы, подковавшие блоху...»	197
«Всё для тебя я сделала...»	198
«Хоть прошлогодняя трава...»	199
«Всё задернуто дымкой...»	201
«Прощанье начиналось с приближенья...»	203
«Как мог поверить ты?..»	204
«Предсказали: быть морозам!..»	206
«Монетка на земле...»	207
«Назад! В погоню за вчерашним днём...»	208
«Забыв про все невезенья...»	210
«Всё по соборам да по соборам...»	211
«Мосты разведены...»	214
Санкт-Петербург	216

«Кто ж тут за дверь выйдет...»	218
«А я раскладываю карты...»	219
Числа	221
«О, самоутверждение...»	223
«У змей не закрываются глаза...»	225
«Дрожь в коленях...»	226
«Дом, где беда, — обходят...»	227
«Я дней не тороплю...»	229
«Много лучше могло б всё быть!..»	231
«Всё остальное – поправимо...»	232
«Где-то должен же синий...»	234
«Приходим от надежд...»	235
«Не по Ветхому Завету...»	237
«Мне говорят порою...»	241
«Пять чувств у человека есть...»	242
«Во мгле седых времён...»	243
«Исчезнет всё, как сон, как небыль...»	245
«На лыжах! На лыжах!..»	247
«О чём в лесу скрипят стволы?..»	249
«Час идти – не век идти...»	250
Балтийское море	252
Память	254
«Качаются сосны чёрные...»	258
«А осень – жужжала осами...»	259
Октябрь	260
«Так водилось когда-то...»	261

«Вот самый первый огурец в апреле...»	263
«О, долго ль с тяжкими сердцами...»	264

Из книги «Край света»

Ереван	267
Первая лоза	268
«Опять нехватка в вечном снеге!..»	269
Журавль или аист?	270
Горсть	272
«День устал...»	274
Из А. Мкртчянца	276
Станция «Радость»	278
«В армянских сёлах девушки гадали...»	280
До начала	281
«Да, есть на свете заповедники...»	283
«Не отречься...»	285
«В каждом месяце...»	287
«Я верю... Я верю...»	288
«Дождливо, метельно...»	290
«Не судьба... Отменяются вылеты...»	293
Псков	294
«Врывается ветра сипенье...»	295
Звонарь	297
Край света	299

Из книги «...Родись счастливой!»

«К тебе иду, куда бы я ни шла...»	303
«Вокруг – бело да зелено»	304
«Что такое отава?»	306
«Мне снился не ты...»	307
«А дни идут, как им положено...»	308
«Дыхание полыни, мяты, йода...»	310
«Вначале будущим живут...»	312
«Стволы осин...»	313
«...Родись счастливой!...»	314
«Земля обнажена. Едва-едва...»	316
Имена	318
«На континентах разных...»	321
Марбург	323
«Ах, эта среда обитания...»	324
«Всё кланяюсь и кланяюсь лыжне...»	326
«Крещение...»	327
Апрель	328
«Сегодня – праздник...»	330
«Покупка впрок...»	331
«Мы шли полдня, пожалуй!»	333
«Море прыть свою прячет...»	335
«Грохочет гром...»	336
«Живу – как на мосту...»	337
Бабье лето	338
Коромысло	339

«Мы жизнь не устаём за благо славить...»	341
«О, злые языки!..»	342
«Я верю в приметы...»	344
Ноябрь	346
«Шары оранжевой хурмы...»	347
Осенний снег в Тбилиси	348
«Я на тебя смотрю со стороны...»	350
На слиянии рек	352
«Никого не вини...»	354
«Ожиданье...»	356
«Семь погод на дворе...»	358
«Любовь – игра, дерзание...»	360
«Что люди?.. Сочетанье соли с глиной?..»	362
«И чего тебе всё бродится?..»	363
«От четверга до четверга...»	365
Новгород	366
«Над лугом да над весью...»	368
«Волгой полнятся...»	370
«...А после – поедем в Ардатов...»	372
Суюнче	374
Рязань	376
Арарат из окна гостиницы	378
«Вновь – с небом на плечах Атлант...»	380
Стол	382
«Не шпага нужна, не шпага...»	384
«Где же ты была?..»	385

«Всё кому-то что-то должен...»	387
«“Запасись терпением!” – говорят...»	389
«Два рывка ещё – и финиш...»	391
«Как быстро темнеет!..»	392
«Всё постепенно входит в колею...»	394
«Дождь на глазах превращается в град...»	395
«Мне говоришь...»	396
«Не затем, что продрогла...»	398
«Отвыкнуть! К чему переключка?..»	399
«Коварство излучин!..»	401
«Уклад... Порядок...»	403
«Восемнадцать пятьдесят...»	404
«Бывает – от тихого “здравствуй”...»	406
Июнь	407
В безмолвии тропы	409
«Клич нёсся по двору...»	410

Из книги «Лети, журавль»

«Севан не приветил...»	415
«Как же можно так...»	416
Неповторение	418
«А в сущности, нам мало надо...»	420
«О, жизнь...»	422
«А как же – Петра отречение...»	424
«День велик...»	425
«Как он приметен в сини...»	426

«Что-то с нами станется...»	427
«А был ведь звательный падеж...»	428
«До чего же ты, друг...»	429

Из книги «Семь погод»

«Как будет – так будет...»	433
«Век соткан из мгновений...»	435
«Тайна старых фотографий...»	436
Июль	439
«В летний день, что тих и светел...»	441
Прошедшее время	443
Музыка	445
«Терпенье надежды...»	447
«Друг на друга кивая...»	448
Рекламное приложение	450
Круг	453
Не гаси чужую радость	455
Терема	457
«У всех своё понятие...»	460
Обиды	461
Волк, коза и капуста	463
«Как взгляд ваш ни меток...»	465
«Спектакль окончен. Зал затих...»	467
«Принимаю правила игры...»	468
Истины	469
Марфа	471

Озеро	473
«О день, полный мёда и млека...»	475
Август	476
«Садятся батарейки...»	478
Родники	479
У белого налива	480
«Перрон гудит и беспокоится...»	482
Скорость	484
Совет	486
Обиход	488
Сентябрь	490
«Красный мячик...»	492
«Зажигает ребёнок фонарик...»	493
Сломанные старые часы	494
Март	496
Весенние прогулки	497
«Опять июнь... Иль тот же длится?...»	499
Гроза	501
Три камешка	502
Водоплавающая птица	505
Карадаг	508
«С гор, с волн...»	510
«Для разминки ли...»	511
Ночью в Бзыбском ущелье	513
«Над землёй и над водой...»	514
«Шумело море...»	515

«Склонились друг к другу...»	517
«Таинственна морская глубина...»	519
«Причащение в воде и огню...»	520
«Каменею рыбачкой у порванных старых сетей...»	521
«С годами подъёмы всё круче...»	522
Мастер	523
«Воду – младшему...»	525
Уроки армянского	527
Уроки болгарского	531
Лорелея	533
Прощание	535
Музы	538
Уроки античности	540
Уроки физики	542
«Громко поют степняки, по просторам кочуя...»	544
«Обычай исконный...»	545
Январь в Юрмале	547
Весеннее равноденствие	549
Сегодня	550
«Балтийскую погоду...»	552
«Белые сосны сурово...»	553
«Чайки – чёрные головки...»	554
Листья	556
«Так и прожили мы...»	558

«Есть свой предел воды...»	560
«Какому-то бесу в угоду...»	562
Возвращение	563
Отменяется летнее время	564
«Троп хлёсткие прутья...»	566

Из книги «Не гаси чужую радость»

Злоба дня	569
«К тишине возвратимся...»	571
Февраль	572
«В дальний лес по бурелому...»	574
«А дождь — действительно идёт...»	576
Благодарность	577
«Подлежат бережению дети...»	579
«Ах, сборы в дорогу...»	580
«Не задавай вопросов...»	583
Медовый Спас	584
«Покой и суета сует...»	586
Самодельный самокат	587
«Не читайте старых писем...»	590
Юла	592
«Не ищите виноватых...»	594
«Три выходных...»	595
«Косноязычье прощаний...»	597
Рыбалка (слайды)	598
«Мне привиделся город во сне...»	600

«На поверку оказалось...»	602
«И хоть твердят: ещё не вечер...»	604
«Качается мостик висячий...»	606
«Тайну истины одной...»	608
«Не топчи бывшее...»	610

Из книги «Я дней не тороплю»

«Иверия...»	613
Нескучный сад. Июнь 1941 год	614
«Ещё не рухнул дом...»	616
Почти по Андерсену	618
«Заглохшие усадьбы...»	620
Большая Ордынка	621

Лена

Полвека назад Елена Николаевская написала стихи про старый выцветший снимок:

В объективе «фотокора»
(кто нынче помнит эту марку?)
Уместились все как есть —
Те, кого разлучит скоро
Неминуемая весть.

Эти стрижки, эти чёлки
Светом дня озарены...
Здесь мальчишки и девчонки
За неделю до войны.

И в глазах у них — сиянье,
Ожидание дорог...

Дороги ровесникам выпали тяжелейшие, да и недавних выпускниц не обошли беды и лишения. Но великое дело — «сияние» молодости!

Хмурой осенью сорок первого посылают студенток то на заготовку, то на разгрузку дров. И время тревожное, и занятие прозаическое, да ещё в предрассветную темень и дождь... Но вот как увидено это утро Леной:

Трамваи бегут, как резвые дети,
Сцеплениями хохочут —
Энергию некуда деть им:
Легко и свободно очень.
...Трамваи бегут, и дождь идёт,
И я иду «на дрова».

И такая ощущалась в немудреных строчках радость жизни — войне и смерти наперекор, что с добрым любопытством взирал на автора язвительнейший Илья Сельвинский и расплывался во влюблённой улыбке Николай Асеев, наши мэтры.

В маленькой книжечке-тетрадке «Друзьям», сборнике стихов студентов Литературного института, «Утро» Елены Николаевской соседствовало с написанным Михаилом Лукониным, Сергеем Наровчатовым, Александром Яшиным и вскоре погибшими Борисом Лебским и Фридрихом Траубе-Курбатовым, фронтовиками.

Давно это было... Несколько десятилетий спустя Николаевская скажет, что «время делится на “здравствуй” и “прощай”». И не раз приходилось — и прихо-

дится – промолвить «прощай» – от ещё только слегка тронутого грустью расставания со студенческой порой до горчайших утрат друзей и близких. «Прощанья всё чаще и чаще... Так и живу – от горя и до горя...»

Но сколько же подарила ей жизнь радостных встреч и многолетних дружб, встреч с новыми краями и их невиданными красками. «Краски» – так и называлась книга Лены, вышедшая в начале шестидесятых. А открывали её стихи о дороге и о том, что главное в ней – спутник, товарищ, друг.

Сказать, что поэтессе «везло» на друзей? Да скорее это им посчастливилось встретить такое доброе, неосчитывавшее с годами любопытство к ним и всему окружающему миру:

А чудо рядом:
руку протяни, в слух обратись,
Замри в тиши весенней...
Такое счастье нам дано,
Дождаться завтрашнего утра
И просто – выглянуть в окно...

Какая у неё была готовность «радость находить в чужой удаче»!

Глубоко закономерно, что Лена стала усердной переводчицей, этой радостью хотелось поделиться: «О, как мне жаль, что ты не слышишь сейчас того, что слышу я...

Как донести?
Как пронести
Через хребты,
Провалы, льды,
Чтоб отпил ты
Живой воды?»

Русский читатель немало обязан Елене Николаевской тем, что на его книжной полке прижились и её давние друзья Расул Гамзатов, Мустай Карим и целая плеяда армянских и грузинских поэтов. При этом не след забывать, что переводчик — отнюдь не равнодушный перевозчик с одного языкового «берега» на другой, но своего рода пограничник, охраняющий интересы читателей и нередко вызывающий недовольство тех, кого отказывается брать в свою «лодку»: «С собою в путь беру немногих, тех, без которых мне — пропасть», или, как сказано в других стихах: «Всем сразу не будешь по нраву, когда остаёшься собой».

Многие стихи и переводы Николаевской относятся к той поре, когда и представить себе было невозможно пролегли ныне по территории бывшего СССР границы. («Я так выхожу из своего дома, как будто вхожу в свой дом», — писал тогда один из армянских друзей Лены — Геворг Эмин.)

Происшедшее доставило ей много горя, но всё же до самых последних дней она верила:

Мы врозь сейчас — но всё равно мы вместе,
Разделены — но не разлучены.

«Мы были за тепло в ответе в промозглый сорок
третий год...» — говорится в давних стихах поэтессы
о сплаве леса по Волге.

Так и всю жизнь она чувствовала себя в ответе за то
тепло, которое несёт людям поэзия.

Андрей Турков

*Поэт, похожий
на свои стихи*

Дома творчества писателей в Коктебеле, в подмосковной Малеевке, в Дубултах на берегу Рижского залива... Если память о них сегодня накатывает приливом ностальгии, то это ностальгия не по советскому прошлому, а по его отдельным страницам. Счастливым страницам, связанным не только с написанным и переведенным в условиях добровольной ссылки по литфондовской путевке, но и с подарками судьбы в виде знакомств, часть которых перерастала в дружбу. В крепкую дружбу на всю жизнь, какой стала для меня в 1969 году (Коктебель) дружба с Еленой Николаевской.

Нужно было очень хорошо относиться к Леночке (те, кто близко знали Елену Матвеевну, называть ее иначе просто не могли), чтобы в самую жару после обеда, когда всякого нормального человека неумолимо клонило в сон, тащиться по душному Коктебелю к подножию Карадага, а затем, обливаясь потом, взбираться на его ненавистную в эти бесконечные минуты вершину. В том далеком августе я таким нормальным человеком не был, и винить в этом (или благодарить за это)

должен был Леночку: именно она «навязала» с первого дня нескольким старым и новым друзьям полезную для здоровья и для души пытку Карадагом.

Карадаг не раз отзывался эхом в стихах Елены Николаевской, и строчки одного из этих стихотворений включают в множественное *мы* каждого, кто когда-либо поднимался вместе с ней на вершину этого потухшего вулкана, а значит — и меня:

Погружаемся в облако
С головы и до пят...

Не секрет, что поэты далеко не всегда похожи в жизни на свои стихи. Художественное воображение может подсказать автору чувства, не органичные для него, «корректирующие» его человеческую суть, его отношения с миром, его поступки. Да не усомнятся читатели Елены Николаевской, не знавшие ее лично, в том, что с первого и до последнего своего стихотворения она была честна перед собой, а значит — и перед ними. Исключительная отзывчивость, доброта, которую она излучала, талант дружбы были тем капиталом, которым она щедро делилась с людьми и который не давал усомниться в искренности таких, например, ее строк:

С годами мы становимся щедрей —
Своей души для ближних не жалеем.

С годами мы становимся мудрей —
Добро от зла мы отличать умеем.

Добро от зла умеем отличать,
Добром на зло порою отвечать,
И радость находить в чужой удаче...
Привыкнув, не копить, а расточать...
С годами мы становимся богаче...

Оставляя незнакомого читателя этой книги наедине с ее автором, хочется верить, что стихи Елены Николаевской сделают богаче и его, читателя, — богаче душевно, духовно богаче.

Евгений Солонович

*Из книги
«Краски»*

* * *

Главное — вода в дороге:
Чтоб свежо деревья пахли,
Чтобы силы не иссякли,
Чтоб не подкосились ноги.

Главное — земля в дороге:
Чтоб прилечь ты мог, усталый,
Чтобы путь сквозь перевалы
Хоть порою был пологим.

Главное — огонь в дороге:
Это — свет полночный, средство,
Чтоб продрогшему согреться,
Это — знак жилья далекий.

Только хлеб твой будет пресным,
И глоток воды — невкусным,
И костёр — дымящим, тусклым,
Если поделиться не с кем, —
Спутник — главное в дороге.

* * *

Я вспоминаю белый Углич,
На рейде – чёрные плоты,
И звёзды, тлевшие как угли,
Что вывалились из плиты...

Мы в первый день,
Тяжёлый, долгий,
С плота на плот ползли ползком.
Вокруг вздувала волны Волга,
Швырялась галькой и песком...
Но мы упрямо лес сплавляли –
Мы отвечали за тепло:
Мы проволокой плот скрепляли,
А небо трескалось,
Текло...
Потом под дождь, стучащий дробно
За час теряя семь потов,
Багром выживали брёвна,
Отбившиеся от плотов.
Мы столько вкладывали жару
В те брёвна,
Что его вполне

Хватило бы земному шару,
Мерцавшим звёздам
И луне...
Когда же длинный день кончался,
Мы падали на сенники —
Всю ночь под нами пол качался,
Как плот посереде реки.
А утром — вновь, встречая ветер,
Мы прыгали с плота на плот:
Мы были за тепло в ответе
В промозглый
Сорок третий год...

Когда порою заедают
Нас повседневные дела,
Когда порою не хватает
У нас для ближнего тепла, —
Согретая теплоцентралью,
Я вижу, как над волжской далью,
В преддверии лихой зимы,
Свое тепло мы отдавали,
И этим согревались мы...
Пронизывали нас туманы,
Горела стёртая ладонь, —
Живой, желанный,
Первозданный —
Так добывали мы огонь.

*Штурман
дальнего плавания*

Над Балчугом — липы медвяный дух,
Тянет теплом от песка и гравия.
В Замоскворечье —
Мой школьный друг
Начинал свою биографию.
Учился плавать,
Держась за корму,
Зимой распахивался в мороз,
В шестнадцать лет
Ходил в дыму
Первых планов и папирос.
Победы и трудности —
Всё без прикрас
Представив себе всерьёз,
Уже говорил:
«Рапорт», «компас»,
Как настоящий матрос.
В свой первый рейс
По Москве-реке
Он вышел весной зелёной —

Московское море блестит вдалеке
Своей водой несолёной...
Задумано было главное —
Штурман дальнего плавания...
И вот прилетели вскоре
Ликующие ветра.
Уходят в Чёрное море
Учебные катера.
Идут на первую практику
Будущие моряки...
Погода июньская так тиха,
Просторы так широки!
Идёт комсомольский катер
С дельфинами за кормой,
Море лежит, как скатерть, —
Синее, с бахромой...

И вдруг — в громовом раскате
Захлебнулся прибой —
Учебный курсантский катер
Принял бой...
А солнце слепило,
Простор синел,
И такая плыла волна —
Невозможно было представить себе,
Что это уже война...
...Я иду по июльскому

Замоскворечью,
На Москву — тишина легла.
Один только шаг —
И ты навстречу
Выбежишь из-за угла...
А по набережной
Поперёк,
Словно по палубе зыбкой,
Идёт, покачиваясь, паренёк
В первой своей бескозырке.
Шумит, как морская,
Речная струя,
И по хрустящему гравию
Идут молодые
И в них —
Твоя
Продолжается биография.

* * *

Расулу Гамзатову

Луна от гор бросает тени,
И в расступающейся мгле,
Как будто в облака ступени,
Белеют сакли на скале.

Подходим к дому. Дует в спины
Нам резкий ветер ледяной.
Несут хозяева овчины,
Матрацы стелют за стеной.

Шумят проснувшиеся травы,
Встречает нас аул Цада.
Так слава дружбе!
Дружбе слава,
Что нас доставила сюда!
Она несла нам щедрый ужин,
Бараний плов, бараний суп,
Она согрела нас не хуже,
Чем плечи кутавший тулуп.

Она чуть свет на кровлю дома
Уже гостей к нам привела:
И пастуха, и агронома,
И прочих жителей села.

Она вела тропинкой тесной
К аварским детям на урок
Москвичек по скале отвесной,
Где и джигит сорваться б мог.

Она в жару нам у порога
Воды студёной налила,
Она в далекую дорогу
Нам хлеба тёплого дала.

Потом — ещё подъёмов двадцать:
Мы поднимались на Гуниб,
И нам казалось: подниматься
Мы бесконечно так могли б!
И чтоб нам быть совсем как дома,
Нас встретил лес — родной до слёз —
Такой весёлой и знакомой
Застенчивой листвою берёз.
Внизу ж — налево и направо —
Хребты, хребты, им нет числа.
Так слава дружбе!
Дружбе слава,
Что нас под солнце занесла!

Краски

Чуть не с рождения
Узнала я это –
Предназначенье
Каждого цвета:
Чёрный – для ночи,
Белый – для дня,
Красный – для ягод
И для огня...
Позже пришло
Пониманье другое:
Красный – для боя,
Чёрный – для горя...
...Тёплые краски,
Холодные краски –
Я прикасалась к ним
Без опаски:
Синие реки,
Жёлтые рощи
Я узнавала на вкус
И на ощупь.
В мире они наводили порядок –

Словно семь струн
Над землёю звуча,
Краски сияли
Радостью радуг,
Краски сливались
В строгость луча...
Пусть же зовут они
К югу и к северу
Заревом осени,
Маревом лета,
Одолевая засилие
Серого –
Скучного,
Душного,
Пыльного цвета!

Ветер

Он мягок и ласков нередко,
Нередко он сух и жесток.
Он сломит засохшую ветку,
Он жизнью наполнит росток.
Дрожащих – струёю сквозною
До самых костей проберёт,
В уставших от жажды и зноя
Он новые силы вдохнёт.
Он морю волнение приносит
И маленькой речке в горах.
Одни – его помощи просят,
В других – поселяет он страх.
Ну что ж, ведь не ради забавы
Он рвётся в простор голубой:
Всем сразу не будешь по нраву,
Когда остаёшься собой.

* * *

Таким он роди́лся на свет,
Таким по жизни шёл, —
Взрослел, седел,
С теченьем лет
Науки превзошёл,

На всё он находил ответ,
Умел учить других,
Двух слов не знал лишь —
«Да» и «нет»,
Двух слов он не постиг.

И перед совестью в долгу,
К решеньям не готов,
Не мог он «нет» сказать врагу
И не имел врагов.

Но что воистину беда,
Но что всего грустней,
Не мог сказать он другу «да»
И потерял друзей.

Так дни, недели и года
Он жил себе во вред,
Не говорил любимой «да»,
А нелюбимой — «нет».

Он зла не делал никому,
И он понять не мог,
Как это вышло,
Почему
Он в жизни
Одинок.

Человек ускоряет шаги

Тьма крошечная, сыплется
снег.

Где-то рядом идёт человек.

– Дай мне руку – не видно ни
зги! –

Человек ускоряет шаги.

Он глухой, он слепой, он немой,

Не на помощь спешит, а домой.

Чей-то голос зовёт:

– Помоги! –

Человек ускоряет шаги.

Он в заботы свои погружён,

Для чего ему лезть на рожон?

– Заступись! Очернили
враги! –

Человек ускоряет шаги.

Крик вдали или стон за

стеной, –

Человек повернётся спиной:

Ведь не он этим бедам виной, —
Значит, можно пройти стороной.

Он со всеми на свете на «вы»,
Кривотолков боится, молвы,
Он вовек не преступит черты
Неподсудной своей правоты.

...А мечтал ведь, мечтал
Хоть на миг
Отступиться от правил своих!
Отшвырнуть осторожность и страх
И нырнуть в штормовую волну!
Иль ударить кого-то в сердцах —
Пусть потом это ставят в вину!
Или счастьем навстречу бежать
Сквозь туманный предутренний мрак
И мечту свою к сердцу прижать
На глазах у застывших зевак!..
Так спеши же проснись! Спеши!
Ты порывов души не глуши!
От себя самого не беги!

...Человек ускоряет шаги.

Скала

Мы в пути с утра.
За горой — гора,
Над рекой — скала,
Холодна, гола...

Глянешь ты едва —
И сомнений нет,
Что скала мертва
Много сотен лет,
Что её камней
Нету холодней,
Что трава жестка
И горька на ней...

Но к скале такой
Приложись щекой —
И услышишь вдруг
Скрытый сердца стук,

И поймёшь в тот миг:
В ней душа жива,

Это бьёт родник,
Чтоб росла трава.

Ты к скале такой
Прикоснись рукой
В предвечерней мгле,
К ледяной скале, —
Так она жарка,
Так раскалена,
Будто бы века
Жар хранит она!

Ты послушай, друг:
Если встанет вдруг
На пути скала,
Холодна, гола,
Сразу не суди —
Ближе подойди!

Неглинная улица

Под ветром скрипят вековые леса
И клекот звучит соколиный,
А по утрам выпадает роса
На мшистый берег
Неглинной...
И к просыпающейся волне
Ласкается луч золотой,
Женщины с ведрами —
Чудится мне —
Спускаются за водой.
И камень гудит от шагов до сих пор
Тяжёлые, доброго роста
Идут к наковальням
На Пушечный двор
Кузнецы с Кузнецкого моста...

Но что это?
Вижу:
На берегу,
Словно из бронзы литая,

Девушка села — «на перекур»,
Яблоко уплетая...

И солнце глядит, облака прорвав,
Как, отложив конспекты,
На летней практике
Юный прораб
Из улиц творит проспекты!
Все она слышит:
Движенье вод,
Их подозрительный шорох...
И Неглинка —
Не буйствует в ледаход,
Смирилась в бетонных шорах!..

Звонят металлические леса,
Рассеялась быль старинная —
Течёт, гудит на все голоса
Асфальтовая Неглинка.

Мальчик в школу идёт

Город утренний чист,
Город светел и тих —
Вновь сентябрьская синь
Над землёй разлилась.
Сердцем чувствует город
Торжественный миг:
Мальчик в школу идёт
В первый раз.

По фамилии станут его называть.
Станут — хочешь не
хочешь —
К доске вызывать,
И отныне
Всегда он —
Захочет иль нет —
Должен будет держать
Перед всеми ответ.

Мальчик в школу идёт,
Мальчик в школу идёт, —

Он узнает о том,
Как рождается лёд
И что сердце живое
Средь вечного льда
Остаётся живым и горячим всегда.

Он узнает о том,
Что такое тепло,
Как торопится к морю
Речная струя...
Так когда-то об этом узнала и я.
Да, не мало воды с той поры утекло...

Сколько минуло лет!
И опять, как тогда,
Из бассейна в бассейн
Будет литься вода,
И Сатурн поплывёт
В серебристом кольце,
И навстречу друг другу
Пойдут поезда,
Чтобы встретиться в пункте «Ц».

Не всегда это просто —
Решенье найти
Это очень легко:
Разминуться в пути!..

Первый шаг,
Начинающий сотни дорог, —
Как он робок,
Как чётко,
Как празднично строг!..

Над землёю
Сентябрьская синь — как стекло.
Вслед прохожие смотрят,
Волнуясь чуть-чуть...
Пусть же будет на сердце тепло и светло,
Веселее иди —
В добрый путь!

* * *

Снег слетает и не тает.
Завтра поезд прибывает...
За окошком вечер белый,
Вечер белый, полный грусти.
Я пошла бы, полетела —
Только из дому не пустят.
Скажут: «Ну, куда так рано?»,
Скажут: «Это очень странно —
Подниматься до рассвета:
Ведь сейчас зима — не лето!»

Ты же выйдешь из вагона,
Ты согласишься удивлённо
И, поставив чемоданы,
Скажешь: «Отчего так рано?
Ты кого-нибудь встречаешь?
Что молчишь — не отвечаешь?..»

Отчего всё так бывает?
...Завтра поезд прибывает.

* * *

Имя твоё скрываю,
С дороги твоей бегу,
Лицо твоё забываю —
Забить тебя не могу!

Блуждаю в потоке улиц,
Вглядываюсь в прохожих...
Где же мы разминулись,
Что встретиться всё не можем?
Как это получается:
Кто нужен — тот не встречается?!

Если нельзя нарочно,
Может быть, хоть случайно,
Может быть, хоть нечаянно
Где-то вдруг оглянуться,
Где-то в пути столкнуться,
Встретить не на свидании,
Не сговорясь заранее,
Встретить хоть на минуту,
Или на целых десять,

Все слова перепутав,
Не успевая взвесить —
Плохо ли, хорошо ли,
К радости или к боли...
Только не получается:
Кто нужен — тот не встречается!

Спрятаться не сумею,
Спросишь — так не солгу,
Вспомнить тебя не смею,
Забить тебя не могу...

* * *

Как близок путь мой до тебя!
Лечу я, время торопя,
И солнце освещает путь,
И дождик, прыгая как ртуть,
Дорогу моет добела,
Чтоб пыль меня не замела,
И ветер, дующий с реки,
Бежит со мной вперегонки.
А как шаги мои легки!
Лечу я, время торопя,
Деревья машут мне: скорей!
И вот я у твоих дверей.
Как близок путь мой до тебя!

Как до меня твой путь далёк!
Тебя сбивает ветер с ног,
Деревья преграждают путь,
И люди норовят толкнуть,

То солнце жжёт,
То ливень льёт,

А надо двигаться вперёд, —
Мешает двор, мешает дом,
И ты идёшь с таким трудом,
А сколько улиц, погляди,
Ещё осталось впереди!
Шагаешь ты, весь мир браня, —
Как долог путь твой до меня!

* * *

Для всего хорош ты света,
Обходителен и мил,
И не третишь ты на это
Никаких душевных сил.
Быть со всеми ровным хочешь,
Не заботясь — враг иль друг...
Видно, это просто очень
Всем сочувствовать вокруг,
Не задеть и не обидеть,
Беглым взглядом наградить,
Не любить, не ненавидеть —
В общем, мимо проходить!
Проходить, ни с кем не споря,
Не утешив никого,
Мимо радости и горя,
Мимо счастья своего.

* * *

Я стояла в стороне,
Ты не подошёл ко мне.
У меня свои заботы,
У тебя свои дела.
Думал ты, я жду кого-то,
Ну а я тебя ждала.

* * *

Летели недели,
Гудели метели —
О как мы друг друга
Увидеть хотели!
Но — слов не сказали,
Но песен не спели,
Друг другу обрадоваться
Не успели...
Едва поздоровались —
Снова прощаться...
Ну как же так можно
С людьми обращаться?!

* * *

Ты не щади, ты не жалей,
Пускай мне станет тяжелей,
Пусть станет хуже во сто крат,
Пусть будешь сам потом не рад, —
Но я когда-нибудь смогу
Не думать ночи напролёт...
Ещё апрель лежит в снегу,
Но снег сойдёт, но стает лёд,
Но неизбежен птиц прилёт,
И, как бы ты ни стал решать,
Ты им не сможешь помешать.
Я снова научусь дышать,
Я снова зренье обрету
И птиц услышу на лету!

* * *

Тяжёлой, дорогой ценою
В течение стольких дней подряд
Ты столько раз оправдан мною,
Что мне дороги нет назад.

Покой души своей нарушив,
Я оправдала всё в тебе:
Приветливое равнодушие
К чужой беде, к чужой судьбе,

Забывчивость и невниманье,
И пылкость праздничных речей,
И полное непониманье
Простых, казалось бы, вещей,

И уклоненье от ответов,
И поклоненье именам,
Боязнь укоров и наветов,
Предназначающихся нам...

Да, я сама тому виною,
Что всё, как есть, могла принять...
Ты столько раз оправдан мною, —
Себя мне нечем оправдать!

* * *

И к тому, что похвалят,
И к тому, что ругают, —
Ко всему постепенно
Человек привыкает:
К ежедневной заботе,
К еженощному бдению,
К напряженью при взлёте,
К пустоте при паденье;
Привыкает к сраженьям,
К тишине и порядку,
Привыкает к лишениям,
Привыкает к достатку,
К незнакомому краю,
Что вдали возникает, —
.....
Словом, к аду и к раю
Человек привыкает,
К знойной яркости юга,
К черноте бездорожий...
Лишь к предательству друга
Он привыкнуть не сможет.

* * *

С годами мы становимся щедрей —
Своей души для ближних не жалеем.
С годами мы становимся мудрей —
Добро от зла мы отличать умеем...

Добро от зла умеем отличать.
Добром на зло порою отвечать
И радость находить в чужой удаче...
Привыкнув не копить, а расточать,
С годами мы становимся богаче...

С годами мы становимся скупей —
Мы так дрожим над крохами участия!
Идут, бегут года,
Но — хоть убей! —
Всё испытав, надеемся на счастье.

* * *

Нужно радоваться уметь —
Детям, что рождены шуметь,
Щедрым ливням, скупым лучам,
Трудным дням и немым ночам.

Нужно радоваться уметь —
Раньше старости не стареть,
Жизнь живую не усмирять,
Раньше смерти не умирать!

И тому, что прошло уже,
Но осталось навек в душе,
И тому, что случится впредь,
Нужно радоваться уметь!

В непогоду

1

Мы с тобой не видимся по году,
Но не в этом главная беда:
Мы с тобой в хорошую погоду
Вместе не бродили никогда.

Мы с тобою сами виноваты,
Что прогулки нагоняют грусть:
Вечно ты торопишься куда-то,
Вечно я куда-то тороплюсь.

Не идёшь со мной, а провожаешь,
Будто я дороги не найду.
Ты меня вниманьем окружаешь,
Все боишься, вот я упаду.

И пока подыскиваешь слово,
В небе набегают облака.
Под струей потока дождевого

Ничего ты мне не скажешь снова,
Только дождь стряхнёшь с воротника.

Разозлясь на злую непогоду,
Вымокнув до нитки, до костей,
Снова расстаёмся на полгода
И опять полгода ждём вестей...

Если бы не эти незадачи,
Если бы не мокли мы, скользя,
Верно, не расстались бы иначе,
А не расставаться нам нельзя.

2

Не припомню, как случилось,
Помню только, что с утра
Небо тучами закрылось,
Хлынул дождь как из ведра.

Тихо сумерки спускались
В тёмно-серой пелене.
Паровозы в путь пускались —
Ехать нужно было мне.

И согрел меня минутным
Удивительным теплом

Взмах руки твоей за мутным,
Расплавившимся стеклом.

Я забыла, как при этом
Ты взглянул и что сказал...
Помню лишь под тусклым светом
Уплывающий вокзал,

Стены, крашенные охрой,
Стук сердец — или колёс? —
И окно, что было мокрым
От дождя или от слёз...

Помню, стекла всё звенели,
И гудела глухо даль:

«Уезжаешь? В самом деле?
Уезжаешь! Навсегда ль?..»

Паровоз дышал тревожно,
Прорезая ночи тьму:
«Невозможно! Невозможно!
Никогда не быть тому!..»

За окном в садах и в рощах
Всё вода, вода, вода,
Будто смыть всё хочет дождик,
Не оставив и следа...

Гудели поезда тревожно,
И дождь уныло моросил.
И остаться — невозможно,
И расставаться — нету сил.

И вот в вагоне у окна я —
Плывут огни, назад маня.
Не я сегодня уезжаю,
Ты уезжаешь от меня!

Покрытый дождевою пылью,
Ты отъезжаешь — спору нет! —
С киоском, где мы воду пили,
И с кассой, где с тобой купили
В один конец один билет,

С перроном, тишиной объатым,
Где и следов не отыскать,
С почтовым ящиком, куда ты
Не станешь писем опускать.

Ранняя весна

1

Снежинками выкалывает глаза
Темнота непроглядной нóчи.
Ты, кажется, что-то хотел сказать?
Или совсем говорить не хочешь?
Переход.
Напротив мой дом и двор.
Хочу уйти, разозлённая.
«Путь свободен!» – сказал светофор.
А глаза твои тоже зелёные.

2

Нет, позабыть я не смогу
И снег, с деревьев на бегу
За воротник летящий,
И след лосиный на снегу,
Бегущий прямо в чащу,
И лёгких лыж блестящий след,
И солнца мартовского свет,

И тень, черней которой нет,
На белизне слепящей!

Мальчишки обогнали нас
И ждут давно под горкой,
Где тонкий, хрупкий, ломкий наст
Натянут звонкой коркой:
Он будто хочет уберечь
До новых встреч,
До новых встреч
Ту белизну,
Ту новизну,
Ту крутизну обрыва,
С которой мы с тобой сейчас
Скользим нетерпеливо...

3

Каждый встречный — как приятель!
Всем — в улыбке хорошеть!
Нет на солнце нынче пятен,
Пятен нет и на душе.

Блещут золотом дома,
Мчатся птички пачками.
В небо глаз не поднимай:
Синевой испачкаешь!

Что же это за порядок?
Всем известно: так нельзя,
Если вдруг у всех подряд
Будут синие глаза!

То неправду говорят,
Будто хуже карие:
Те горят — так уж горят,
Даже пахнет гарью!

Я ж люблю и за глаза
Очень разные глаза,
Только — чтоб весенние:
Карие и синие.

* * *

Берёз желтеющие пряди,
Листва летит наперерез,
Замолкший луг темнеет сзади,
А впереди — притихший лес.
И пахнет прелью и грибами,
Уже привядшею травой,
Густой, над лесом и лугами
Разлитой щедро синевой.
О, как мне жаль, что ты не слышишь
Сейчас того, что слышу я,
Что воздухом другим ты дышишь,
Другие видишь ты края,
Не можешь слушать ветер звонкий
И от тропинки в стороне
Найти пахучие опёнки
На рассыпающемся пне,
Вокруг глядеть — не наглядеться
И видеть всё, как в первый раз,
Чтоб нескончаемым, как в детстве,
Вдруг показался этот час.

Армения

Синее небо.
Жёлтые скалы.
Ярко много.
Тусклого мало...
Лёд родников и горячие камни.

Как далека ты,
Как ты близка мне!

В вихре столетий
Всё здесь смешалось:
Солнце и ветер,
Жёсткость и жалость.
В трапезе —
Сладость,
Горечь и соль,
На сердце —
Тяжесть,
Радость и боль...

Снова смотрю я с Зангинского моста —
Как здесь всё трудно,
Как здесь всё просто!..

Трудно приткнуться
К выжженным травам,
Трудно привыкнуть
К людям и нравам,
К острым приправам
Трудно привыкнуть!
В сердце чужое
Трудно проникнуть.

Но — берегись, увидавший однажды
Снег Арагаца, взор ослепивший!
Но — берегись, погибавший от жажды
Путник, воды ереванской испивший!

Знай и запомни,
Зноем палимый,
Необъяснимой
Грустью томимый,
Радостью горькой,
Светлой тоскою, —
Ты не узнаешь минуты покоя!

Путник, пыланьем листвы обожжённый,
Песней печальною заморожённый,
Что бы ты не пил,
Где бы ты не был, —
Будешь ты видеть
Синее небо,
Небо, что пахнет терпко и пряно,
Синее небо кисти Сарьяна.

* * *

Костёр, догорающий в Норке,
Высоких снегов чистота
И первого инея корка,
Схватившая зелень листа...

Огонь и тепло — на исходе,
Темнеют деревья во мгле.
По тлеющим травам мы ходим,
По тихой погасшей земле.
И песня последняя спета,
Какой не услышим вовек...

И вспышки прощального света
Ложатся на уголь и снег...

Лаваш

Стояли утёсы, оскалясь,
И мрачно смотрели нам вслед.
Далёко за нами остались
И праздник, и песни, и свет.

Теряя последние силы,
Плелись мы в полуночный час,
И небо нам плечи давило,
Хребты надвигались на нас.

И вдруг от дороги в сторонке
Мы видим —
Не сон, не мираж!
Пред нами обветренный, тонкий
Во мраке белеет лаваш.

Не где-то в пыли под ногами —
Нет! Добрая чья-то рука

Его положила на камень
У памятника-родника.

Забыли мы голод и жажду
И путь, что так труден и крут...
О, если бы думал так каждый
О людях, что следом идут!

* * *

Мартirosу Сарьяну

Когда ты застынешь в его мастерской,
Неистовством красок охвачен,
И жизнь целиком принимаешь такой —
Ликующей, щедрой, горячей,
И сердце твоё в преклоненье замрёт,
Полотнам дивясь, словно чуду,
Готов ты воскликнуть:
— Откуда берёт
Он краски такие?
Откуда?..

Когда ты там будешь,
Взгляни:
В стороне,
Наполнена до половины,
Стеклянная банка стоит на окне
С землёй Араратской долины...

* * *

Под алмазным венцом
Среди звёзд – Алагяз...

А. Исаакян

Арагац в венце алмазном, –
Пропастей немой оскал,
Льды веками стыли праздно
На промёрзших спинах скал...

Он таинственным недаром
Назывался испокон...
О, как много в сердце старом
Бережёт секретов он!

Может, снежною метелью
Не всегда он был одет?
Может, на него глядели
Существа других планет?

Может, дальних звёзд сигналы
Он ловил?

Но вот беда:
Чтоб понять их,
Не хватало
Самой малости тогда —

Величин, ничтожно малых
Пред величьем грозных скал:
Человека не хватало,
Чтоб загадки разгадал!

...В Бюракане ветры дуют,
Камни мечут, снег метут...
Академики колдуют —
Речи с космосом ведут,

С Арагаца, в окруженье
Туч, утёсов и орлов,
Наблюдают звёзд рожденье
И движение миров...

На вершинах — снег
нетленный
Под лучами звёзд горит, —
Это вечность со вселенной
В полный голос говорит!

Мечта

Таинственны тёмные скалы, —
Куда же нас путь занесёт?
О, как я когда-то мечтала
Добраться до этих высот!

Свершилось.
И грустно немного,
Что вот она — рядом — мечта,
Что кончена эта дорога,
А новая не начата.

Мечта... Во владениях птичьих
Лишь серые плиты да прах,
Обломки былого величья,
Когда-то внушавшего страх.

Развалины древнего храма
Вечернюю ловят зарю.
А я — я упорно, упрямо
В долину, в долину смотрю:

На красного камня смятенье,
На жёлтые пятна полей,
На лёгкие тонкие тени
Взлетающих ввысь тополей.

Ловлю я, забыв про усталость,
Осеннюю жаркую медь –
Я только затем поднималась,
Чтоб вниз неотрывно смотреть!

Хочу сказать тебе хоть слово —
И не могу произнести...

И кажется, всё в нашей власти, —
А мир не дрогнет, не вздохнёт,
И лишь Зангу летит, как счастье,
Спеша безудержно вперёд,

Ликует, брызги поднимая
И наполняя счастьем нас,
И я ещё не понимаю,
Что мы прощаемся сейчас.

2

Не в первый раз пришла сюда я,
Чтоб видеть неба свежий цвет,
Но в первый раз — земля седая
И листьев на деревьях нет.

Да, листьев нет... И, как бывало,
Мне не скрываться в их тени.
Я молча у реки стояла
И вспоминала, как они
Чешуйки почек пробивали,
Встречая раннюю зарю,
Как пламенели,

Остывали
И истлевали к январю.

И вот, как пепел, напоследок
Они легли к ногам моим,
Как снег, что так на юге редок
И так земле необходим...

3

Покрыты льдом стволы и корни,
Земля застыла на века.
Но всё быстрее, всё упорней
Сквозь скалы рвется вдаль река.

Она по валунам сбегает
За часом час,
За годом год, —
Пуškai их с места не сдвигает,
Но льдом покрыться не даёт.

* * *

Пёстрых камешков горстку
Из воды я достану,
Чтоб со мною повсюду
Были краски Севана.
Из привычной стихии
Я их вытащу к свету.
Вот они и сухие,
Но... ни блеска, ни цвета.

И не стану скрывать я,
Что и сам ты, признаться,
Тоже что-то утратил
Без снегов Арагаца,
Без дымка хороваца...
Ты без красок, без песен,
Без летящих дорог —
Молчалив и невесел,
Словно камни, поблэк...

* * *

Чтоб они не пропали,
Не замёрзли зимой,
Виноградники в Норке
Засыпают землёй.
Чтобы ветер колючий
Их не гнул, не ломал,
Чтобы душу живую
В них мороз не сковал,
Чтобы, силы набравшись
В ожиданье весны,
Снова встретили солнце,
Буиной жизни полны...

Я любовь свою спрячу,
Чтоб от солнца вдали
Ей холодные люди
Повредить не могли.
Спрячу я от колючих
Вразумляющих фраз,
От чужих равнодушных,

Осуждающих глаз,
Чтоб, живой, невредимой,
День за днём торопя,
Как весеннего солнца,
Ей дожидаться тебя.

* * *

И солнце, и тепло я унесу,
Чтоб жил, как в тёмном, как в глухом лесу,
Чтоб ты продрог,
Чтоб ты не мог без света,
Чтоб без дорог
Бежал за мною следом,
Чтоб до костей мороз тебя обжёт,
Чтоб изнемог,
Чтоб ты дышать не мог,
Чтоб понял ты,
Судьбу свою кляня, —
Не жить тебе на свете без меня!

Вдалеке

И когда нахлынет тоска,
Разговоры вести начнёт,
Вспоминается мне река,
Что сквозь горы твои течёт.
Для которой препятствий нет,
Что туман разрывает в клочья,
Что несёт человеку свет
Непроглядной дремучей ночью.
И кипит она в тишине,
И летит она сквозь пороги,
И в бурлящей ее волне
Нету лодке пути-дороги.
Дарит людям тепло она,
Заливает светом дома —
Но сама она холодна,
Но бурна и темна сама...

Часто я от тебя вдалеке
Вспоминаю о той реке.

Пекарня в Дидубе¹

Внутри цемент,
Кирпич на дне —
Колодец вырыт круглый:
В нём — пламя пляшет в глубине
И пышут жаром угли.
Так прочно,
Будто бы навек,
Здесь выложена печь.
Над ней весёлый человек —
О нём и будет речь.

Кладёт он тесто на ладонь,
Чтоб прилепить к стене,
И вниз бросается,
В огонь,
Мятущийся на дне.

¹ Дидубе — район в Тбилиси.

Летит, оставив белый свет,
Он в пламя,
В пекло,
В ад!

Дыханья нет,
Спасенья нет,
И нет пути назад...

Но, вынырнув
(«Велик ли труд?»),
Дыша огнём,
Потом
Возьмёт он тонкий длинный прут
И ловко тем прутом
Подцепит хлеб
И извлечёт,
Не дав сожрать огню, —

Тбилисский пекарь так печет
Пятьсот хлебов на дню.

А после — встанет в стороне,
Как будто был не он в огне...

С огнём борясь на дню сто раз,
Так создавать бы каждый час

Своё — тебе и мне б,
Не хвастаясь, не напоказ,
Как этот пекарь — хлеб!..

...Коль ни один ещё герой
Ни под горой, ни над Курой
Не встретился тебе,
Зайди полднвною порой
В пекарню Дидубе.

Щедрость

Касаясь ветками небес,
На кручах синим днём
Горит осенний цхнетский лес
Невиданным огнём.
Шиповник, груша и гранат,
Повисшие над нами,
Под тонкой кожицей хранят
Лучей полдневных пламя.
Переплетясь, свисая вниз
И оттесняя листья,
Зажглись кизил и барбарис,
Боярышника кисти...

О, щедрый лес!
Мы вновь и вновь
Его листву тревожим!..
Он до последней капли
Кровь
Готов отдать прохожим.
«Бери что хочешь у меня,
В моей тиши дыши!»

Но мы проходим,
Не ценя
Ни щедрого его огня,
Ни широты души,
Ни благодатных свежих сил,
Ни доброты великой, —
Бросаем под ноги кизил
И топчем ежевику.

А цхнетский лес роняет плод
В полуденном краю,
Дарам он счёта не ведет
И благодарности не ждёт
За широту свою.

Самшит

В ущелье, где темно, безлюдно,
Где солнца нет и песен нет,
Растёт он медленно и трудно
По сантиметру в десять лет.

Он видел сотен рек рожденье,
Он видел гибель тысяч трав,
Он видел всех ветров движенье,
Законы времени поправ.

Пощады он у бурь не просит,
Мороз, и зной, и сушь, и грязь —
Все принимает, переносит,
Сильней и крепче становясь.

Хоть и не очень ладно скроен,
Зато уж вправду крепко шит,
Высокой участи достоин
Кривой, седеющий самшит...

Но нужно ль было путь немалый
Пройти, изведать, испытать,
Набраться силы небывалой
Затем, чтоб после смерти стать

Шкатулкою для безделушек,
Где лягут запонки рядком,
И для хозяйственных старушек
Удобным штопальным грибком?!

Валико

Едва лишь, солнцем
озарённая,
Росой блеснёт трава,
Выходят на простор зелёный
Все жители двора.
Вот с головою красно-синей
Шипит индюк, надут,
В недоуменье смотрят свиньи,
И куры прочь бегут.
За индюком второй и третий
На двор наводят тень,
И кошка, на пути их встретив,
Нырнет под плетень.
Для них не сыщешь наказанья,
На них управы нет!
Но вышел с прутиком хозяин
Двух с половиной лет:
Он гонит чудищ за ворота,
Он их почти настиг, —
Он может во дворе в два счёта
Порядок навести!..

Взволнованный дневными играми,
Не омрачен ничем,
Стоит, как витязь в шкуре тигровой,
С котёнком на плече!

Юг и север

Мы спор свой старинный
Не кончим никак:
У вас — мандарины
Размером с кулак,

И зреет инжир
В благодатных лучах,
И небо лежит
У горы на плечах.

Не снег на заре,
А рассыпаны росы,
Цветут в декабре
Белоснежные розы,

Свет брызжет и льётся,
Неиссякаем,
А снег — возле солнца:
Недосягаем...

Взгляни-ка:
Брусникою
Край мой прошит.
Вся в солнечных бликах
Лужайка лежит,

И снег со снежками —
Не так, как у вас!
И ты с башмаками
В сугробе увяз.

И тёплые шубы,
И снежная проседь...
Замёрзшие губы
Легко разморозить!

На улицу выйдешь —
И ветер вразлёт!
Впервые увидишь,
Как тронулся лёд.

И тает, не тает
Темнеющий снег,
И галки взлетают
Навстречу весне!..

И что ж получается?
Спорим напрасно:
Ведь мир ощущается
Только контрастно —

Нельзя, чтобы вьюга
Без ясного дня,
Чтоб север — без юга,
Чтоб ты — без меня.

* * *

Не каждому выпадет счастье такое —
Бродить над весёлой Дзирулой-рекою,

Следить, как Дзирула у всех на виду
Играет с мальчишками в чехарду.

А после — подняться в раскидистый сад,
Где каплями солнца висит виноград.

И землю тогда разрывает Ясон,
И новый кувшин открывает Ясон,

И лёгкая тоненькая Русудан
Протянет зелёный гранёный стакан.

Один на двоих подаёт нам с тобою,
Чтоб счастье пригубить нам сразу обоим,

Чтоб быть нашей дружбе без бури и хмури
И крепкой и светлой, как Цоликаури.

А влага струится, как речка средь круч,
Трепещет, как пойманный солнечный луч,

И плавает в ней виноград наверху –
Такого вина ты не пил на веку!

Такое не каждому в жизни дано:
За счастье – с изюминкой выпить вино.

Грузинский мрамор

Я в долгу...
перед вами,
багдадские небеса...

В. Маяковский

По всей Имеретии всё зацвело —
Гранат и инжир с айвой...
В зелёных горах затерялось село
За молодой листвой.
Быки шагают мимо ворот,
Солнце бока их гладит...
За поворотом
Ещё поворот,
Отсюда — из Шроши — дорога идёт,
Дорога ведёт
В Багдади.

Кавказских небес глубокая синь,
Река между красных скал —
Наверно, в детстве
Лесничего сын
В Шроше с отцом бывал.

Ведь это рядом —
Тот же уезд!..
...Бродил он здесь целыми днями,
На речке, покуда не надоест,
Ловил бычков под камнями,
Следя, как с сетью
В солнце и в дождь
Бредут по воде рыбаки...
Впервые здесь пробовал
Голоса мощь
Под грохот и шум реки...

...Над гулкой Дзирулой
До поздней поры
Работают каменотесы,
Куски откалывают от горы
И катят их вниз с откоса.
На что он,
Добытый в горах над рекой.
Спавший в земле веками?..
И вспомнила я,
Где встречала такой
С прожилками красный камень!
Хранящим звучание первых строк
Гремящего слова хлёсткого,
Им облицованы
Стены метро.
«Площади Маяковского».

И люди, в столицу издалека
По разным делам приехав,
Слышат в метро,
Как поёт река,
Как вторит ей горное эхо...
В туннеле, где солнечно, словно днём,
На мрамор грузинский глядя,
Слышат:
Звучит еще голос в нём
Мальчика из Багдади.

Пускай растут!
Пусть ветками акаций
Зовут людей,
Взбираясь на откос, —
И кто-нибудь отточит, может статься,
Ось для арбы
И кольшки для лоз.

И пусть лоза нальётся сладким соком,
И пусть арба бочонки повезёт...
И, то вино подняв,
В краю далёком
Тост
В память деда
Внук произнесёт.

*Самадло*¹

Небосвод предвечерний —
Как фазанье перо,
Только тронуто чернью
Облаков серебро.

То шарахаясь в стороны,
То застыв на ходу,
Кружат чёрные вороны,
Предвещая беду.
За отрогами дальними
Вижу — камни горят:
Это башни сигнальные
Зажигает закат.
В вечереющей ясности
Полыхают огни,
О грозящей опасности
Говорят нам они...

¹ Самадло — в переводе буквально означает место благодарения.

Но беды не случится:
Эти вороны чёрные
Просто здешние птицы,
Обитатели горные.
И сигнальные башни
(Их окрасил закат)
Нам о страхах вчерашних,
О минувших твердят.

А сегодня я в ласковом,
В благодатном краю
Перед тёплыми красками
В восхищенье стою
Над зелёными чашами
Меж скалистых плато.
Приношу глубочайшую
Благодарность за то,
Что хребты в озарении,
Что на сердце светло,
Место благодарения —
Самадло...

Плакучая ива

О чём ты тоскуешь, плакучая ива,
Над белой Арагвой склонясь сиротливо?
О травах росистых над тихой Окою,
О ветлах, о вербах над русской рекою?
О запахе сена,
О нивах тяжёлых,
Об омурах тёмных,
Об отмелях жёлтых?..

Плакучая ива, о чём же ты плачешь,
Прозрачные слёзы в ветвях своих прячешь?..

А может быть, просто, на самом-то деле,
Плакучая, ты уродилась счастливой?
Ты слушаешь всплески весёлой форели
И светлые песни Арагвы бурливой,
И звон водопадов,
И шёпот акаций,
И горного эха глухие раскаты?

С грузинской землёю тебе не расстаться —
Ведь всеми корнями в ту землю вросла ты!

Плакучая ива, плакучая ива,
И я над Арагвой стою молчаливо,
Как ты, я на дальнем стою берегу,
Как ты, я отсюда уйти не могу.

Пристрастия

Я не таю своих
 пристрастий –
Во всём их власть.
На всём их след:
Они рождают боль и счастье,
Они бросают тень и свет.
Вот потому подчас – не скрою –
Над мелочами загрущу,
Порой – прозрею,
А порою
Глаза на многое закрою,
И оправдаю,
И прощу.
Порою что-то приукрашу,
Порою что-то опущу,
Порой, как тяжкую поклажу,
Пристрастья за собой тащу.

Мне никуда от них не деться –
Ни подарить,
Ни сбросить с плеч...

Они во мне с рождения,
с детства,
Как слух, как зрение, как речь:
Под солнцем — горы в белой
дымке,
Под снегом — тёплая земля,
И липы на Большой Ордынке,
И в Ереване — тополя;
Дыхание цветущих сосен,
И запах вянущей травы,
И нагнетание предгрозя,
И неизведанность тропы.
Заглохший пруд с зелёной
ряской,
Закатным светом залитой
(Не потому, что жизни тряской
Предпочитаю я застой)...
Моя земля —
Она прекрасна!
И лучше всех —
Мои друзья!..
И — я права,
Хоть и пристрастна, —
Не согласиться с тем нельзя!

* * *

Мне кажется, яснее нет
Часов закатных летом.
Вот говорят – рассвет, рассвет!..
А что в рассвете этом?

Даль расплывается, легка,
Без края, без границы,
Плывут и тают облака,
И как узнать наверняка,
Что с ними днём случится?

Уйдут иль тучами ползти
Начнут по небосклону?
Всё в ожиданье, всё в пути,
Всё неопределенно.

Сравнить бы с этим не могла
Закатных полчаса,
Когда земля ещё тепла
И не легла роса,

Когда очерчен чётко лес,
И озеро, и луг,
Простор обрёл объём и вес,
И видно всё вокруг,

Когда тобою выбран путь
Из множества дорог
И, не собравшись отдохнуть,
Ты сделал всё, что мог.

Последний луч волны достиг,
И дрогнула вода,
Как будто с чем-то в этот миг
Простилась навсегда.

Уходит этот день от нас,
И летний вечер тих.
Сегодняшний закат угас...
Но сколько будет их!

* * *

Все краски на палитре смыла,
Дохла холодом в эфир —
Взяв только уголь и белила,
Зима раскрашивает мир.

Белым-бело. Вглядись, попробуй!
Здесь только чёрных два мазка:
Ель над серебряным сугробом
И паровик «Уфа—Москва».

От паровоза дым столбом,
И небо от него рябое,
И — море белое кругом
Без берега и без прибоя...

Здесь всем неясностям крушенье,
Здесь белый цвет и чёрный цвет.
Здесь нужно принимать решенье
Без сожаленья — да иль нет!

Постой же здесь совсем немного,
И ты найдёшь ответ простой,
Будь только прям перед этой строгой
И беспощадной чистотой.

* * *

Всегда, когда рванется поезд, —
Ещё не там, уже не здесь —
Ты, на особый лад настроясь,
Спешешь к попутчику подсесть.

А поезд мчится по раздолью,
Пустив со свистом сизый дым...
И ты под вечер хлебом-солью
С соседом делишься своим.

Но нет! Не только хлебом-солью,
А ни с того и ни с сего
Удачей делишься и болью,
Хоть видишь в первый раз его.

И всё, чем ты богат и беден,
Ему выкладываешь вдруг,
И он, что день с тобою едет,
Всё примет, словно давний друг.

Не отягчён предвзятым мнением,
Он, как старинный друг, поймёт
Твои волнения и сомнения,
Печали гнёт, мечты полёт, —

И вот уж сам он о заветном,
О сокровенном говорит...
В купе, встречая час рассветный,
Огонь доверия горит.

Чужой судьбы живая повесть —
Ночной беседы вьется нить...
...Вот сесть бы нам с тобою в поезде
И по душам поговорить!..

Из книги
«Память о солнце»

* * *

Посмотрю на карту ль,
За перо берусь ли я —
Предо мною Картли,
Бархатная Грузия.

На снегах нежны, как сон,
Облака залётные,
И леса ползут на склон
Дочерна зелёные.

И прижались — чуть видны!
К виноградным лозам
Голубые кувшины
С медным купоросом.

Кукурузников стена,
Рощи апельсинные...
Я ж люблю полутона,
Ветлы серо-синие,

Замороженной Москвы
Хрупкие апрели
И нечёткие мазки
Слюдяной метели,

Но взгляну на карту, —
Сразу сердцем рвусь я
В солнечную Картли,
В бархатную Грузию,

К небу густо-синему,
К жарящему лету,
И понять не в силе я,
Отчего всё это!

Здравствуй!

Под грузинским ясным небом
Все прохожие подряд:
– Гамарджвеба! Гамарджвеба! –
Вам при встрече говорят.

Виноделов в шапках серых
Повстречали мы с тобой,
Что окуривали серой
Виноградник голубой.

Встретили в дороге деда,
Шёл геолог с рюкзаком –
Каждый нам желал победы,
Будто с нами век знаком.

И приветствия звучанье
(Просто форма, просто звук!) –
Смыслом высшим, изначальным
Поворачивалось вдруг:

Ждёт во всем удача, значит,
Нас отныне и вовек!
Разве может быть иначе,
Коль желает нам удачи
Каждый встречный человек!

О прославленное братство
Всех отправившихся в путь!
Говорю я встречным:
– Здравствуй!..
Значит, век здоровым будь!..

На крестовом перевале

Тумана ленту перервал
Шофёр — и под ногами
Блеснул Крестовый перевал
Альпийскими лугами.

Трава сочна — хоть выжимай,
Как будто не июнь, а май.
И дружбу завязали
Татарник и азания.

Лежат снега, не тая,
Даль — необыкновенная!
Так вот она какая,
Грузинская, Военная!..

Налево взглянешь — бетон и рвы,
Труду здесь такой почёт,
Что даже Терек ниже травы
И тише воды течёт.

Направо – остатки былых батарей,
Выполнивших приказ.
А сзади –
Семь Братьев-
Богатырей,
Горою стоят за Кавказ.

И птица пролетает,
Стальная, дерзновенная!..
Да, вот она какая,
Грузинская, Военная!

Важа Пшавела

Неструганый столик — зазоры и щели,
Нависшие своды и пол земляной.
Вся комната — будто частица ущелья:
Всего лишь в четыре шага шириной.

И тщетно пытались в оконца косые
Пробиться два тонких полдневных луча,
И по снегу бегали дети босые,
И тлела последняя в доме свеча.

Когда ж расплывался чадающий огарок
И месяц за облаком прятал рога —
Склонясь над скамейкой, поэт без помарок
Писал при дрожащем огне очага.

И конь и хозяин к Тифлису шагали,
Хурджины со строчками — через седло,
В ущелье вдали оставалось Чаргали,
Ещё неизвестное людям село...

...Здесь бродят в деревьях весенние соки,
Здесь хмурые скалы расплачутся вдруг,
И празднуют свадьбы болтливые сойки,
И грезит о прожитом высохший бук.

И рыба плодится в речушке бурливой,
И носятся ветры, над лесом кружа,
И прячется где-то косуля пугливо,
Как будто ожившая сказка Важа...

Ты смотришь — и совести слышишь укоры
За всё, что не сделано в спешке пустой, —
А солнце сияет,
А снежные горы
Село осеняют своей чистотой.

* * *

Летел с Мтацминды ветер лёгкий,
Гоня отары облаков
И опаляя плечи ловких
Неутомимых пареньков.
И я смотреть не уставала,
Как мановением руки
Они сдвигали с места скалы
Над руслом высохшей реки,
Как над взлохмаченным оврагом,
Листвы разбрасывая мглу,
Неодолимо, шаг за шагом,
Входила улица в скалу...

И вдруг упрямых, темнобровых,
Я их увидела в веках:
Как гроб Ираклия Второго
Несли на поднятых руках,
Своей не умножая славы,
В знак доблестных его побед

Несли от самого Телава
Военачальника во Мцхет.
Под тяжкой ношей не сутулясь,
Шли, не сгибаясь, в полный рост
Меж гор, долин и сельских улиц,
Наверно, двести с лишком вёрст...

Такие, именно такие,
С таким же пламенем в очах,
Пойдут наперекор стихии
С любою ношей на плечах!
И в смертной схватке с миром старым
Таких я вижу — не иных —
Двадцатилетних комиссаров
В селеньях сванских ледяных...

...Асфальт дымился меж обочин,
Где только что была скала,
И зодчий глянул, озабочен,
Красиво ль улица легла,
Приятно ль здесь бродить влюбленным
Удобно ли стоять домам,
Просторно ли расти зелёным
Платанам, клёнам и дубам?..

Лилось на крыши и деревья
Лучей полдневных волшебство,
И озаряло город древний
И юность вечную его.

* * *

Я вижу снова наяву
Тбилисский день осенний —
И разноцветную листву,
Как смену настроений...

То в страсти пламенем горя,
То багровея в гневе,
Внизу пылает, как заря,
Овраг Варазисхеви.

Здесь расставания печаль
В шуршании осеннем,
Измены жёлтая печать
И ржавчина забвенья.

Но, презирая ветра свист,
Дождю противореча,
Блеснул зелёный свежий лист
Надеждою на встречу, —

Он зелен, зелен, как весной,
Пусть голы все деревья!..
Таким останется со мной.
Овраг Варазисхеви.

Январь в Тбилиси

Замедленными кинокадрами
Течёт толпа по Руставели,
Большое, звонкое, нарядное
Синеет небо, как в апреле...
И мы невольно заражаемся
Дремотной медленностью этою,
По пустякам не раздражаемся,
На ветер и на пыль не сетуем, —
Поднявши лица,
Смотрим в небо мы,
Обласканы лучами жаркими,
И кажемся себе нелепыми,
В своей привычной спешке
Жалкими,
Когда, хоть не хватает воздуха,
Кого-то обогнать пытаемся,
Спешим,
Боясь минуты отдыха, —
И только без толку толкаемся...
А здесь,
Застывши на мгновение,

Мы жёлтый снег мимозы трогаем,
Весны мы ощущаем веянье,
Её на глаз, на вкус мы пробуем.
Затихшие и изумлённые,
Внимаем, затаив дыхание,
Мы пению чижа зелёного,
Что притаился на платане:
Январь ли, май —
Ему неведомы
Календарей хитросплетения...
Но разве услышали б это мы,
Не задержавшись на мгновение?..
Над нами кружит
Радость громкая,
И свист, и щёлканье, и трели...
Замедленной киносъёмкою
Плывет январь по Руставели.

Тбилиси у Авлабара

Когда-то здесь шарманка плакала,
Зурна стонала на заре,
Волчком вертелся плот с гуляками
В водовороте на Куре.
А в полдень
В глотку дню горячему
Здесь в обжигающей пыли
С мацони по мосту Ишачьему
Понуро ослики брели...
...Курой зелёною раздвоен,
Рукой живой соединён,
Стоит Тбилиси –
Древний воин,
Творец и мастер всех времён.
Давным-давно он снял доспехи
И спрятал –
Сам не помнит где, –
Но жив их отблеск под Метехи
В зелёно-бронзовой воде.

Ночью

Темно — не сделать двух шагов —
Не видно ни лозы...
И только слышен где-то зов
Привязанной козы,
И только слышно, как река
Глохает валуны.
В вечернем небе — облака,
Ни звёзд и ни луны.
Где звёзды — ясно мне давно:
Они в кувшин упали,
Искрится звёздами вино,
Они в вине! Ответ иной
Возможен тут едва ли.
Вопрос другой тревожит нас:
Кто скажет нам, куда сейчас
Луна запропастилась?
Под наши песни в поздний час,
Наверно, в пляс пустилась,
Не удержалась, сорвалась
И в наш очаг свалилась.
А в очаге на всех парах

В котлах кипели хаши,
Дышал шашлык на шампурах,
Дразня желудки наши.
И в это общество луна
С небес свалилась грузно,
Пригелась рядышком она
С лепёшкой кукурузной.
И оттого сейчас темно,
Что мы в пылу веселья
Луну, как мчади, под вино
С овечьим сыром съели.

* * *

ТашискарИ, ТашискарИ,
Неуёмный ветерок, –
Августовский день в разгаре,
Дождь, прибивший пыль дорог,
Буйство зелени и скалы,
Мох, приросший к валуну...
Лишь кипенье речки малой
Нарушает тишину.
Осторожная куница
Где-то прячется сейчас,
Где-то птица хочет взвиться,
Да боится, верно, нас.
Мы и сами не из смелых –
Мы боимся высоты,
Где черны от ягод спелых
Ежевичные кусты,
Где каштаны в напряженье
Над откосами дрожат,
Где в колючем окруженье
Маков цвет к скале прижат...

Ташикарское ущелье!
Если б снова летним днём
Под зелёною метелью
Рвать ткемали над плетнём!
На подъёмах утомиться,
А потом брести леском
И живой воды напиться,
Зачерпнув ее листком,
И опять взлететь, как птицы,
И опять с горы бежать!..
...Только б солнцу не садиться,
Только б время удержать!..

Славься, день, который прожит,
День в сиянье золотом!..
Но когда-нибудь, быть может,
Пожалеем мы о том,
Что вперёд мы шли с оглядкой:
– Не пора ль назад спешить?..
От обычного порядка
Не решались отступить,
Неуверенно и робко
Одолели полпути,
Что по самым трудным тропкам
Не рискнули мы пройти.

Горное озеро

Оно встречает человека
Своей безмолвной,
Непростой,
Своей незыблемой от века
И непривычной красотой.

Здесь горный ветер камни студит,
Здесь берег величав и крут...
Сюда с долины рвутся люди,
Но – восхитятся
И уйдут.

Они торопятся отсюда,
Спешат, в восторженном пылу,
Назад от сбывшегося чуда
К движенью, шуму и теплу!..

Чёрное море

Люди бродили у кромки прибоя,
И каждый вначале был занят собою,
И каждого все беспокоило что-то:
Кого-то удача,
Кого-то забота...
А море лежало совсем голубое.

А море, о них не волнуясь нимало,
Скалу обнимало,
Волну поднимало,
Была высота и густа и чиста,
А море — всё время меняло цвета.

Синело, желтело
От края до края,
То небо, то скалы
В себе отражая,
Потом торопилось —
Волною зелёной
Бежало к склонённым
Платанам и клёнам.

А в час непогожий,
Открытое бурям,
Оно становилось то серым,
То бурым...

...И люди, солёной обрызганы пылью,
Совсем о заботах своих позабыли,
Сидели, глядели,
Гадая и споря:
Какого же цвета
Чёрное море
На самом-то деле?!

Листвы украшение,
Синие выси —
От окружения
Море зависит!
Склоны еловые,
Тучи лиловые,
Алые зори —
И если б не это,
То было бы море
Чёрного цвета!

* * *

Чем жарче солнце, чем яснее
Сияют горы на пути,
Чем радостнее —
Тем грустнее,
Что это всё должно пройти.

* * *

Память о солнце в сердце слабеет...

А. Ахматова

Всё позабудется,
Всё растворится:
Сушь и распутица,
Встречи и лица...

Звуки своё потеряют звучание,
Краски своё потеряют свечение,
То, что тебя повергало в отчаянье,
Тоже своё потеряет значение...

Гор очертанья,
Слов сочетанья,
Радость и ярость —
Всё пронесётся...
...Только б осталась
Память о солнце!

* * *

Так бывает очень часто:
Было весело прощаться,
Потому что на досуге
Можно думать друг о друге
И в душе не будет пусто...
Так бывает очень часто:
Было весело прощаться —
Расставаться было грустно!
Было грустно расставаться,
В одиночку оставаться,
Ждать, скучать,
Стремиться снова
И встречать
Тебя, чужого...

* * *

Разговаривать
Ни о чём,
Будто всё тебе нипочём,
И опять
На часы смотреть,
И не знать,
Увидимся ль впредь,
За вагоном твоим бежать...
...Не хочу тебя провожать!

* * *

Пускай разоблачат умело
Тебя, во всех грехах вина.
Советчики — какое дело
Им до тебя и до меня?!

Пусть всё мне про тебя расскажут,
Пускай улик у них полно,
Пусть всё доподлинно докажут —
Я не поверю всё равно.

Какое я имею право
Тебя прощать и осуждать?
Пускай они хоть трижды правы —
Но всё равно я буду ждать.

* * *

Тебя ведь не просила — сам
Навстречу побежал.
Тебя бы отпустила — сам
Ты за руки держал...

Теперь морозом добела
Окрашены кусты.
Ведь не гнала я, не гнала —
Куда же скрылся ты?

* * *

Острый дождик в стёкла бьет,
Оттого ты не идёшь.
У тебя полно забот, —
Оттого ты не идёшь.

Одолела сотня дел, —
Оттого ты не идёшь.
Ты устал, ты заболел, —
Оттого ты не идёшь.

После солнечного дня
Вечер светел и погож...
Но не любишь ты меня, —
Оттого ты не идёшь.

* * *

Я очень всё понимаю,
Не хуже, чем все кругом.
Я гну себя, я ломаю,
Я думаю о другом.

О, как бы теперь хотелось
Мне вновь обрести покой!
Но что я могу поделать?
Вкус у меня плохой...

* * *

Мир зелёной свежестью наполнив,
К нам весна спешит на всех парах...
Никогда тебе я не напомним
О твоих нечаянных словах.

Ты считай, что всё — как раньше было,
Что я их не приняла всерьёз,
Что их не слыхала,
Что забыла,
Вообще ты их не произнёс...

И вздыхать не станешь от чего-то,
И грустить не будешь в тишине...
Ну, а я? Но то моя забота,
Ты уж не тревожься обо мне!

* * *

Затихли к вечеру чижи,
И соловей — чуть жив...
Ты разлюбил и стал чужим,
Ты стал совсем чужим.

Цветы — ежи... Сердца — ежи.
И всё давно известно!..
Ты стал мне до того чужим,
Что вдруг сказал любезность.

Всё то, чем и дышал и жил,
Похоронивши заживо,
Ты стал мне до того чужим,
Что вновь решил ухаживать, —

Забыв, что не могу простить,
Забыв, что сердце — надвое,
Ты вновь моей любви просил,
Забыв, что вся она — твоя.

* * *

Земля до глубины прогрета,
И всё сильнее зной,
Но с каждым днём все меньше света,
Всё меньше, чем весной.
А солнце сушит травы, губы,
Горит огнём в груди, —
Но день уже пошёл на убыль,
Хоть лето — впереди.

* * *

Когда мы встретились у калитки,
Вязала старуха, присев на дрова.
Коза жевала зелёные нитки
И думала — это трава.

Осенняя где-то кричала сова
О том, что кончилось бабье лето.
А я ловила твои слова
И думала — правда это.

* * *

Мы шли,
Смотря в глаза во все —
Что ж тут такого?
И у дороги вдруг,
В овсе,
Нашли подкову.
Как поделить с тобою нам
Такую малость?
Никак!
Подкова пополам
Не поломалась.
Скупым делиться нелегко,
И, как в романе,
Ты взял
И счастье целиком
Унёс в кармане...

Листопад

Предсмертный озноб осин,
Берёзы в жёлтом бреду...
Ты меня не проси —
Я сама приду.

Листьям лететь и лететь,
С ветром вступив в пререканья.
Углями тлеть,
Как в плите,
И перегнулся плетень,
Жар загребая руками.

Ночью — горячечный блеск
Звёзд, наудачу розданных,
Днём — полыхающий весь —
Усыпан кленовый лес
Червонными звёздами.

Листья текут беззвучно,
Стелятся вкривь и вкось.
По небу — чёрные сучья,

Раз навсегда заученный
Росчерк осени.

И только навечно созданные
Не чувствуют недомоганий:
Темнея зелёными космами,
Стоят краснокожие сосны —
Последние могикане.

Ели дремлют без сна
В голубом дыму...
Не объясняй:
Я сама пойму.

* * *

День уходящий вспомнить добром,
И чтобы рука в руке,
Плыть, луну задевая багром,
По голубой реке.

Плыть и плыть без концов и начал,
А звёздам в небе — гореть.
Что нам с того, что в сентябрьских ночах
Рук не отогреть,

Что нам с того, что в ночь, в темноту
Плывут облака по небу.
Расскажешь ты про неё, про ту,
Придумаю я кого-нибудь.

Берег замер, глядит, немея,
Капает звёзд золотая смола...
Я придумывать не умею,
А умела бы — не смогла.

Давай же сегодня вплавь, а не вброд, —
Пусть только брызги летят!
Один только час, куда понесёт,
Куда глаза не глядят.

Плыть и плыть, и в руке рука,
И верится: вечер — мой.
Что нам с того, что о чём-то река
Всхлипывает за кормой...

Осень

Не холмы, а плечи.
Сумрачно и пустенько...
Закопался леший
Глубоко под кустики.

Всю листву из чащи
Утащил домой,
Чтоб сытней и чаще
Ужинать зимой.

Закопался леший
Глубоко под кустики...
И цветы в Столешниковом
Продают искусственные.

* * *

Памяти П. А. Заболоцкого

К природе, как к теме поэта,
Докладчик сейчас подошёл...
...А я вспоминаю не это —
Не строчки, не письменный стол.
Я помню не труд и не подвиг,
За томом воздвигшие том, —
Вне времени, в полночь и в полдень
Открытый для ближнего дом.
Я помню, как мы уезжали,
Когда занимался рассвет,
Как шины на камне визжали,
Как долго смотрел он нам вслед,
И видел лишь камень окрестный —
Обычный пейзаж городской,
И мост — над дорогой железной,
А не над живою рекой.
О тяга к природе! О тяга
К теплу и дыханью земли!..
Ни шага без камня, ни шага:

Всё камень, вблизи и вдали.
О город! Камней изобилье,
Дома, мостовые, мосты.
Где камни осыпаны пылью,
Где тусклые чахнут кусты,
Где кажется диким и странным
Весны вековечный мотив,
Где только над кладбищем старым
Зелёный сияет массив...

* * *

Мы можем поехать
Куда захотим —
Не в мыслях, а наяву!
Встречать побежит нас
Мустай Карим —
Да что мы попусту говорим?
Давай поедem в Уфу!..
Бежать-то, положим, не побежит —
Солиден стал для того, —
Но придёт.
Как только дела завершит,
Приедет, скорей всего...
Поедем!
Он будет нам очень рад!
Не думаешь? Почему?
А помнишь,
Как звал он лет десять назад
Приехать гостить к нему:
На синее озеро Тургояк,
В палатках жить налегке,
Пить кумыс,

Есть бешбармак,
Воду греть в котелке,
Вставать до рассвета,
Рыбу удить
И жечь костры для ухи,
Степями бродить
И переводить
Под вечер
Его стихи...
...Мы можем поехать
Куда захотим –
Уж раз мы из дому вышли!..
Давай над Каспием полетим
И в море увидим вышки!
Давай полетим от Белой-реки
К Чёрной – Кара-Койсу,
Где острые, словно волчьи клыки,
Скалы дрожат на весу;
С башкирских степей
К пропастям аварским,
Где кони, пятясь, храпят,
Где камни таят коварство,
А люди – верность хранят.
...А может,
Туда,
Где пестры цветы,
Но сразу вянут в руках,

Где так снега Арарата чисты,
Но прячутся в облаках?
Где нас частенько
Обиды жгут –
Но стоит ли их замечать?..
Поедем туда,
Где всегда нас ждут,
Хоть и не выйдут встречать...
...А может
(Помнишь, он дал зарок!), –
Рачу нам покажет Отар,
Где ставят столы посреди дорог,
Где гостю раньше других даров
Сердце приносят в дар...
...Возьмём же с собой
Дорожный утюг,
Мыло, нитки, иголки,
Да и махнём
На восток или юг
На верхней и нижней полке.
Зовут самолеты:
– Летим! Летим!..
Свистят, спешат поезда...
Мы можем поехать
Куда захотим,
Нам только решить –
Куда!..

Прощальная песня

Над старым вокзалом спускается вечер,
Стоишь у сплетенья путей
И думаешь только о встрече, о встрече,
Когда провожаешь друзей.

Пускай мы друг другу слегка надоели
(Устали, скорее всего...) –
Побудешь на деле
Без друга неделю –
И ждёшь не дождёшься его.

Уже перед взором
Озёра и горы,
Минуты бегут всё быстрее...
И кажутся вздором
Обиды и споры,
Когда провожаешь друзей.

...А вечером, дома,
К местам незнакомым,

И к людям, что встретят на миг,
И к дальним дорогам

Ревнуешь немного
Друзей улетевших своих.

Быть может, ни строчки
Они не напишут,
Но нас они вспомнят не раз:
Как жаль, что не видят,
Как жаль, что не слышат,
Как жаль, что не вместе сейчас!

И будут, плутая
В предгорьях Алтая,
По Каспию в лодке скользя,
И в северной чаще
Все чаще и чаще
Жалеть, что не рядом друзья.

Над дальним составом спускается вечер,
А поезд летит всё быстрее...
Ты думаешь только о встрече, о встрече,
Когда провожаешь друзей.

*Из книги
«Числа»*

* * *

Пронизанные счастьем,
Утратами и болью
Жизнь – режиссёр –
С пристрастьем
Распределяет роли.
Кому даётся –
Вот она! –
Солидная тетрадка!
Кому лишь
«Кушать подано»
На все четыре акта.
Высокие и низкие
Характеры сшибаются,
И дней суровой ниткою
Их реплики сшиваются.
Любовью, страхом, завистью
Наполнены тетради,
Патетикой под занавес,
Иронией в тираде...
Не раз, куда ни попадая,
Нас жизнь наотмашь била!..

Для обретенья опыта,
О, сколько нужно было
Терпения и выучки,
И поиска, и спора,
Чтоб дали роль
«Без ниточки»,
Как говорят актеры.

* * *

Осыпались звёзды, и выцвели радуги
(Корытом кончается сказка о рыбке).
Из праздничных платьев
Скроили мы фартуки
И песен с трудом вспоминаем обрывки.
Не кажутся больше вершинами снежными
Нам синие тучи в движенье степенном,
В лесу мы давно не встречаемся с лешими,
Не носит сорока вестей на хвосте нам.
Всё так. Но порою нам вдруг занеможется,
Послышится голос и вздрогнем от стука...
...Мы с лука снимаем тончайшую кожицу,
Лук кольцами режем
И плачем — от лука...

* * *

Чисто поле!
Чисто, чисто —
Снег и солнце — в ладах!
Отмечают люди числа
В городах...

Целина — белым-бела,
Будто век такой была,
Будто в мире не бывало
Толчеи да суеты,
Ни субботы, ни среды —
Только заячьи следы...

Чисто поле —
Воля! Воля!
Только тропку протори!
По такому чисту полю
Ехали богатыри...

По чужой лыжне,
По чужим трудам,

По чужим следам,
По чужим слезам
Ты идёшь по чисту полю —
Далеко ли?..

Незапятнан, независим
Снег лежит —
Что за гладь!

Можно сколько хочешь писем,
Хочешь — сказок, хочешь — песен
Написать!

Хочешь — шишкой,
Хочешь — палкой,
Хочешь — веточкой сосны, —
Только жалко
Белизны...

* * *

Ветки голые. Мшистые кочки.
И кустарники вровень со мной.
Ночь — гадалкою в чёрном платочке —
Притаилась за ближней сосной.

Лес застыл в ожиданье обновы,
А внизу и вверху, замерев,
Листья клёна — шестёркой бубновой,
Птичьи стайки — девяткою трэф...

Подари же мне месяц двурогий —
Месяц справа! — и звезда накидай!
Короля при весёлой дороге,
Переменную жизнь нагадай!..

* * *

Пересекала ль гор границы,
Летела ль, ехала, брела —
Всё то, что может пригодиться,
С собой в дорогу я брала.
Терпеть нехватку?..
А не лучше ль —
Всё под рукой, как на заказ!
Я сто вещей брала — на случай,
Не напоказ, а про запас.

Но — до поры.
В пыли похода
Мне стали в тягость
(Горький знак!)
И переменная погода,
И перегруженный рюкзак...

Походных я держусь традиций,
Тащусь ли вверх, качусь ли вниз, —
Беру не всё, что пригодится,
А — без чего не обойтись.

О да, таков закон дороги,
Чья непреодолима власть!
С собою в путь беру немногих —
Тех, без которых мне — пропасть!..

* * *

Люди прячутся от одиночества:
Письма строчат,
Пасьянсы раскладывают,
Книги читают, какие захочется,
И фотографии долго разглядывают.

Люди, спасаясь от одиночества,
Ищут друг к другу дороги кратчайшей:
Запросто будем!
Будем без отчества!
Будем на «ты»!
И – звоните почаще...

Люди поверили от одиночества
(О. этот сердце снедающий голод!)
В сны и приметы,
В гаданья, пророчества,
Просто – в живой человеческий голос.

Люди придумали от одиночества
Храмы, ристалища
И зоопарки.

Зрелища, сборища,
Славу и почести,
Радио
И почтовые марки.

Мост переброшен,
Рельсы проложены,
И провода над землю протянуты...
Люди, откликнитесь!
Где же вы?
Что же вы?
Как это сделать – не думать про тяготы?..

Так мы блуждаем меж раем и адом
С дней допещерных
В стремленье извечном
Не расщепиться, как атом,
А рядом,
Войском,
И миром держаться,
И вечем.

Видимо, надо крепко держаться,
Вместе держаться,
С честью держаться!..

Благовещенье

Весна воды... Рукою куст потрогай.
День прибыл — и не надобно огня.
А путь раскис. И даже в свете дня
Совсем не просто выйти на дорогу.

Рыхлеет снег. Дряхлеет. Оседают.
Дождь — к урожаю! — льёт, и льёт, и льёт.
А птица в этот день гнезда не вьёт
И девушка косы не заплетает.

Весна с зимой встречается опять
И — побеждает в этой третьей встрече...
Но, радуясь, ты вспоминай под вечер —
Еще нам сорок заморозков ждать...

Будь долгим, день, особенный в году,
Когда земля о пробужденье просит,
А небеса — благую весть приносят
И грешников не мучают в аду!..

* * *

Счастье — сказки и сласти,
Семицветье шаров.
Счастье — солнце в ненастье,
Взлет гигантских шагов.
И открытье, и поиск
День и ночь напролёт.
Счастье — вздрогнувший поезд,
Что вот-вот отойдёт...
Рыболовные снасти,
Первый окунь в ведро.
Счастье — чьё-то участие,
И тепло, и добро...

Знаю: силой и властью
Не возьмёшь в переплёт.
Верно: счастье — что трястье:
На кого нападет...

...Но порою, всё чаще,
Обратясь к словарю,
«Счастье — просто со-частье, —

Я себе говорю. —
Просто — часть,
Просто — доля,
Пай твой в общей судьбе,
Только доля, не боле», —
Говорю я себе.

Перехватит тоскою,
И жизнь — не в жизнь, —
Скажут люди:
Такое,
Значит, счастье твоё...

Арбуз

Несу его как чашу,
Испить бы — не разлить!
Несу его как счастье —
Боюсь его разбить.

Несу как довод веский —
О, только б донести!
Несу как шарик детский —
Не лопнул бы в пути.

Желанен и загадан,
Он брызнет точно смех,
Окрашенный закатом
Хрустящий свежий снег, —

Но скажут, между прочим,
Прикончивши его:
— И красен — да не очень,
И сладок — да не сочен,
Тяжёл — да не того...

* * *

Кто там кричит: «Я враг покоя!»
О, знаю я наверняка:
Он — молод, нет ли —
Ни с какою
Бедой не встретился пока.
Он, словно в драку, рвётся в грозы,
От прозы жизни он далёк.
Ещё становится он в позу
Любителя крутых дорог:
Мол, беспокойство в них, тревоги,
В них — трудностей хоть пруд пруди...
А я —
Не трудностей в дороге, —
Покоя я ищу в пути.
Не в четырёх стенах —
В движенье,
В освобожденье от беды,
В работе до изнеможенья,
В глотке колодезной воды.
В мельканье солнечного блика
Над затянувшим речку льдом...

Не знаем, почем фунт лиха,
Откуда же им знать о том,
Что трудность — не в преодоленье
Морских пучин, отвесных скал:
Что рядом, а не в отдаленье
Подстерегает нас обвал —
В убежище надёжных комнат
Беда нас без труда найдёт,
Одна беда другую вскормит,
Одна — другую приведёт.
И не спасут на этой круче,
Хоть все усилия напруги,
Ни ледорубы, и ни крючья,
И ни надутые круги...
...Пускайся в путь!
Пусть кровь — не лимфа —
Тебя ведёт в чужом краю.
В подводных рифах,
В новых рифмах
Попробуй силу ты свою!
Рвись в небеса,
В земные толщи,
Путями землю оплети!..
Дай бог тебе как можно дольше
Искать опасностей в пути!

* * *

С особой целью мы —
Не для парада, —
Нацелясь,
Крутим киноаппараты,
И ловим звуки в фуги и прелюды,
И на холсте задерживаем краски.
И — замираем в ожиданье чуда:
«Остановись, мгновенье, ты — прекрасно...»
Остановись! —
И в бронзе отливаем,
На фотоплёнках запечатлеваем.
Остановись! —
И только с этой целью
Мы вспоминаем некий час веселья
И давней встречи праздничное зарево,
Минувшее
Переживая заново...

Но чьей-то волей,
Знаком,

Мановеньем

Возможно ли остановить мгновенье?

Возможно ли восстановить мгновенье?..

О, этот вечный камень преткновенья!

* * *

Умельцы, подковавшие блоху,
И смельчаки, что расщепили атом,
Вы – деятельней муравьёв во мху
И вдохновеннее певцов пернатых:
Папирус разгадали сквозь века,
Расшифровали клинопись на глине!
Пускай для вас неуловим пока
Секрет сигнализации дельфиньей...
Проникшие в немую глубь земли,
Вы не играли с трудностями в прятки.
Пускай пока ещё вы не смогли
Заставить белый гриб расти на грядке:
Структура почвы.
Влажность.
Свет и мрак.
Бактерий шестьдесят четыре вида, –
О, проще было подымать в веках
Обсерватории и пирамиды...
Но – все поддастся вам в конце концов –
И вирус,
И чужой души потёмки,
Творцы, что вдохновеннее дроздов,
Недолговечней бабочки-подёнки...

* * *

Всё для тебя я сделала:
Оставила тёплый дом,
Одела деревья в белое,
Посыпала лёд песком,
Чтоб ты не смог оступиться,
Когда побежишь ко мне...
Чтоб ты не смог заблудиться —
Луну зажгла в вышине.
Ждала я без слёз, без жалоб,
Казалось, прошли года...
Сама к тебе побежала б,
Когда бы знала — куда...
То радостью мир наполнен...
То вновь — ничем не помочь...
То вечер горит, как полдень,
То утро черно, как ночь.
Застыв, стою у дверей я,
Уйти не могу домой...
Ушёл бы ты сам скорее,
Скорее бы — с глаз долой!

* * *

Хоть прошлогодняя трава,
А новой не видать,
Хоть снег сошел едва-едва,
Весна — рукой подать!

Треща, ломаются ручьи,
Вскипают на ходу.
Но рыболовы — лихачи —
Сидят на хрупком льду.

Над лункой посреди реки,
На стульчике складном, —
Увы, не дрогнут поплавки
Над лиловатым дном.

Кончай удить — и уходи,
Ведь рыба не клюёт,
И треснет вдруг, того гляди,
Апрельский ломкий лёд!..

Ни на живца, ни на блесну,
Смотри, ведь ни одна!..
Встречая близкую весну,
Всплывает синь со дна...

Вот мне – решиться бы
И – прочь,
Куда глаза глядят!..
Но – рыболовы день и ночь
На хрупком льду сидят...

* * *

Всё задернуто дымкой —
Туманом седым.
Не в объятьях — в обнимку
Мы с тобою сидим,
И опять разжигаем
На снегу мы костры,
И по скалам шагаем,
Там, где травы остры...
Были полдень и полночь,
И огонь и зола...
Всё — как праздник!
На помощь
Я тебя не звала,
Я сама справлялась
Со своею бедой,
И тропа распрямлялась
Под моею пятой...
Вспоминаем в охотку:
Сколько лет, сколько зим!
Говорим о находках,
О потерях — молчим.

Не хотим про ошибки,
Не хотим про разлад...
И с печальной улыбкой
Молча смотрим назад —
Как на старые снимки,
Мы в те годы глядим.
Не в объятьях — в обнимку
Мы с тобою сидим.

* * *

Прощанье начиналось с приближенья,
С рукопожатья, взгляда, первых слов.
С проявленного вдруг пренебреженья
К настойчивому тиканью часов.
Прощанье начиналось с приглашенья,
С вторженья, с подношения цветов.
Нет, с ожиданья, с перенапряженья
Душевных сил...

А дальше — поражение
В правах.
Крушение.
Всё вкривь и вкось.
Всё врозь...

Прощанье начиналось с приближенья.

* * *

Как мог поверить ты?..
Как мог
Так сразу, на слово, поверить?
Не усомниться, не проверить,
Что между слов, как между строк,
Таится?
Не искать причины
Размолвок, распрей и разлук?
Не думать — может, что-то вдруг
Заставило надеть личину?..
Как мог?..
Ведь есть, наверно, способ
Узнать всю правду в естестве,
Всю — без вопросов, без допросов,
Без обвинений в воровстве...
Но как предотвратить удар,
Как обнаружить подоплёку?..
Ни сверхчувствительная плёнка
И ни всеведущий радар
Не подойдут!..

Есть способ старьй:
Ведь прячутся в глуши лесной
Подснежники под снегом талым,
Грибы под палою листвою,
Карась в пруду...
И всё — бесследно.
Но, маскировкам вопреки,
Находят их во мгле рассветной
И рыбаки, и грибники, —
Находят по чутью, по страсти,
По мху, таящему росу...
...Гадай, ищи, старайся, траться!..
Но... Был ли ты когда в лесу?

* * *

Предсказали: быть морозам!
Только дождь из туч сочится...
Никогда не верь прогнозам —
Может всякое случиться.

Непредвиденные грозы,
Неожиданные зори...
Ошибаются прогнозы:
Обернётся радость горем.

Льда прозрачное свеченье
Капли мутные роняет,
И холодное теченье
Путь привычный изменяет.

Будет смех иль будут слёзы —
Как ты можешь поручиться?
Никогда не верь прогнозам —
Может всякое случиться.

* * *

Монетка на земле
Лежит орлом – не решкой.
Копейка – на орле!
Бери её, не мешкай!
И – что таить греха –
Взяла, на всякий случай...
Всё, может, чепуха,
А настроенье – лучше!..

* * *

Назад! В погоню за вчерашним днём —
Скорей, по узким улочкам! В дорогу!
За днём вчерашним гнаться днём с огнём
До площади Ираклия Второго...

Скорей... К стопам Тифлиса припадём —
Замрём у Анчисхатской колокольни...
А может быть, не надо? Так — спокойней:
Зачем гоняться за вчерашним днём?

Спят галереи — сколько было дел!
Прочны решётки, а перила шатки...
Уснули мастера, что целый день
Чеканили, лудили, шили шапки —

Сто лет назад... А может — десять лет...
Прилеплены к домам, висят балконы.
Качается фонарь. И лёгкий свет
Горе Давида как бы бьёт поклоны.

Не мешкай, торопись!..
Ты слышишь звон?
И треск свечей?.. Их шлет нам день вчерашний.
И – вновь благословляет нас Сион
Всемилоливой властью патриаршей.

И вновь на нас нисходит благодать,
Нас древом осенив животворящим,
Соединив бывое с настоящим...
...Вчерашний день... Как вспомнить? Как догнать?
О, как поверить, что его обрящем?..

* * *

Забыв про все невезенья,
Я вниз смотрю с Зедазени:
Грузия — как на ладони,
Как на ладони бога,
Змеятся внизу дороги,
Белеют хребтов изломы,
Темнеют ущелий тени,
Блестят родники оленьи.
Виясь, сплетаются реки,
Как линии на ладони,
Как линии жизни и сердца,
Слившиеся навеки...
Медленно взгляд поднимаю
К куполу от подножья,
И чудится — понимаю,
Что значит — быть в воле божьей...

* * *

Вхожу я в тёмные храмы...

А. Блок

«Всё по соборам да по соборам —
Не надоело?..»
По косогорам, по косогорам
Вверх — то и дело...

«Зачем соборы?.. Не многовато?..
Чудно и странно!»
Затем — что прочно,
Затем — что свято
И первоизданно!

Не только вера:
Талант народа,
Его старанье,
Его защита, его свобода,
Его страданье...

Да, горевали о Горгасале
Мы в пятом веке...
Огни Тбилиси не угасали,
И у Метехи
Готовил скульптор Амашукели
Его подобье...
А мы — склонялись в Светицховели
К его надгробью...

Да, из столетия мы в столетье
Переходили,
Войска из крепостей Месхети
В бой проводили.

Светало в Вардзии пещерной,
Потом — смеркалось, —
Рука Тамар с крестом священным
Не опускалась...

Из века в век мы шли, и песни
Нам камни пели.
Теснили турки нас и персы,
Дома горели...

Но вновь ковали и бронули
В пределах отчих,
Короновали и хоронили
Царей и зодчих...

Дал знак Тимур: кувалды били,
Огонь метался —
Устои храма подрубили —
Но храм остался,

Не рухнул!.. Кладка такую цепкой
Была в те годы,
Что стен остатки держались крепко,
Вися под сводом!

Собор — затем, чтоб собираться
Без долгих сборов,
Чтоб друг от друга не запирается
На сто запоров!

Да, по соборам! И не с толпою,
А словно в детстве, —
Мы ловим эхо, бредя с тобою
В столетях — вместе...

И бёгу времени, как дети,
Не поддаётся...
О, сколько мы с тобой столетий
Не расстаёмся!..

* * *

Мосты разведены
И встали дыбом.
Прижался лик луны
К гранитным глыбам.

Не тишина — а штиль,
Волна пропала.
Вонзился в небо шпиль
Петра и Павла.

Ах, сколько здесь воды!
Водой омыты —
Ограды, и сады,
И гладь гранита,

И я плачу ей дань
Монетой чистой,
Чтоб вновь, шагнув за грань
Привычных истин,

Прийти сюда и тут
Застыть — немою...
С трезубцем сам Нептун
Встал над Невою:

Всевласть водяных —
Как снилось в детстве...
Мосты разведены —
Куда мне деться?

Бросаю без числа
В Неву монеты...
Ах, сколько лет ждала
Я встречи этой!

Санкт-Петербур

С души будто спали вериги —
С минуты приезда, с утра,
Здесь — в граде, подъятом Великим
Петром в честь святого Петра,

Апостола и страстотерпца, —
У города сила — его...
Брожу с замиранием сердца,
Не в силах сказать ничего.

Прекраснейший сутью и видом
И в серых — как в белых — ночах!..
Завидую кариатидам,
Что держат его на плечах.

И листья, что кружат, сгорая,
И ветер со мною в ладу.
И вот — от любви умираю
Над осенью в Летнем саду...

Висит, пред глазами маяча,
Легчайшая сетка дождя,
И мнится — я сети рыбачьи
Задела, ладонь отведя...

А тучи над Финским заливом
Толпятся, как прежде, и днесь...
Такою безмерно счастливой
Давно не была я, как здесь:

Недаром — и я это знаю, —
С сим местом ещё незнаком,
Петр ведал ключами от рая,
А прежде — он был рыбаком.

* * *

Кто ж тут за́ дверь вы́дет?
Струи камень лижут,
Яростно, неистово
Бьётся дождь в окно...
Я машу — не видят,
Я зову — не слышат:
Изморосью мглистою
Всё заволокло...

Где-то вина бродят,
Листья жаром пышут,
Здесь же — мир за тучами
Чуть не целиком...
Письма не доходят,
Если их не пишут:
Только в этом случае —
Ни в каком другом.

* * *

А я раскладываю карты,
Я всё гадаю: где ты? Как ты?
Как сговориться? Как списаться,
В какой мне пустыни спастись,
В каком скиту?.. Не от себя ли?..
Кого, чего мне опасаться?
Кому, чему кричать сквозь дали?..
Кем, чем поглощена? — тобою!
О ком, о чём? — всё о тебе я...
Кем, чем я сделалась? — рабою —
И, верно, оттого робею...
Как подступить? С какого боку?
Поклоны бить какому богу?
Какое произнестъ заклатье,
Чтоб ты мелькнул — хоть в сновиденье?
Какое предпочесть занятие,
Чтобы отвлечься на мгновенье
И продержаться бы — хоть как-то...
...Я всё раскладываю карты:
Береговые очертанья,
Как роковые сочетанья,

И совпадения, и стеченья...
Слежу за стрелками течений,
Очерчиваю континенты...
А вдруг к аборигенам в плен ты
Попал?.. И нет оттуда ходу?..
С запиской кинь бутылку в воду,
Коль телеграфа рядом нету!
Пусть океан швыряет, крутит...
Я жду вопроса. Жду ответа.
Я знаю, будет так — как будет,
Как предначертано сначала,
И если будет по-другому...
Я жду — из космоса сигнала —
С тоской и верой астронома.

Числа

Наверно, есть и у других
Такие числа...
Ты позабыть не сможешь их,
Как бы ни тщился, —
Забуть — не знак и не узор,
А воплощенье:
Вкус ветра, звон и запах зорь
И освещенье
Особое!
Небес синей
Ты не припомнишь...
Мерцанье трав, и жар камней,
И свет их в полночь —
Всё увеличено в сто раз,
А может, в триста:
И всемогущества запас,
И жажда риска,
И наступающие нас
Благие вести, —
Всё увеличено в сто раз
И даже в двести...

Те числа синевой горят,
Что чёт, что нечет.
В те дни под землю, говорят,
Уходит нечисть...
Ах, птичьи стаи на заре
В лучах пречистых!..
Ты помнишь небо в сентябре,
В последних числах?..

* * *

О, самоутверждение,
Движения зерно!
От самого рождения
Исток берет оно.

Да, с первого же крика
До гробовой доски,
От мала до велика
Нас всех берет в тиски.

...Ах, палочки в тетради,
Прыжки в длину и ввысь...
Не этого ли ради
На свет мы родились?..

Но уж не это ль свойство,
Веков сметая хлам,
Вело на приступ войско,
Вздымало в небо храм?

Не эта ль страсть, скажите,
В мученьях родила
Великие открытия
И малые дела?

Невольное стремленье
На прочих бросить тень
И – самоотвержение
Как высшую ступень?!

* * *

У змей
Не закрываются глаза:
Срослись их веки и ороговели.
Закреть от страха? От стыда?
Нельзя!
Да нужно ль рисковать, на самом деле,
Чтоб жертва не попалась на зубок?..
Закреть глаза от страсти?.. От тревоги?
Но наградил — иль наказал — их бог,
Освободив от свойств, присущих многим...
Но всё же — хоть во сне! Чтоб не зиять
Зрачкам хоть миг,
Передохнуть от зрелищ?
Закреть — забыть на миг,
Что ты — змея,
Пусть чудится тебе, что птицей реешь...
Нет! Пристально глядят, как в пустоту,
Не отводя, не потупляя взгляда...
И — не бывает им невоготу.
От хладнокровья это?
Иль от яда?..

* * *

Дрожь в коленях,
И звон в ушах:
Буква первая,
Первый шаг.
Ох, как трудно,
Когда – один:
Первый вылет
И первый блин.

Что ни делают –
Шьют ли, жнут,
Пишут, пляшут,
Костры ли жгут –

Одобрения люди ждут,
Ободрения люди ждут...

* * *

Дом, где беда, — обходят,
Обводят красным кружком
В знак того, что опасно
Туда невзначай зайти...
А как туда добираться,
Чтоб не свернуть с пути?
Слишком близко — в машине
И далеко — пешком.

Дом, где беда, — обходят,
Находят сотни причин
В собственное оправданье,
Чтоб не зайти туда:

— А вдруг начнутся рыдания?
Нарушится равновесье?
(Но чьё?..)
— А когда уместнее —
В полдень, а может — к темени?
Или вообще — не ко времени?
— Может, звонок в парадном

Даст результат обратный:
В сердце ударит током...

... Так и не знают толком,
Как быть...
И что удивительно —
Что это всё — убедительно...

Дом, где беда, — обходят:
Будто черту подводят,
Сотни причин находят,
Чтоб не войти туда —
В дом, где беда...

* * *

Я дней не тороплю,
Как в юности когда-то.
Твой каждый вздох ловлю
С рассвета до заката,
И вечером и в ночь
Я за тебя в ответе,
И счастья скрыть невмочь,
Что ты живешь на свете!
Пусть положенью дел
Немыслим ход обратный,
Но каждый новый день —
Подарок неоплатный!
И радуюсь жукам,
Траве, лучу и тени,
Словам твоим, шагам
Твоим — в тиши осенней,
Возможности дышать,
Надеяться и верить!..
Беды — не избежать, —
Но — задержать у двери
Её — на час, на год,

Отбросить, оглоушить...
А дел – невпроворот:
Дышать, смотреть и слушать
С тобой – плечо к плечу,
С тобою вместе,
Подле –
Продлить, продлить хочу
Закат, рассвет и полдень!..
...О, что-то, время, ты
Не очень растяжимо!
Предчувствие беды
Со мной. Нерасторжимо...

* * *

Много лучше
Могло б всё быть!..
Реже – тучи,
И легче – быт,
Звонче – птицы,
Прозрачней – лёд,
Горше – пиво,
И слаще – мёд.

...Мёрзнут груши,
И стыннут души,
Глубже лужи,
И птицы глуше...
Я судьбу теперь –
Не корю:
– Хуже не было б! –
Говорю...

* * *

...Всё остальное — поправимо:
Ошибки, срывы, неуспех...
Но мы — мы так легко ранимы,
О том не помним, как на грех...
Ведь так всё просто!
Полдень синий,
Иль серый сумрак впереди, —
Ты виноват —
Смири гордыню,
Поди — и в ноги упади!
Твой друг виновен?
Гнев на милость
Смени,
К себе его зови —
Не жди, чтоб полночь задымилась
И поглотила луч зари...
Прочь, как попугчиков случайных,
Гони ты суетность и спесь,
Утешь больных,

Пойми печальных,
Скорей — о, только бы успеть...

...А мы?.. Подай нам только повод, —
И сразу, хоть забыт исток,
Душа — как оголенный провод:
Не прикоснись! Ударит ток!
И — мрак неотличим от тени,
От бронзы — медь,
От суши мель...

Не путать горечь огорчений
И горе горькое — умей!

* * *

Где-то должен же синий
День над мглой воссиять...
Кто-то должен же, сильный,
Ношу на плечи взять.

Свод небесный синеет
Где-то, ласков и тих,
Я совсем не сильнее,
Не смелее других.

Просто – Господи Боже! –
Я в дремучем лесу...
Просто некому больше –
Потому и несу...

* * *

Приходим от надежд
К воспоминаньям,
К листанью старых книжек записных,
К прошедшему подходим с пониманьем,
Не с точки зренья правил прописных.
Мечтанья и метанья отметая,
Бредём, влача годов нелёгкий скарб...
Ужели правда,
Истина святая, —
Ты — знание, умножающее скорбь?
Упряма жизнь. Не слишком таровата.
И ночь за днем — как за главой глава.
Отрады превращаются в утраты,
Трухую рассыпается трава...
Удачи, перешедшие в удары,
Стволы, преображённые в столбы...
О, странность слов,
Легко встающих в пары
Созвучьями —
По прихоти судьбы.

Неотвратимость и необратимость —
Вот времени незыблемый закон!..
А зимний лес,
И труд,
И друг —
Как милость
Даруются нам жизнью испокон...

* * *

Не по Ветхому Завету,
А по версии учёной
Независимой планетой
Проплывала в небе чёрном
Некогда Луна над нами —
По своей плыла орбите
Между прочими мирами
В тесноте, да не в обиде.
Но в земное притяженье,
Сто веков тому иль двести,
Вдруг попала —
И вторженье
Не осталось без последствий:
Воды все Луна стянула
С полюсов — и торопливо
У экватора столкнула
Лбами страшных два прилива!
На дыбы, как звери, встали
Воды... был их облик жуток...
Ливни лунные хлестали
Сорок суток. Сорок суток

За соломинку цеплялись
Люди в поисках спасенья,
От камней и вод спасались,
Лавы и землетрясения...
Чертежи, колонны, планы
Пламя разом охватило —
В чёрных толщах океана
Захлебнулась Атлантида...
Захлестнуло море сушу,
Занесло долины илом,
Ледники ползли. И стужа,
Леденя, ползла по жилам.
На отрогах скот не пасся,
Серый пепел травы выжег...
Тот, кто спасся, Тот, кто спасся,
Думал только: как бы выжить!..
Бренное спасти бы тело
Там, где всё черно и пусто,
Ну, кому там было дело
До науки, до искусства?!
Собирались тучи в стаи,
Выли звери всё истошней...
...Им бы — хижину на сваях,
Им — пещеру б понадёжней!
Им бы — зёрен да кореньев, —
До добра ли тут? До зла ли?..

Люди в третьем поколенье
Забывали всё, что знали.
Смутно помнились лишь мифы
О героях и умельцах...
И висел теперь над миром
В небесах двурогий месяц.
Приходилось –
Всё сначала,
Очень туго, очень трудно:
Горн кузнечный,
Круг гончарный,
Рычаги, мотыги, трубы...
Начинали всё непросто
И не сразу – с жара, с пыла...
...Под столбом воды стовёрстой
Атлантида где-то стыла:
Похороненные зданья,
Похороненные знанья,
И победы, и обиды –
Где-то стыла Атлантида...
.....
Захлестнуло море сушу,
Захлестнуло горе душу,
Пеленой застлало белой
Мир...
В колокола забило...

Всё, что знала, что умела, —
Я забыла,
Всё забыла,
Что любила, отличала...
Стужа поползла по жилам...
Только будет ли по силам
Начинать сначала?..

* * *

Мне говорят порою:
«Много ль ты испытала?
Радости — не видала,
Всё в облаках витала...»

Я в облаках — летала!
С лёгкостью одолевала
Скалы и перевалы —
Разве этого мало?

Звёзды с неба — снимала,
Шум реки понимала,
Песням твоим внимала —
Разве этого мало?

Всё, что могла, — прощала,
Что не могла — прощала,
Праздники — ощущала,
В будни не превращала...

Мало ли что бывало!
Разве этого мало?

* * *

Пять чувств у человека есть...
Но сколько в нас таится их!
Не учтены ни долг, ни честь,
Ни чувство интуиции.

И кроме чувства высоты
Нам всем ничуть не менее
Знакомо чувство красоты
И чувство отвращения.

А чувство локтя — наконец,
Что гонит чувство страха?!
А чувство юмора — венец,
С которым — хоть на плаху!

Средь чувств, которым нет цены,
Могучих и несметных, —
И чувство собственной вины —
Редчайшее у смертных!

* * *

Во мгле седых времён
(О, мракобесья догма!)
Налог был учреждён
На свет, что падал в окна, —
Налог на свет дневной,
Лучом скользнувший в зале:
За два окна
Двойной
Взимали — не зевали.
И ставились дома́,
Хранимые святыми,
Как крепость,
Как тюрьма,
Со стенами слепыми...

С тех пор прошли века,
Горят в домах закаты,
Но — так же высока
За свет и нынче плата —
Налог неумолим,
Неисчислима смета!..

...За равноправье зим,
За разнотравье лета,
За преданность лучу,
За праздничность прибоя –
Не в ратушу –
Плачú
Крушеньями и болью.

Я все плачú, плачú –
И облетают сучья,
И лёд грозит ручью;
Но неужели лучше
Неуязвимым быть?
Незрячим от рожденья,
И свет взахлёб не пить,
Как дар,
Как наважденье?..

* * *

Исчезнет всё, как сон, как небыль —
Один лишь вздох земной коры...
А люди — покупают мебель
И копят деньги на ковры,
Что, как и мантии и тоги,
Сказать по правде, сбавив пыл,
Годятся лишь на то в итоге,
Чтоб спесь с них сбить,
Чтоб выбить пыль...

А было время — и почёта
Вполне заслуживал ковёр,
Когда он в роли самолёта
Взлетал над частоколом гор,
Поднявшихся среди чиста поля
Из брошенного гребешка,
Когда до смерти иль неволи
Всего-то было три вершка...

О, время славных поединков
Между коварством и добром,

Кошея, шапок-невидимок
И рек, текущих серебром
И мёдом — в берегах кисельных...
Погонь, разгадок и чудес,
Дорог не горных, не шоссейных,
А семивёрстных — до небес!..

...Над телом, в поле распростёртым,
Сражённым силой роковой —
Ни вёрона с водою мёртвой,
Ни сокола с водою живой...
И — не дозваться Сивки-Бурки,
Не вспомнить языка земли:
Лягушечьей не стало шкурки —
По недомыслию сожгли...

Но озерцо вдруг влагой сизой
В бору блеснуло вековым —
И кажется, что Василиса
Взмахнула левым рукавом!

* * *

На лыжах! На лыжах!
Не горки,
Не гонки —
А дальше бы, глубже бы
В чашу забраться,
Скользить между елей и гладить иголки,
В просторе земном, как в себе, разобраться,

На снежных полянах разгадывать знаки:
Не волчьи ль следы? Не лисицы ли рыжей?
А может быть, просто соседской собаки?
Как мало мы в детстве ходили на лыжах!..

Ведь всё нам казалось:
Успеем, успеем —
Поездить, поплавать, на всё наглядеться,
Успеем обнять, приголубить успеем...
Как мало на лыжах ходили мы в детстве!

О, как бы там ни было,
Сладко ли, горько,

Трамплины, и срывы, и ветер свистящий, —
Но главное — это
Не гонки,
Не горки,
А дальше бы,
Глубже бы —
В самую чашу...

* * *

О чём в лесу скрипят стволы?
О том, что мало в них смолы...
Хотели вниз сбежать, в овраг,
Да вот застряли на пути:
И скользко так, и вязко так,
Что не пройти, не проползти
Каких-нибудь шагов пяти...
Как не скрипеть им, не дрожать?
Ведь были в силе и в соку,
А вот теперь не удержать
И снега на сухом суку, —
А гнулись лучше тонких лоз...
И не такой сейчас мороз,
А их пробрал с вершин до пят, —
И потому они скрипят...

* * *

Час идти — не век идти!
Вниз идти — не вверх идти!
Ветер — в спину,
Солнце — в спину,
Легче сразу вполювину,
Ну, на треть,
По крайней мере!
Басням впредь
Я не поверю,
Уговоров не расслышу,
Что, мол, надо выше, выше —
Вверх, по оползням,
По осыпи...
Вниз сползу,
И спать — без просыпу!
Вверх?
А по бокам — колючки,
Всё крючки и закорючки
Держи-дерева да тёрна
И других —
(Не до названья!)

Зацеплюсь рукой –
Отдёрну!
Наказанье!..
Сквозь завалы, сквозь заносы,
С яростью сквозь заросли:
Раны, садины, занозы –
Ну с какой же радости?
Час идти – не век идти,
Вниз идти – не вверх идти...

Я сижу, молчу внизу,
Невзначай смахну слезу –
То ль от солнца,
То ль от ветра,
То ль песок в глаза попал...
То ль совета,
То ль ответа
Жду от скал...
Маки красные в траве,
Белый гребень в синеве –
В синем небе
Белый гребень!
Над лугами, родниками,
В синем небе
Белый камень!..
Пусть идти не час, а век,
Вверх хочу я –
Вверх!

Балтийское море

Я по морю иду,
Как по полю иду,
Неся свою беду
По льду, по льду, по льду...
До горизонта лёд,
За горизонтом лёд,
Солёный, горький лёд —
Как на века он лёг...
Смотрю на лед вокруг
И понимаю вдруг:
Застывшая беда,
Она в обличье льда —
Не угля, не руды,
Где лет былых следы,
Где блёстки редких жил, —
А льда, что задушил
Биение волны,
Но — нет на нём вины!
Нет! Потому что он
Сам — моря соль и стон,

Сам — моря кровь и плоть,
Его ли расколоть?
Бреду по глади льда
Откуда? И куда?
По горечи морской
С протянутой рукой —
Я по морю иду,
Как по миру иду...

Память

Долой сентиментальность! — говорю.
Записки рву. Уничтожаю письма.
Как, память, ни цепляйся, как ни висни
На шее — я тебя переборю...
Я дневников вовеки не вела.
Я забывала и слова и числа.
В воспоминаньях я не вижу смысла:
На раны соль?.. Гадать ли, чья вина
В сплетенье судеб и в смятенье чувств?
Судьба ли, случай?.. О, какая чушь!..

Долой сентиментальность! — говорю.
Забуду! Не сейчас — так к январю...
Но только память горло вдруг сжимает,
С желаньем тем считаться не желает
И держит — как бетонные быки —
Нас на мосту над кипением реки.
Как кислород, питающий больного,
Поддерживает пламя на снегу,
И песню надо мной вздымает снова,
И снова, задыхаясь на бегу

От радости, от воздуха, от песни,
Спешу к тебе, бегу, едва жива,
И слышу, слышу, слышу вновь слова:
«Какое счастье, что мы были вместе...»

Долой сентиментальность! Ни к чему,
Как побирушке, собирать по крохам
И свет и тьму! Ни сердцу, ни уму...
Тьму? Нет, отбросим то, что было плохо...
Не будет ни обид, ни обличенья, —
Я в памяти оставить лишь берусь
В день встречи — радости нелёгкий груз
И в день прощанья — боль и облегченье...

Долой сентиментальность! — говорю.
Но как забыть ту летнюю зарю?..
Электровозов мирное рычанье
Ловя, стояла я у полотна.
О, праздничных канунов полнота,
Когда еще не начато прощанье!..
А где-то кто-то, опустив стекло,
В составе дальнем напрягает зренья:
Не упустить, не прозевать мгновенья,
Что всё не наступает, как назло!
Волненье, напряженье до предела:
Когда-то где-то будут три сосны...
Состав летит. Пути его ясны.

И машинисту до других нет дела.
О, никогда — ни ранее, ни впредь —
Ты не был так внимателен и точен,
Всецело на одном сосредоточен —
Меня не пропустить, не проглядеть!
Остаться б!.. Хоть на миг остановиться!..
А у окна поблескивал стоп-кран.
И в тамбуре уже шумел титан,
И чай заваривала проводница...
Не замедляют хода поезда:
Шестой вагон, девятый... Снова — шпалы...
И все-таки вовеки не бывало
Такого единенья! Никогда!..

Долой сентиментальности!.. Но мудро,
Неся сквозь ночь и день, сквозь десять лет,
Неся сквозь свет и тень, сквозь десять бед,
Ты, память, сохранила это утро...
Куда ж ты?.. погоди, не прекословь,
Вытаскивай года рыбацкой сетью —
Будь лекарем, сестрою милосердя!
И снадобье из трав мне приготовь:
Из трав равнинных, что июль скосил,
Из вяжущей ромашки или мяты,
Из горных трав — душистых и несмятых,
А лучше бы всего — из девять-сил...

Ты – добрая. Даришь без возмещения
Снежинку, слово, искорку огня...
Что может быть страшнее возвращенья
К отчаянью?
Не оставляй меня!..

* * *

Качаются сосны чёрные,
Солнцем горят кусты...
Смотрю, как садятся пчёлы
На срезанные цветы.
Разве они заметней
Тех, что в траве встают?
Но пчёлы их сок последний,
Последний их запах пьют...
Зачем вам сюда стремиться,
Сады и луга презрев?
Вас ждёт в траве медуница,
И клевер, и львиный зев!..

Рой над цветами весело
Не устаёт кружить,
А им — не дожить до вечера,
До сумерек не дожить, —
Клóbнются, обречённые,
В предчувствии темноты...
Смотрю, как садятся пчёлы
На срезанные цветы.

* * *

А осень – жужжала осами.
А осень – желтела дынями.
А осень – дрожала росами,
Что были студёней инея...

Соря золотою россыпью,
По пажитям, по откосам
Ступала легчайшей поступью
Красавица рыжеволосая...

Мягкость её особая,
Зоркость её глубокая,
Очи её невесёлые –
Серые с поволокою...

Октябрь

Ни колеса, ни полоза
Не жалует октябрь...
Пройти сейчас бы по лесу,
Опушкою хотя б, —
По глади бы да по суху,
Но скатертью ли путь?!
Без помощи, без посоха
И думать позабудь!
Дождя косые полосы,
Прощальный крик ворон.
Ни колеса, ни полоза —
Зазимье у ворот.
В стволы мороз вселяется —
Ты слышишь треск да хруст?
А осень всё цепляется
За каждый рыжий куст.

* * *

Так водилось когда-то:
Мы без зова, без стука —
Не по поводу даты —
Прибегали друг к другу,
По пути на работу,
По дороге на поезд,
Без особой заботы,
Ни о чём не условясь, —
Чтоб усталость от сердца
Отлегла хоть немножко,
Чтоб встряхнуться, согреться,
Обжигаясь картошкой,
И похвастаться чем-то,
И покаяться в чём-то,
И послать с облегчением
Огорчения к чёрту!..
Нет успехов и денег?
Велика ли беда!
Сто семнадцать ступенек
Не пугали тогда...
А теперь — неудобно,

Что метро не у дома,
А теперь — беспорядок
Вдруг прийти без парада...
Мы во сне не летаем,
Мы душой тяжелеем,
От обид не рыдаем,
От удач не шалеем.
И с годами, с годами
Расстоянья меж нами
Всё растут — вырастают.
Время ж — тает и тает:
Как его не хватает!..

* * *

Вот самый первый огурец в апреле:
Как он желанен и незаменим!..
Но дни идут —
И через две недели
Уже слегка пренебрегают им.
Уж от других пришельцев в доме тесно,
Ещё проходят дни —
И, наконец,
Становится ненужным он и пресным,
Желтеющий июльский огурец...
О, благодарность!..
О, непостоянство!..
Я не вдаюсь в вопроса существо,
Но в мире, полном странностей и странствий,
Спаси нас бог от участи его!

* * *

О, долго ль с тяжкими сердцами
По свету мыслимо брести?
Ведь до сих пор концов с концами
Не можем мы с тобой свести.
Как будто есть всему граница,
Предел для боли и обид,
Но всё судьба, как говорится,
Нас бьёт — и плакать не велит!
Всё непосильнее задача,
Пред ней — теряюсь,
С ней — борюсь,
И плачу я, и глаз не прячу,
И пересудов не боюсь.
Что там чужие пересуды!
Сама — смолчи. Сама — держись...
О, долго ль можно верить в чудо?
Одно мгновение.
Всю жизнь.

*Из книги
«Край света»*

Ереван

Потоп ещё бесчинствовал,
Но с шумом
Спадали воды —
С каждым часом — ниже.
И Ной вскричал внезапно:
«Еревум э! —
Показывается! —
Я вижу, вижу, —
Земля!..»
Готов был повторять он в сотый...
Летела с суши птица с доброй вестью...
То были Канакерские высоты,
И — Ереван возник на этом месте...
Так говорит преданье.
Не согласен?
Что ж, опровергни,
Новое придумай!..
Но — плыл ковчег.
И небосвод был ясен.
И праотец воскликнул:
— Еревум э!.. —

Первая лоза

Как свет схватился с мглой,
Как воды вихрь крутил, —
Всё помнит Арагац, —
И то, как здесь когда-то
Ной радугой грозу
И ливень укротил
И посадил лозу
На склоне Арарата, —
Сок солнца и земли
Слил воедино в гроздь
И в стужу укрывал...
Да будут вечно святы
И самый первый хмель,
И самый первый гость.
И самый первый пир
На склоне Арарата!

* * *

Опять нехватка в вечном снеге!
Опять нет влаги для корней, —
И сохнут робкие побеги,
И чахнет зелень меж камней...

Нехватка?
Вот же снег белеет,
Касаясь белых облаков!
Но камень гол. Ручьи мелеют.
И не отыщешь родников.

Пред ним стоял ещё твой прадед,
С мольбою руки протянув...
Снег... Как себя он скудно тратит,
Сочась сквозь лаву, шлак и туф!

Белеет, вечностью отмечен,
Сползает шубой на уступ...
Не потому ли он и вечен,
Что так бесчеловечно скуп?

Журавль или аист?

Как ты думаешь —
Это журавль или аист
В беспредельной летит синеве,
То спускаясь
К обожжённым холмам,
То взмывая над каменной грудой?
Не видно отсюда...
Кто же это —
Журавль или аист?
Очага ли хранитель?
Скиталец ли,
Пролетевший над пеплом
Костров придорожных?
Разгляди, если можно!..
...Напрасны усилия:
Что мы можем?
Что смеем?
Если чёрного знака на сини
Прочсть не умеем?!
А большая ли разница?
Да!

Не беда,
Мы узнаем когда-нибудь...
Нет, никогда,
Эта птица уже улетела!..
Да в этом ли дело!
Аист или журавль? —
Не стоит тревожиться:
Мы узнаем об этом потом —
По тому, как всё сложится...
Кто же был это всё таки?..

Горсть

Ты не грусти,
С плеч ношу скинь,
Пей из горсти
Живую синь.
Не торопись,
Хоть погости,
Живую высь
Держа в горсти.
В ней — дольки
Синих облаков,
В ней — синий снег
И свет веков...

Я звон живой
Держу в горсти...
Как донести?
Как пронести —
Через хребты,
Провалы, льды,

Чтоб отпил ты
Живой воды?
Прими же в дар её,
Как весть
О том, что радость
В мире есть!..

* * *

День устал
И спускаться стал
В складки серых, суровых скал.
Но закат ещё не угас,
И синее вдали Арагац.
Впереди же нас, говорят, —
(Верю на слово!) —
Арагат...
Но не видно его пока,
Только плавают облака,
По краям золотясь слегка.
Вдруг
Исчезли они, как дым,
Словно вняли просьбам моим,
Словно ты их с небес прогнал,
И открылся,
То бел, то ал,
Свет, не знающий мет и дат,
Свет негаснувший — Арагат...
И дыхание затая
Перед вечностью —

Ты и я, —
Мы стоим, не разнявши рук...
Всё незыблемое — вокруг:
Неразлучные навсегда
Камни, лава, трава, вода...
Символ это? Намек ли? Знак?..
Перед вечностью!.. Как же так?
Мир незыблем, неизменим —
Расставаться — лишь нам двоим...

Из А. Мкртчянца¹

1

Когда тебя я вижу — я готов
Сказать тебе пять тысяч нежных слов,
Сказать тебе пять тысяч страстных слов,
Пять тысяч тихих и прекрасных слов!

О, я уверен, что ушам твоим
Пять тысяч клятв я подарить сумею,
Пять тысяч слов, понятных лишь двоим!
Когда тебя я вижу — я немею...

2

Ты всегда — как утро, молода.
Ты — как ночь, таинственна всегда.

¹ В свое время М. Светлов написал цикл стихов «Из А. Мкртчянца», придуманного им армянского поэта. Публикуемые здесь стихотворения также принадлежат А. Мкртчянцу

Просыпаюсь я — и припадаю
К твоим пальцам, чистым, как вопрос...
Засыпаю я — и пропадаю
В полуночной мгле твоих волос...

3

Тебя я жажду — то горю, то стыну,
Я — как пустыня... А воды — все нет.
Но если только дать воды пустыне,
Она умрёт, её исчезнет след...
Придёшь — умру... Но нет тебя и нет:
Тебя я жажду, как воды — пустыня...

4

Кто-то умер — падает звезда...
В небесах звезду свою ищу,
Я упасть к ногам твоим хочу...
Падает к ногам твоим звезда...

Глянь, как светел небосвод, как жарок, —
Каждая звезда — тебе в подарок!

Станция «Радость»

Вагончики детской железной дороги
И станция «Радость» на берегу...
Чтоб попусту не обивала пороги,
В подземное русло загнали Зангу!

Зангу, над которой мы вечером поздним
Часами стояли...
Загнали её
Под землю!
Чтоб каждая капля — для пользы:
Старалась бы — делала дело своё, —
Давала б энергию —
Не отвлекалась,
Ни сетью рыбацье́й, ни всплеском весла,
На щебеты птичьи не откликалась
И женские слёзы с собой не несла!

Для пользы, для пользы...
Мол, вовсе не надо
На капли дробиться,
На камне дрожать,

Сто солнц отражать,
Рассыпаться прохладой,
Да слишком горячие лбы остужать...

Под землю загнали —
Ах, как это просто:
Обмолвки, размолвки ушли, как вода...
Так, значит, ни кипени нету, ни моста,
Ни песен, которые пелись тогда?!
Остались лишь звёзды,
Но некуда деть им
Лучей, что всегда собирал водомёт,
И станция «Радость»,
Куда только детям
Билеты в окошко кассир выдаёт.

* * *

В армянских сёлах девушки гадали:
В немыслимом безмолвии ночном
Судьбу пытая,
Медленно съедали
Солёные лепёшки перед сном
И ждали —
Вот им милый друг приснится
И поспешит за ключевой водой...
В какой посуде он подаст напиток,
В простом кувшине,
В чаше золотой?..
И толковали,
Суждено им впредь
В достатке жить
Иль нищету терпеть...

Я ни за что бы так гадать не стала!
И для чего?
Как наяву — во сне
Ни в чаше золотой,
Ни в плошке старой
Глотка воды не принесёшь ты мне!

До начала

Это было ещё до начала:
Нас с тобою венчала
Высота, осеняя невиданным светом,
Облаков разрывая нависшую плотность,
Подымая всё выше и выше,
Нас испытывала на полётность,
А мы — и не знали об этом,
Но не стремились на землю...

Это было ещё до начала:
Нас с тобою встречала
Тропа — и терялась над бездной,
Призывая забыть осторожность,
Нас испытывала на надёжность,
А нам — это было ещё неизвестно,
Но, поддерживая друг друга,
Мы продолжали путь...

Это было ещё до начала:
Нас с тобою качала
Волна, обжигая брызгами,

Ледяными, колючими, быстрыми,
И окатывала, и пропитывала
До костей, подхлестнута ветром,
Словно нас на прочность испытывала,
А мы – и не знали об этом,
Но с палубы не уходили:

Застыв на борту,
Мы глаз не сводили
С гор Арегунских,
Залитых солнцем всегда –
И зимою и летом...
Спиной повернувшись
К Гегамским,
Во мрак погружённым всегда –
И зимою и летом...
И нас согревали лучи,
Словно добрые вести,
И – были мы вместе,
Хотя и не знали об этом
Тогда...

* * *

...Да, есть на свете заповедники,
Где — ни стрелять, ни вырубать:
Где — ни ломать кустов на веники.
В себя вбирать,
С собой не брать!..
Где зверь доверчивый, не пуганный
Ещё людской недобротой,
Спешит к тебе тропой непутанной,
Затерянной в траве густой,
Тропой, ведущей через заросли
Утрат, забот, надежд и бед
Нас в нашу юность,
(Пусть от старости,
Как говорят, спасенья нет)...
Казалось, все пути потеряны
В гремящей сутолоке лет,
Легко ль сквозь дебри и сквозь тернии
Продраться и напасть на след?..
Но память сквозь шипы бросается,
Сквозь бурелом, сквозь гарь и дым,

И будит спящую красавицу
Прикосновением своим...
Здесь всё не тронута, оказывается,
И не пропало ничего!
И ноги уходить отказываются
Из заповедника того.

* * *

Не отречься —
Но отрешиться,
На мгновенье —
Не на века:
Пахнет мятой или душицей?
Плещет заводь или река?..
Шепчет тополь или осина?
Стонет верба или ветла?
Блещет поле или трясина?
Догорит ли звезда дотла,
Упадёт ли?..
Всё как в правке:
Первозданность и чудеса,
Только зори и только реки,
Ни гудрона, ни колеса.
Вот бы так и встречать отныне
Зори ранние перед сном,
Горечь — только в седой полыни,
Пированье — в себе самом.
Повседневности — не страшиться...

Не на век —
На какой-то миг
Не отречься,
Но отрешиться
От обязанностей своих.

* * *

В каждом месяце —
Свои ягоды.
В каждой радости
Свои тяготы,
Свои хворости —
В каждой радости,
Свои скорости
И превратности.

Торопиться ли?
Задержаться ли?
Поскупиться ли?
Изддержаться ли?
Нынче праздновать —
Завтра мучиться?..
Как получится...
Как получится...

* * *

Я верю... Я верю...
Но – в горле першит:
Но время-то, время-то,
Время бежит!

Бежит оголтело,
Зажав удила,
Не зная предела –
Была не была!..

Я падаю в ноги:
Постой! погоди!
К слезам да тревоге
На час снизойди!

Гоню его в шею
Сквозь суток ряды:
Скорее, скорее –
Дожить до среды!..

Молю вдруг попятиться:
Рушится жизнь!
Вернись-ка ты в пятницу
И задержись!..

Душа — на пределе.
Теряя свой след,
Уходят недели —
Им удержу нет,

Зарницами, тучами...
Дверь — на засов...
...Нам много ль отпущено
В жизни часов?..

* * *

Дождливо, метельно.
Вселенная – в мокром снегу.
Скучаю смертельно,
Я жить без тебя не могу.

Возьми меня замуж!
Пожалуйста, замуж возьми!
Пусть сутками ждать тебя стану
С восьми до восьми...

Блины стану печь
Из овсяной муки и ржаной...
Возьми меня замуж,
Я буду хорошей женой.

Я встану до света,
Огонь в очаге разожгу.
Откликнись же, где ты?
Я жить без тебя не могу.

Как сыро и скверно!
Дождь буйствует, в стёкла лупя...
Скучаю безмерно,
Я жить не могу без тебя.

Возьми меня замуж,
И я от тебя отведу
Болезни твои и заботы,
Печаль и беду, —

Приму на себя,
Буду болью твоею болеть.
Возьми меня замуж,
Тебе не придется жалеть.

Плести научусь
На подзоры узор кружевной...
Возьми меня замуж.
Я буду хорошей женой.

Пылинки сдувать с тебя буду,
Пушинки снимать,
И каждому вздоху и слову,
Как чуду,
Внимать...

Ведь после и сам уж
Спохватишься: кто же виной?..
Возьми меня замуж:
Я буду хорошей женой.

* * *

Не судьба... Отменяются вылеты...
Не судьба... Отказали локаторы...
Листья выжжены... Ливни вылиты...
Остальное осталось за кадрами:
Слёзы. Горечь. Смятение. Проблески...
Не судьба! – через разные двери...
Век технический, чьи это происки...
Подрывают к прогрессу доверие?
Или сверхзвуковые, сверхдальние
Чудеса, достижения, явленья
Пред какой-то неведомой тайною,
Покорясь, отступают в почтеньё?
Разминувшись!..

Летят гуси-лебеди
Без диспетчера, сами собою...
...Отменяются вылеты – в трепете
Перед непостижимой судьбою.

Псков

В пролётах звонниц поднебесных
Таят свой глас колокола:
Зазвонный, будничный, воскресный,
В одном — набат. В другом — хвала.

Я слышу в тьме полынно-горькой,
Застывши у замшелых плит,
Как у Василия на Горке
Вспокошный колокол гудит...

Не в каждого ль из нас заране
Вложила колокол судьба?
В ком — благовест,
В ком — отпеванье,
И гнев, и радость, и мольба...

Во мне ж тревогой непреложной
Гудит и стонет, как живой,
Вспокошный колокол,
Вспокошный —
Не праздничный, не вечевой.

* * *

Врывается ветра сипенье
Сквозь щели стены крепостной.
Всхожу по щербатым ступеням
Под самый шатер навесной.

Кто зодчий?..
Везде одинаков
Здесь камень — он весь на виду:
Ни чисел, ни букв и ни знаков
На стенах никак не найду.

Но знаю, отметили перья
Писцов — было б ведомо впредь!
Мол, «каменных дел подмастерье
Построил...»
Не мастер — заметь!

Не мастер...
Что чин или званье?
Была б только крепость крепка!
Да знать бы к тому же заранее,
Что быть ей такую — века.

И с той осмотровой башни,
Как прежде, все видно окрест:
Сегодняшний день и вчерашний,
И путь – прямиком и в объезд.

Ах, Волхов, как медленно катишь
Ты темную воду свою
С камней языческих капищ
Вдоль крепости, где я стою...

Вдоль площади древней в Заречье,
Когда-то, бывало, на ней
Всесильным решением веча
Дурных изгоняли князей...

Вдоль кранов течёшь всемогущих,
Вздымающих зданий каркас...
Потомкам в столетях грядущих
Останется ль что-то от нас?..

Звонарь

Как он ценился встарь!..
Своим искусством гордый,
Слагал тона звонарь
И подбирал аккорды,
В далёком далеке,
Мечте одной подвластный,
Качался на зыбке,
Рождая звон согласный,
Семижды семь потов
Теряя, чтоб заставить
Три тысячи пудов
Мир беспредельный славить!
Свой укрепляя дух,
Под старость не сдавался,
Порой терял он слух,
Но с тона не сбивался,
Хоть в высоте не раз
Онемевали руки...
Глушил в нем Божий глас
Все суетные звуки,

Звуча в лучах зари
Над гулом служб и шествий...
И глохли звонари,
Достигнув совершенства.

Край света

Когда вдруг говорят:
 – А если на край света? –
 Я вижу Арарат
 И не ищу ответа,
 Где этот самый край,
 Куда – сейчас, немедля!..
 Тот край, где с милым рай, –
 (Что спорить – так ли, нет ли...)
 Край света...

Край воды
 Магической, сладчайшей...
 Край каменной гряды,
 Поднявшей к небу чашу
 Севана...

(Поспеси
 Припасть и причаститься
 К святыне...)

Край души,
 Парящей, словно птица.
 Край песен...

Торжество
 Пылающего лета.

А более всего —
Край света — света — света!..
Свет — с четырех сторон,
Не гаснущий веками,
Свет, льющийся, как звон,
На лозы, снег и камень,
Не знающий измен,
Не терпящий запрета...
...О будь благословен,
Край — и начало — света!

Из книги
«Родись счастливой»

* * *

К тебе иду — куда бы я ни шла,
К слиянью рек, к сплетению тропинок,
В крошечной мгле, при свете звёзд-крупинок
К тебе иду — куда бы я ни шла.

Какая б ширь меня ни обожгла,
Какой бы дождь ни исхлестал до ссадин,
Чего бы я ни натерпелась за день,
К тебе иду — куда бы я ни шла.

К тебе иду — по скалам и по льду,
К тебе иду — и с радостью, и с грустью.
Куда бы я ни шла — к истоку, к устью,
На праздник, на беду, — к тебе иду.

* * *

Вокруг – бело да зелено,
Да ели по пятам...
Не считано, не мерено
Живём, как будто нам
Сто лет, сто зим отпущено, –
Неделями соря...
А всё уже упущено,
По правде говоря.

«Подумаешь, безделица!..
Придёт еще пора...»
Но время чётко делится
На завтра и вчера.
Не на зиму да на лето
Оно разделено,
Хоть и дождями залито,
Листвой занесено...

Сто зим – метёт метелица...
Сто лет – гудит пчела...

А время, время делится
На завтра и вчера.
«Да что там — перемелется!
Напрасно не стражай!..»
Но время, время делится
На «здравствуй» и «прощай».

* * *

Что такое отава?
Вторая трава.
Это – чудо рождения
После покоса.
После гибели –
Жизнь,
Что извечно права,
И ответ на сомненья твои
И вопросы.
Это – праздник надежды твоей,
Что жива
И не бросит тебя
До поры ледостава...
Отгорают кусты,
Облетает листва,
Но невянущей зеленью
Светит отава.

* * *

Мне снился не ты,
А душевный покой,
Особый покой, совершенный,
В котором жила, —
Не ранимый тоской,
Тот самый, забытый, блаженный...
Не жест, не лицо
И не слово в тиши —
А радость, что вдруг накатилась...
Мне снился не ты —
Состоянье души,
В котором с тобой находилась
Когда-то... За гранью годов...
За чертой...
Унынию чуждый и страхам —
Душевный покой, не подмятый тщетой
Стараний, рассыпанных прахом.

* * *

А дни идут, как им положено:
То осиянны, то мрачны,
То мягким снегом припорошены,
То ливнями иссечены.
То вдруг помянут вольной волею,
То в тьмушую швыряют тьму...
Но тем не менее —
Тем более! —
Живи и радуйся тому,
Что в этом ливне, в этом пламени
В один попали переплёт,
Что мы в одно пустились плаванье,
В один отправились полёт...
И, глядя на звезду падучую,
Завидуи самому себе...
Расположенью звезд ли, случаю
Обязаны — или судьбе,
Но так уж выверено, велено
В великом странствии Земли,
Что ни в пространстве,

Ни во времени
Мы разминуться не смогли!
И жизнь нам видится
Всё — праздником,
Всем испытаньям вопреки,
Хоть встретит то кнутом,
То пряником,
То не протянет вдруг руки,
То вдруг поманит вольной волею,
То в тьмущую швыряет тьму...
Но тем не менее —
Тем более! —
Живи и радуйся
Всеми!

* * *

Дыхание полыни, мяты, йода
Врачует раны, лечит и целит...
Сто раз вхожу
В одну и ту же воду,
Хотя мудрец и дважды не велит.

Ищу ответа, с Гераклитом спорю:
– Огонь – всему основа?
Иль вода?... –
Сто раз вхожу
В одно и то же море,
Что неизменно раз и навсегда.

Что б ни было –
Весь век живи и помни
Мир первозданный
От сует вдали:
И синеву небес,
И пламя полдня,

И гром воды,
И тишину земли...

Ключи живые...
Ковыли сухие...
Во всём — чего ты только ни затронь, —
Четыре сочетаются стихии:
Земля,
Вода,
И воздух,
И огонь.

* * *

Вначале будущим живут —
Надеждой.
Живут воспоминаниями —
После,
Те, что когда-то жили
Днём грядущим.
А что же вспоминают?
То, что жили
Они когда-то днём грядущим:
«Помнишь?..»
А мы коснулись этого «потом»,
Мы с ним слились,
И приросли, и вникли,
И с ним не расстаемся ни на миг,
Его достигли,
В «нынче» превратили,
И настоящим наконец живём,
И закликаем: «О продлись, мгновенье...»

* * *

Стволы осин,
Как знак травы,
Той, что ещё в намёке...

Стволы берёз,
Как снега знак,
Вспоившего берёсту...

Стволы дубов,
Как знак земли,
Что вышла из-под снега...

И это всё — как добрый знак
Того, что жизнь — бессмертна,
Что будет лист
И будет знак,
Что ты, пройдя сквозь свет и мрак,
Не пропадёшь бесследно.

* * *

«...Родись счастливой!»
Я и родилась.
Так и слышу,
Ни с кем о том не спору.
– Счастливая! – я слышу всякий раз.
Так и живу –
От горя и до горя.

Так и живу –
Не жизнь, а благодать!..
И жизнь свою я мерой счастья мерю.
Могу ли ближних разочаровать
И подорвать их детское доверье?..

Хоть жизнь и расползается по шву,
Порой все вкривь и вкось,
И тьма, и холод, –
Счастливая!..

Что ж, так я и живу,
Для радости отыскиваю повод...

Не потому, чтоб подтвердить молву
И оправдать предназначенье свыше, —
Я счастлива — во сне и наяву —
Воистину — когда твой голос слышу.

* * *

Земля обнажена. Едва-едва
Местами пробивается трава.

На просеках лесных, в просветах рощ
Мох стелется, и выклюнулся хвощ.

На кочках, на колдобинах, во рву
Высматриваю — не плакун-траву,

Ту, от которой в царстве тишины
Заплачут ведьмы, бесы, колдуны.

Ищу в овражках не кликун-траву:
Сама того, кто нужен, позову.

Не дарящую клад разрыв-траву:
Без кладов я жила и проживу.

Не камнеломку, что крушит гранит,
Не приворот — гордыня не велит...

Мне кажется, во сне и наяву –
Всю жизнь ищу я оберег-траву,

От лиха, от напастей, от потерь:
И я должна её найти теперь –

Во что бы то ни стало, хоть убей! –
Траву от порчи и от всех скорбей.

Имена

1

Какое имя «ландышу» наречь —
Не думал Бог.
И не об этом речь.
И что «цветок»
И ландыш и сирень,
Не думал Бог
В благословенный день
Творенья:
Он творил и создавал,
Не говорил,
Имён не раздавал...
На «жизнь» и «смерть»
Природу не делил —
Бессмертьем
Всё живое наделил...

2

Даются человеком имена
Всему на свете —
Январю и маю...

Цветок лиловый,
Свечечка — она
Всю жизнь знакома...
Как зовут — не знаю!
И птицам,
И цветам —
Им всё равно,
Как их зовут
И в том и в этом веке.
Какое имя каждому дано,
Возникшее вначале —
В человеке:
По случаю,
По прихоти,
По праву
Умеющих из слов венки плести...
Черёмуха, сирень или купава —
Как ни зовутся —
Дай им бог цвести!

3

Имена...
Почему — имена?
Не приметы,
Не свойства?
Уж такое, наверно,
У нашей планеты устройство:

Говорить начинает ребёнок
С имён — не с азов...
Имена — обращение, просьба,
И оклик, и зов,
Знак, что ты не один,
Хоть порой в пустоте и неймётся.
Имя — зов и надежда,
Что кто-то в ответ отзовётся...
Хороши ли? Дурны?
В первозданности — все без изъяна!
Лишь потом....
Не могу
Ни любить и ни клясть
Безымянно!..

* * *

На континентах разных —
О зов души извечный! —
За здоровье и за праздник
В соборах ставят свечи:

С истоков нашей эры,
А может быть — и прежде,
Затеplенные верой,
Любовью и надеждой,
Merцают свечи в храмах,
Но получают люди,
Молящие о чуде,
Печали полной мерой,
А праздник — в миллиграммах,
А праздник — в телеграммах
Наградой за труды...
Депеша — вестник счастья!..
Увы, насколько чаще
Она — гонец беды.

А праздник — он не праздность
Дремотная в тиши,
Он — полнота и страстность,
Он — сумма, а не разность
Всех сил твоей души.
Меняются одежда,
Причёски и посуда,
Но только лишь надежда
Одна — всегда и всюду.

И чем судьба лютей,
Тем явственней и властней
Звучит мольба людей:
«За здравье и за праздник!..»

Что ж, если взять по сути,
Не кажется ль тебе, —
Всё, к чему рвутся люди,
К той сводится мольбе?

Все чаяния смертных
В той формуле святой —
С поистине безмерной
Великой простотой.

Марбург

Университетский город Марбург,
Жителей в котором – сорок семь
Тысяч... Акварельность старых марок –
Замок на скале... Святая сень
Старины... Фахверковые зданья
Крыты черепицею... Петух
На горе, на ратуше – вниманье! –
Ровно в пять он ваш потешит слух.
Дом, где “wohnte Doktor Martin Luther”,
Дом, где прежде wohnten братья Гримм...
Марбург – alma mater!.. Alma Mutter!..
Неподделен и неповторим...
Городок под бурой черепицей –
Дух познания, высокий дух!..
В итальянском ресторане – пицца,
И на старой ратуше – петух...

* * *

Ах, эта среда обитания!
Все связаны между собой
Обменом, цепями питания,
Составом, структурой, судьбой.

Растения, рыбы, и птицы,
И люди — творенья венец...
...И надо же было случиться,
Что кролики съели овец!

И съели форелей миноги,
Улитки пустились в разгул,
А в море — царят осьминоги,
Поскольку побили акул...

О жалкая участь акуля!
Однако ж, наверно, нельзя
Ни славить, ни хаять огульно,
По краешку сути скользя.

В чашобах, и в градах, и в весях, —
Где дышит и движется жизнь, —
Да будет всегда равновесье —
Его потревожить страшись!

Зной — Кипру, прохлада — Британии,
Пусть так остаётся и впредь!
Уж эта среда обитания!
За нею — смотреть да смотреть...

Беречь и родство, и соседство,
И дружество — прежде всего,
И слушать веление сердца,
И следовать зову его...

Высокая радость братания!..
Храни же быльё и жильё —
Святую среду обитания,
Ведь ты — обитатель её.

* * *

Всё кланяюсь и кланяюсь лыжне,
Счищаю снег, отстёгивая лыжи...
Покажется на миг:
Мороз — всё ближе,
Нет, снова растворился в тишине
Иль запахнулся, как в тулуп, в метель
И прочь унёсся —
С ним всегда морока!
Иль — оборотень —
Улетел сорокой
Искать вестей за тридевять земель.
Зарылся в снег?
В ствол спрятался еловый?
С берёзой слился —
Скрылся в белизне?..
Качаются деревья, как во сне,
Хоть белый день под тучкою лиловой.
Залез в овраг?
Рассыпался ли в прах?..
Нет! Скрючился он в ёлке на поляне,
И только выдаёт его дыханье,
Что выступило снегом на ветвях.

* * *

Крещенье —
Освещенье
Особое вокруг:
За стужу возмещенье
Вам, лес, и лог, и луг.

Крещение...
Смещение
Сияния и тьмы
И первое смущение,
Смятение зимы.

Крещенье —
Всепрощение:
Тишь, гладь да благодать!
Крещенье —
Запрещение
В отчаянье впадать!

Апрель

1

Был бурым лес, в подтёках снега,
И сумерки усугублял.
Лиловый свет струился с неба
И от тревоги избавлял,
Соединял стволы и тени
Под сенью своего крыла.
Земля плыла в оцепененье
И благовещенья ждала...

2

Предчувствуем и вспоминаем,
Ждём праздников
И ждём вестей...
И радуемся птичьим стаям,
Летящим к нам из пропастей
Пространств небесных,
Из воскресных
Небес нетесных
(Свету честь!),

Ждём их —
Пока что неизвестных
Гостей весны —
Всегда уместных:
Весна и весть —
Родство здесь есть?..

3

Разбудил меня зов
На заре...
Начинаю с азов
На золе,
На золе от сожжённых тревог...
Был тот зов на заре —
Как рывок
В чистоту, в синеву,
В благодать...
Что угодно судьбе нагадать,
Отвести, остеречь, посулить?..
Не судить мне судьбу, не судить,
К ней пойти в добровольный полон
И отвесить ей низкий поклон
За вернувшихся в рощу скворцов,
За условность начал и концов...

* * *

Сегодня – праздник:
Первое апреля –
По-старому...
Так что ж, обманный день?
Дурачества да розыгрыш?
Не лень
Придумывать забавки!..
На свирели
Играет ветер первого апреля,
На флейте –
Птица иволга...
Гобой
Намечен в будущей листве дубовой,
Ещё в намёке
Зелень, звук и слово,
Всё это чудится
Лишь нам с тобой...

* * *

Покупка впрок:
Я покупаю кеды.
Что ж, минет срок —
Захочет Бог, —
Приеду,
Сюда вернусь —
И снова к перевалу
Я вверх пушусь,
Как сотни раз бывало,
По брошенной мне под ноги
Дороге,
По брошенной, оставленной...
Двурогий
Холодный месяц
В вышине лиловой
Сверкнёт серпом
И заблестит подковой
Над тишиной
Хребтов
И сном ущелий
Во мгле сквозной,

Где я сейчас без цели
Бреду,
Забыв про тягости и беды...
Вот для чего
Впрок покупаю кеды.

* * *

Мы шли полдня, пожалуй,
Превозмогая зной,
По осыпям, по скалам,
Поднявшимся стеной —
Спиною динозавра
Над пастью пропастей,
Перенеся на завтра
Весь ворох новостей...
Вверх — сквозь нагроможденье
Камней — в тартарары,
Где празднует рожденье
Родник Святой горы.
И вдруг —
Остолбенели
На миг,
Кляня судьбу:
Что ж это, в самом деле? —
Он заточён в трубу,
Ключ — заключён
В темницу!..

Лишь — где трубы конец —
Внизу
Едва струится
Нагретая водица
В корытца
Для овец, —
Где льнут
К губам овечьим
Колючки да репей...
И — всё.
И хвастать нечем...
Не нравится — не пей.

* * *

Море прыть свою прячет
После всех передряг.
Снова чайки рыбачат,
Снова чайки судачат
Под тобой, Карадаг!
Пена вспыхнет — и канет
Под скалою без следа.
Как сквозь пальцы,
Сквозь камни
Убегает вода, —
Хоть в пути поспешает —
Камни все перечтет,
Перемоеет, смешает
Вместе — нечет и чёт,
Гальку и сердолики
Лёгким всплеском своим:
Все здесь равновелики,
Как пред Богом самим...

* * *

Грохочет гром —
Не слышишь ты? —
С настойчивостью правоты
До хрипоты...
Попав в хребты,
В провалы, в щели,
В бездны, в тьму,
Хрипит... Как вырваться ему?..
Раскатываясь меж камней,
Грохочет:
Отпусти добром!..
Попался гром.
В ловушке гром.
Как выкарабкаться?..
Трудней
Не может быть!
Ползком ползти
В нагроможденьях скал и глыб —
Лазейку, щель, дыру найти,
Не ободаться об углы б...
Рвануть — и без оглядки прочь!
Рвануть, раскалывая ночь...

* * *

Живу — как на мосту:
Любуюсь быстринною,
Слежу, как стороною,
Качаясь на лету,
Проходят облака...
Гадаю над пучиной:
Что быть могло причиной?
На время ль? На века?..
Любую непогоду,
И свет, и темноту
Встречаю на мосту...
Живу — как на мосту:
Ни на берег, ни в воду.

Бабье лето

Безвозвратно, как в колодец,
Солнце кануло в туман.
Ах, Семён-летопроведец,
От тебя один обман!

Обещал ты в звонкой сини
Листьям — пляс, как во хмелю.
И сохранность — паутине,
И высокий лёт — шмелю...

...Сучья голые воздеты
К небесам: авось спасут!
Вот тебе и бабье лето!..
Бабы — всё перенесут...

Коромысло

Рано упразднили коромысло —
В коромысле было много смысла.

...Выплывала павой спозаранку,
Сохраняла статность и осанку,

Ловкая да ладная на зависть —
Красотой на всю округу славясь...

Ах, как было б складно, если б снова
Коромысло — да в наш быт суровый!

Две авоськи можно бы подвесить, —
Жаль, конечно, что лишь две — не десять.

И тогда б освободились руки —
Не затем, чтоб ослабеть от скуки.

Уж, конечно, праздно б не болтались
И без ноши, ясно, не остались:

Ведь как испокон веков известно,
Пусть не бывает свято место...

Коромысло — женщине на радость —
Олицетворяло бы крылатость.

Выплывала б с первыми лучами:
Труден день — да крылья за плечами!

* * *

Мы жизнь не устаём за благо славить,
Не торопясь отречься от вчера,
А юность ищет от добра добра,
Ушедший день спеша в убыток ставить:
Скорей, скорей,
Добраться б до утра!
А там — и чудо из-за поворота...
Всё — мало.
Всё недостаёт чего-то:
Звёзд с неба нахватать...
Убить бобра...
Быть на виду — на солнце,
Не в тени! —
Еще не понимать достоинств тени...
...А чудо — рядом:
Руку протяни,
В слух обратись,
Замри в тиши весенней...

* * *

О злые языки!
Что движет вами — злоба?
Что за резон особый
Всё принимать в штыки?

О злые языки!
Что правит вами — зависть?
Того бы не касались,
В чём вы не мастаки!

О злые языки!
Что вас питает — ревность?
О лютая потребность —
Всё в клочья!.. На куски!..

О злые языки!
Обозлены заранее...
Да стоят ли старания
Такие пустяки!

Вас казни предадим
И козни все разрушим,
Казним вас равнодушьем,
Радушьем пригвоздим.

Мы вас — опередим!..

* * *

Я верю в приметы,
В их власть и права.
Не верю в приветы —
Пустые слова!

И сердцем, без слов
Небеса я молю
Дать снег на покров
И грозу на Илью.

Я верю в приметы,
В их силу и вес,
И в чудо — хоть нету,
Наверно, чудес.

В сулящий невзгоды
Багровый закат
И в то, что загад
Не бывает богат.

С отсталостью этой,
Конечно, борюсь,
Но – верю в приметы
И сглаза боюсь.

Ноябрь

Чуть подрагивают в сини,
Будто на пружинке,
На осенней паутине
Паучки-снежинки.
В размышленье —
Вверх ли, вниз ли? —
Так на ниточках повисли
Меж землёй и небом,
Меж зимой и летом...

* * *

Шары оранжевой хурмы
На фоне синей ткани,
Коджори рыжие холмы
И лёгкий снег Ликани,
Свеченье бронзовой Куры,
В ночи летящие миры
Над щедростью земною...
О неоплатные дары!
Они — во мне, со мною.

Осенний снег в Тбилиси

Вкруг платанов – белый ворох:
Вижу – и не верю!
Белый ворох –
Белый порох,
Хлопья, пух и перья...
Ведь ничто не предрекало! –
Гляньте и застыньте:
Снег – на зубьях Нарикалы,
Иней – на Мтацминде,
Снег – на красной черепице,
На железе буром,
Нет чтоб в горы торопиться
К сванам и хевсурам!
Изумленье – не досада! –
Небом овладело:
Снегопад до листопада –
Виданное ль дело?
Ошарашить, озадачить –
Ждал ли кто подвоха?
Что теперь судить-судачить,
Хорошо ли, плохо...

Чуждым для себя обличьем
Ты не опечален,
Ты, Тбилиси, необычен
И необычаен!
Может, свой уклад нарушив,
Ты задался целью
Навсегда запасть нам в души
Белою метелью?
Ветер, снег, мороз по коже,
Сыро, зябко, скользко...
Непогожий,
Не похожий
На себя нисколько,
Нас водить пытаясь за нос,
Вовсе не для жеста,
Оттенеяшь несказанность
Нашего блаженства!

* * *

Винц мовида гаумарджос!

Я на тебя смотрю со стороны,
Тбилиси мой! Ничто мне не мешает.
И нежности великой не вмещает
Душа... Ничто беды не предвещает,
Никто не предъявляет мне вины.

Я на тебя смотрю со стороны,
Но ощущаю вне причин и следствий
Единство места, времени и действий:
Мы врозь сейчас, но — всё равно мы вместе,
Разделены — но не разлучены.

Я на тебя смотрю со стороны,
И кажется, что ты непроницаем,
Но есть пора, когда мы прорицаем,
Когда прозреньем мы озарены.

Не ждёшь?.. Но верю,
Будешь рад, когда
Приду я. И, тропу к тебе нашедшей,
Мне скажешь ты:
— Да здравствует вошедший! —
Как на пиру искусный тамада.

На слиянии рек

Полыхают холмы,
Горы – в рыжем пожаре.
Вот он снова,
Из тьмы
Выплывающий Джвари, –

Где торопят свой бег
Два потока упрямо:
На слиянии рек
Полагаются храмы.

Берега высоки,
Дни июньские долги
Над слияньем Оки
Со стремниною Волги –

На слиянии рек
Полагаются храмы...
Ждём упорно весь век,
Ежедневно, добра мы.

Но преследует рок
Всех людей от Адама:
На сплетенье дорог
Попадают ямы...

Храм – награда, венец,
Нет надёжней охраны!..
На слиянье сердец
Полагаются храмы!..

* * *

Никого не вини:
Не сложилось,
Хоть, казалось, всё к этому шло.
Отчего же душа всполошилась,
Будто что-то её обожгло?
Опало и травы и камень
Солнце мёртвых...
Рукою махни.
Облака, словно память,
Клоками —
То густеют, то тают они.
Не столкнутся
И молнии высечь
Не сумеют,
Не рухнут дождём.
Ничего не сложить —
Только вычесть...
Но кого-то винить —
Подождём.

Солнце мёртвых — закатное:
Дремлет
Древний Джвари
В последних лучах,
Никого не винит,
Всё приемлет,
Свод небесный держа на плечах.

* * *

Ожиданье...
Напряженье
Зренья, слуха: тень ли? Свет?
Скрип ли? Звон?.. Изнеможенье,
Замиранье — да иль нет?

Ожиданье...
Наважденье,
Всё одно лишь каждый миг.
Яви ль, сна нагроможденье,
Отчужденье от других.

Ожиданье...
Ожиданье...
Отвлекись, считай до ста.
В угол из угла шатанье,
За верстой ещё верста.

Не сочтёшь и при желанье
Вёрст и дней в пустой тиши.
И в мгновенье —
Оживанье,
Воскресение души!

* * *

Семь погод на дворе,
Семь погод:
Сеет, веет, и рвёт, и ревёт,
Крутит, мутит, и снизу метёт —
Взяли мир в оборот
Семь погод!

Ах, погода, резка да крута!
Дождь, и ветер, и град, и крупа...
Ни в обход и ни в брод — ни ногой...
...Семь цветов — надо мною дугой!

Может, видит их кто?
Подтверди!..
Да куда там! —
Сидят взаперти...
Семь замков —
Ни ногой за порог:
Залило, замело
Семь дорог...

– Семь цветов
В круговерти такой?..
Чепуха!
– Да поверьте – дугой,
Добрым знаменьем, вестью благой! –
Жаль, никто их не видел другой...

* * *

«Любовь — игра, дерзание,
И спор, и состязание.
Тропинка между гребнями,
Висячий мост над безднами...»
Философами древними
И мудрецами местными
Так утверждалось издавна:
Да только в том ли истина?

Любовь — цветенье бытия,
Не матч, не поле брани.
Она, как лес, как ты и я,
Нуждается в охране.

Как измерять ее?
На глаз?
На время ль, в самом деле?
Вот — выросла она:
На час,
На сутки,
На неделю...

Она — как марта свет,
Как плод
В утробе материнской,
Растёт,
Пускается в полёт,
Не опасаясь риска.

Она — как совесть и как честь —
Играть не станет в прятки:
Уж если есть она — так есть,
А нет — так без оглядки

Беги... И ни один шофёр
Дороги не покажет,
И никакой тебе суфлёр
Словечка не подскажет...

* * *

Что́ люди?.. Сочетанье соли с глиной?..
Нет, триединство:
Плоть, душа и кровь.
Двадцатый век. Вторая половина.
Нашла свое пристанище любовь.
Любовь, что поощрялась, воспрещалась,
Выдерживала холод, ливень, сушь,
Что в каждом веке в ком-то воплощалась
По принципу переселенья душ...
И вот сейчас, в столетии двадцатом,
Точней – в последней четверти его,
Не обращаясь к кумовьям и сватам,
Она своё справляет торжество
В селе Всехсвятском и на речке Пресне,
Деяньями и мыслями верша.
Что́ человек?..
Дух, плоть, огонь и песня,
И та – переселённая душа.

* * *

И чего тебе всё бродится?
Не сидится и не спится!
Погоди —
Погода портится!
Погляди —
Всё ниже птицы:
Не по крыльям облака им...
А тебе гроза — по силам?
По плечам ли?..
Не лукавя,
Не таясь,
По веткам, спинам,
По строеньям многоярусным,
По камням
Дождь хлещет яростно,
Пересчитывая — все ль они?..
А на камне — столько зелени!..
И куда несёт нелёгкая?
Ведь погода-то нелётная!
Но — лети, уж раз летается!

Путь с путём переплетается,
И гора с горою сходится...
А погода?
Распогодится!

* * *

От четверга до четверга
Лил дождь, шёл град, мела пурга,
Ложились хлопья, как тоска,
Гая свечение песка.
Слетали белые – и вдруг
Всё черным делали вокруг,
Уничтожали всякий след
И смешивали тьму и свет,
Бессонниц свет, покоя тьму
В мятущуюся кутерьму,
Театров тьму и свет больниц –
И не было меж них границ.
И плач, и смех, и вздох, и стон
В один немой сливались сон...
Жду пробужденья, жду чудес,
Жду – вот он хлынет, свет с небес,
Лучами черноту разя,
Иначе просто жить нельзя!..

Новгород

Заря покровы сбросила,
Зажглась на небеси,
Окрасив Ильмень-озеро —
Исход вся Русь.

У озера, у Ильменя,
Стою на берегу,
Зову тебя по имени —
Дозваться не могу...

По Волхову до Ладоги
Пути — рукой подать!
Ах, если б знал, как надобно
Тебя мне увидеть...

Куда там!.. Звоны славные
Плывут здесь сотни лет,
А твоего державного
Ещё в помине нет —

На невских топях города:
Лишь сумь, да чудь, да воть...
От мора да от холода
Оборони, господь!

А в Новгороде – вольница
Решает все дела,
А в Новгороде –
Звонница
Стоит белым-бела,

И – чудо рукотворное –
Сквозь смуту стольких лет
На все четыре стороны
Свой посылает свет.

* * *

Над лугом да над всею
Тумана пелена...
Рыжеет чернолесье,
Краснеет бузина.
Грибною тянет прелью
От брошенных борозд,
И хоть рассыпал трели,
Забывшись, чёрный дрозд, —
Лес нынче будто вымер:
Всем звукам вышел срок.
Ни леших, ни кикимор,
Ни стрёкота сорок...
Поклон тебе низайший,
Лес, в золоте зари,
То грозный, то тишайший,
Как на Руси цари,
Вверх устремлённый круто
В нависший небосвод,
В себе таящий смуту,
Как на Руси народ;

Таящий зелень в сучьях,
В их чёрной наготе,
Таящий многозвучье
В застывшей немоте...

* * *

Волгой полнятся
Поймы, старицы...
Что-то помнится,
Что-то станется...
Мимо изб и рощ —
Дали смеряй-ка! —
Уплываем прочь,
Прочь от берега —
От нелепого,
От лукавого,
Нет ни левого,
Нет ни правого,
Ни корявого
И ни ровного...
Нет ни правого,
Ни виновного...
Волга — верхняя,
Город — Нижний...
Слово верное:
Третий — лишний!

Только мыслимо ль
Знать, кто третий-то?..
...Вод бесчисленно
Волга встретила:
Светят вольные –
Поглядите же! –
Колокольнями
Града Китежа...
Вот и сзади все
Шлюзы – омуты.
Плачь ли, радуйся –
Скоро дома ты...
Всё развеется,
Всё забудется...
Много бредится –
Много ль сбудется?

* * *

...А после — поедем в Ардатов,
А если нельзя — в Арзамас:
В заштатный, в пыланье закатов,
Каких не бывает сейчас.
В Ардатов, где утра туманны,
Где чин свой, порядок и лад,
Гимназии две, фортепьяны
И летний для барышень сад,
Где гривенники да полтины
В ходу на гудящем торжке,
Где ставят живые картины
В любительском чинном кружке.
Где небо бездонно, безмолвно
И звёздами полог прошит,
Откуда бедняжка поповна
С проезжим артистом сбежит...
И станет учёности кладезь —
Печалиться вечный студент...
Где шорох муслиновых платиц
И ворох и кружев, и лент.

Где к чтению особое рвенье,
Где каждый твой шаг — на виду...
Где в тёмном чулане — варенье,
А в погребке — сливки на льду.

Суюнче

В ожиданье чудес
Мы не все ли на свете живём?..
Помню сказочный лес,
Что темнел за волшебным ручьём...
На заре не проспи –
Водяного увидишь в ручье...
В приуральской степи
Слово слышала я:
«Суюнче».
Это – вестник добра,
Раньше прочих успевший прийти,
Тот, кого мы с утра
Поджидаем в дому и в пути.
Не колдун, не шаман, –
Но велик он и незаменим:
С сердца чёрный туман
Гонит он появлением своим.
И – хоть пой, хоть пляши!
Это – друга рука на плече,
Это – камень с души,

Облегчения вздох —
Суюнче...
Огорченью конец,
Суюнче — ему слава и честь!
Это — добрый гонец
И подарок за добрую весть.
Ждём их ночью и днём —
Нет на свете желанней гостей!
Жаждой чуда живём,
Ожиданием добрых вестей...

Рязань

В небе – жёлтое пламя,
Синь – как сон наяву.
Я стою под ветрами,
Словно Спас-на-яру...
Даль сверкает сквозная,
Лист струится, звеня...
Никого здесь не знаю,
И не знают меня.
Но хоть вольному – воля
На чужой стороне,
Всё – недоля и доля –
Остаётся при мне.
Я стою на холодном,
На сквозящем ветру,
На высоком, на лобном
Месте – как на миру,
На миру – и коль надо,
Так судите меня, –
На пиру листопада
Над круженьем огня,

На юру, где открыта
Настежь чистая даль,
Где от стужи защиту
Ты отыщешь едва ль...
Слышу довод знакомый:
Погоди-ка, остынь!
Со своим-то законом
Да в чужой монастырь? –
Слышу, кто-то устало
Повторяет своё:
– Со своим-то уставом
Да в чужое житьё? –
Никуда не вторгаюсь,
Никуда не вхожу:
Широтой восторгаюсь,
За листвою слежу...
Речка малая Трубеж
Делит даль как межой.
Объясни, если любишь:
Кто здесь свой, кто чужой?..
Уходящая осень,
Отпылай и восстань!..
Речки острая просинь
Разрезает Рязань.

Арабат из окна гостиницы

Я – гость в гостинице. Ни шагу
Не сделать... Истина проста:
Гость без хозяина – бродяга,
Беглец, скиталец без родства.

Двор за окном утрюм и грязен,
В подтёках копоти стена.
А туф, и розов и прекрасен,
Почти не виден из окна.

...И он явился. Удостоил.
Открылся. Показался. Вплыл.
Незыблемостью успокоил
И постоянством наградил:

Не человек, что прибыл-убыл,
Не стриж, что взмыл и улетел...
Сиял непостижимый купол
Когда хотел и как хотел,

Хоть небо тучами дымилось —
Воочию, а не во сне,
Как высший дар,
Как Божья милость,
Как чудо, явленное мне...

Как щедро, празднично и мудро!
Какое счастье нам дано:
Дождаться завтрашнего утра
И просто — выглянуть в окно...

* * *

Сотри случайные черты...

А. Блок

Реставратор – всякий,
что чинит и обновляет древние,
поломанные ваяния и иные вещи.

Вл. Даль

Вновь – с небом на плечах Атлант,
Ассоциаций звёздных вспышки...
О реставраторский талант!
Трудись, твори без передышки!

Грязь, копоть, пыль времён смывай
И по намёку, по крупице
Ту первозданность воссоздай,
Что под руинами таится,

Сквозь чад и накипь разгляди
И свет и трепетность начала,
Чтоб радость тихая в груди
Старинной песней зазвучала.

Сотри случайные черты –
И станут выпуклей и резче
Вновь воскрешённые холсты,
Ваянья и иные вещи.

Будь строг и точность соблюди,
Сдержи размах и вольность кисти,
Завет врачу – «не повреди!»
Ты выдели из прочих истин.

И помни, встав на этот путь
И над хребтами лет возвысь:
Ты – реставратор. Им и будь:
Сейчас ты – не иконописец!

Стол

Говорят — и громко, при народе,
Вроде и столы уже не в моде...
Нет, не тонконогий стол журнальный,
Стол столовый — он теперь опальный:
Он, мол, в интерьере не глядится
И ни в коей мере не годится.
И, устаревая год от года,
Сам выходит он из обихода...
Так послушать — и, глядишь, не жалко,
Кое-кто да вынесет на свалку...

Где столы, добротные на диво,
За какими потчуют учтиво?
Где столы, что прочно в землю врыты,
Самобранкой-скатертью накрыты?
Где столы, чтобы от яств дымились,
Чтобы не ломались, а ломились
От щедрот хозяина, от снеди,
Чтоб за ними гости, и соседи,
И друзья из самой дальней дали
Восседали, а не заседали?..

Что за радость — на ходу, отдельно
Полдничать — не дружно, не артельно?..
Выкинуть по чьим-то наущеньям!
Только как же быть тогда с общеньем?
Как же быть с беседою застойной?
Как же быть с хозяйкой хлебосольной?..
Если вдруг в журнале вы прочтёте,
Что-де хлеб и соль уж не в почёте,
В них, мол, для здоровья много риску —
Прекратите на него подписку.

* * *

Не шпага нужна, не шпага,
Не тайные знаки мага.
Отвага нужна, отвага,
Иначе — не сделаешь шага,
Иначе — не сварить каши,
Науку пойми простую.
Иначе — все вздохи наши
Коптят небеса впустую!
Иначе — не взмoeшь к звёздам,
Иначе — утонешь в луже...
Хоть это — общеизвестно,
Напомнить о том полезно.
Опомнишься — будет поздно
И уж нельзя как хуже!

* * *

– Где же ты была?

– Была

Около... Почти – под боком.

Обернуться ненароком

Ты бы мог – и я могла.

– Где же ты была?

– Брела

Той же улицей и рощей,

Что и ты...

А было б проще –

Выйти вдруг из-за угла.

– Где же ты была?

– Плыла,

По теченью путь держала,

Как и ты – в мороз дрожала,

Согревалась от тепла.

– Где же ты была?

– Пила

Из ручья... Не из того ли,
Что и ты?.. В нём — запах воли,
Лёгкость птичьего крыла.

Где же были мы тогда?..
Рядом...
Только почему-то
Разминулись на минуту...
На недели... На года...

* * *

Всё кому-то что-то должен —
Так уж повелось.
Должен... Долг...
Ты с этим дожил
До седых волос.

Оплетён ты и обязан —
Тут пенька и шёлк...
Всё обязан ты, обязан
Выполнять свой долг.

Не разрубишь — лишь ослабишь
Связи да узлы...
Не разлюбишь, но — устанешь
Биться об углы.

Путь ещё не подытожен —
Как узнать его?
Знай одно:
Ты мне не должен —
Слышишь? — ничего!

Жизнь — кто знает? — явит чудо
Иль согнёт в дугу, —
Но пожизненно я буду
У тебя в долгу.

* * *

Запасись терпением! — говорят.
Запасись терпением, как вареньем
На зиму? Дровами — пусть поленья,
В стужу согревая нас, горят...

Запасись... Но где хранить, скажи, —
В чемодане? В закромах ли? В клети?
Или там, где синий свет пролетя
Всё ещё живёт — на дне души?..

Только не умею запастись!
Да и напасёшься ль на весь век?
Тлеют листья, и слетает снег...
Как мне от тоски своей спастись?

Запасись терпением?.. Можно ль впрок
Вдруг законсервировать терпенье,
Словно маринады, и соленья,
И компот, и виноградный сок?

Как хомяк — на завтрашний обед?
Словно бурундук — в мешке защётном?..
...Белым днём и в сумраке полночном
Как тоскую я —
Терпенья нет!

* * *

Два рывка ещё –
И финиш.
Два шага́ всего осталось.
Два броска –
Но разве скинешь
Непомерную усталость
Со счетов?
И напряженью
Есть предел...
И – оземь кони...
О, минуи́ нас пораженье
На последнем перегоне!..

* * *

Как быстро темнеет!
Как рано!
В низине шевелится мрак,
Как зверь допотопный и странный,
Не видящий пней и коряг.
Густеет, как дёготь...
Как копоть
Садится... Кричи — не кричи,
Не пробуй ни топать, ни хлопать —
Все звуки потонут в ночи.
Как чёрная вата...
Как сажа...
Ни зова, ни отзыва нет.
В безмолвии рыщет, как стража:
Не брезжит ли где-нибудь свет
Мгновенный, случайный и слабый?
Но нет — ничего не видать!
Как рано темнеет!
А мгла бы
Могла бы ещё подождать...

Нет! Что-то лихое пророча,
Бормочет про чёрные дни...
А были ведь белые ночи —
Как быстро темнеют они!
Ах, полночи, полные света,
Вы скрылись... Зови — не зови...
Но всё же храните вы где-то
Бессонную радость зари!
А я без тропы, без охраны
Плутаю меж пней и коряг...
Как быстро темнеет...
Как рано
Земля погружается в мрак.

* * *

Всё постепенно входит в колею...
И то, что мы стояли на краю
Обрыва, бездны, —
Видно, показалось,
Почудилось...
Неужто всё — мираж?
Рывок! Полет! Парение! Вираж...
Вниз. На посадку. В колею.
Усталость
Взяла своё?
Где силы для борьбы?
А ведь могло бы...
Если б да кабы...
Ну, не мгновенно.
Хоть когда-нибудь.
Почудилось?..
Но свет разлит повсюду:
Судьба и вправду сотворила чудо,
А нам бы — ей помочь.
Совсем чуть-чуть...

* * *

Дождь на глазах превращается в град,
Осень над нами куражится...
Рай на глазах превращается в ад,
А может, нам это кажется?

Град на глазах превращается в снег,
Сыплется с неба манна...
Может, и плач превратится в смех?
Или – надежды мало?..

Всё вперемешку – и снег, и град,
Мечется ветер шальный...
А может, всё и пойдёт на лад,
Наладится всё, пожалуй...

* * *

Мне говоришь:
– А вслух? –
Вслух?..
Помнишь запах хвои?
Июнь – горяч и сух,
Ошпарен синевою.

Вслух?
Слышишь перестук
Колёс и звон рассвета?
Вслух?..
Не хочу разлук!
Вслух?..
Где это – край света?..

Мне говоришь:
– А вслух?.. –
Тьму кроет белой краской
В дикарской пляске пух
В полуночи декабрьской...

Вслух?..
Захватило дух
Над трудною тропею...
Вслух –
Для того, кто глух,
Вслух –
Там, где больше двух,
А здесь – лишь мы с тобою.

* * *

Не затем, что продрогла,
Что искала тепла, —
Просто так,
Без предложения
Я к тебе подошла.
Что тепло или жалость?..
Просто сердце на миг
Сжалось:
Мне показалось —
Ты нуждаешься в них...

* * *

Отвыкнуть! К чему переключка?
Не хуже ли слышно уже?..
Отвычка, отвычка — отмычка
К закрытой, как крепость, душе.

Отвыкнуть, отвыкнуть, отвыкнуть —
Ворваться, засовы круша,
В чужую, в потёмки, проникнуть...
Ах, эта чужая душа!

Уж столько о ней толковали,
Смешав с полуправдой враньё:
Коль стала чужою — едва ли
Захочешь проникнуть в неё.

Чужая... И — рады стараться!
Но лёд отчужденья разбей!..
Чужая душа? — разобраться
Порою труднее в своей.

Отвыкнуть?.. Нет, есть еще силы,
Пусть плакать порой не дают...
О, если б навеки так было! —
Как в старом романсе поют.

* * *

Коварство излучин!
Под птичий галдёж
Порядком измучен
Вдоль речки идёшь.

Весь путь твой изучен
По тропке витой —
До ивы плакучей
Над тёмной водой —

Остался — не медли! —
Какой-нибудь шаг!
Но — новая пётля
И новый зигзаг.

Излучин насмешка!
Опять над рекой
Та ива... Не мешкай,
Потрогай рукой.

Но – снова маячит
Она вдалеке,
Как будто лишь начат
Твой путь по реке.

* * *

Уклад...
Порядок...
Быт...
Общениа...
Привычный круг.
Нарушивший, не жди прощения, —
И враг, и друг
Отступятся и поторопятся
Захлопнуть дверь.
Порвавший круг, не поздоровится
Тебе, поверь!
Привычное круговращение...
Но — если вдруг...
Дерзнувший, не ищи прощения:
И враг и друг
Тебе улики непустьашные
Швырнут тогда,
И суд свой вынесут присяжные:
Виновен?
Да.

* * *

Восемнадцать пятьдесят.
Скорый поезд...
Ежедневно...
Расписания висят,
В них – безрадостный, безгневный
Безразличных чисел ряд...

По перрону – как сквозь строй,
На подножку – как на плаху...
Убеди себя в простой
Истине,
Что всё – на благо,
Всё – на радость:
И насквозь
Пробирающая стужа,
Даже – боль,
Что прочь,
Что врозь,
Раздирающая душу.

Всё — на благо...
Сохрани
Навсегда мечту о чуде!..
Побредут во тьме одни
Провожающие люди.
Ежедневно
Так же — с глаз
Исчезает скорый поезд...
Оборвавшийся рассказ,
Неоконченная повесть...

Ежедневно?
Следом сядь
В завтрашний
Об эту пору!
Но догнать ли,
Хоть и скорый —
Восемнадцать пятьдесят...

* * *

Бывает — от тихого «здравствуй!»
При вспышках июньских зарниц
Становится время пространством,
Которому нету границ.

Становится время простором,
Теплом, синевой бытия
И веток узором, которым
Означена радость твоя.

Лучом, что метнулся и замер,
Стрижом, что нырнул в окоём...
Мы слышим его, осязаем,
Вдыхаем, и видим, и пьём.

Июнь

Лучами в травы метясь,
Царит он на заре,
Июнь – светлейший месяц
У нас в календаре.

Как ясен, чист и весел
Его пресветлый лик!
Июнь – медовый месяц
Цветенья ранних лип.

Свет властвует и льётся,
Смывая мглы покров,
Когда приходит солнце
В созвездье Близнецов.

Под этим знаком встретясь,
Возможно ли быть врозь?..
Июнь – зелёный месяц
Надежд и сочных лоз:

Уж забродил в их жилах
Хмель — хоть пускайся в пляс!..
О знак нерасторжимых,
Благословивший нас!

К лучам его причастен,
От всех невзгод храним,
Да будет вечно счастлив
Родившийся под ним!

Не добрая ль примета —
Животворящий свет?..
Июнь — начало лета,
Начало долгих лет...

* * *

В безмолвии тропы,
Бегущей в травах рыжих,
В гудении толпы,
Как заклинанье, слышу:
— Будь счастлива — зимой,
И летом, и весной...
Будь счастлива — немой
Любуясь белизною,
Качаясь на волне
Над ширью неохватной...
Будь счастлива — во сне
И наяву, понятно...
За письменным столом
И под степною синью...
Будь счастлива — потом
Не менее, чем ныне...
Будь счастлива — в тоске
Недолгой и нестойкой.
Будь счастлива — ни с кем
Другим — со мною только!

* * *

Клич нёсся по двору:
– Скорее,
Бежим – в снежки! –
Ко Всем Скорбящим!..
Пересекали мостовую,
А хлопья снежные, степенно
И медленно слетая с неба,
На церковь жёлтую ложились...
Ликующе:
– Ко Всем Скорбящим! –
Простое сочетанье звуков,
Условное обозначенье,
Глухая стенка между смыслом
И семилетним бытием...

И – позже:
– В семь – у Всех Скорбящих.
Себя не слыша, без печали,
Друг другу встречи назначали,
В неведение и окрыленье
Мы словно бы судьбе бросали

Своею праздничностью
Вызов...

Метались над землёй закаты,
Рассветы – ржавы и кровавы...
Дымилась камни.
Тлели травы.
И мальчики к военкомату
Шагали мимо Всех Скорбящих...
О, сосчитать ли всех скорбящих?!
А дома на дверях неспящих
Чернел пустой почтовый ящик...

И с той поры у Всех Скорбящих
Мы собрались –
И не уходим...
Да, наконец, название это
От жёлтой церкви на Ордынке
В Замоскворечье –
Отделилось,
И я – я присоединилась –
Не навсегда ль? –
Ко всем скорбящим...

Так прояснялся смысл исконный,
И от него уйду едва ли...
Но церковь, оказалось позже,

Тогда неточно называли,
Что «Радостями Всех Скорбящих»
Звалась...
А я жила, не зная...
О, звонкость возгласов ребячьих,
Была в ней правота святая!..

«Ко Всем Скорбящим!» –
Снова слышу...
Скорбящих радость! –
Есть ли выше?..
Скорбящих радость –
Если вправду
Бывает так,
Молю я слёзно:
Не обойди меня, обрадуй!
Ну, что же делать, –
Лучше – поздно,
Чем никогда...

Из книги
«Лети, журавль»

* * *

Севан не приветил:
Гегамские горы в снегу.
Дождь хлещет
И – ветер...
Но всё же сумею,
Смогу
Пробраться сквозь годы
В ликующую синеву,
В спокойные воды,
И вновь услышать наяву:
«Сарери, сарери...»
И – вновь пробежать
По волне...
«Лцвел эм, лцвел эм...»
Всё это –
Навеки во мне:
Горами, горами –
Прохладою гор
Пленена...
Слезами, слезами –
А плакать не смею! –
Полна...

* * *

Как же можно так —
Всё насмарку?! —
Листья красные,
Белый снег...
Всё вдруг побоку,
Сразу, смаху, —
Без различия:
Всё и всех!
Вдруг — от радости отрешиться
Той — ликующей, не своей,
Той, что недругов не страшится
И не прячется от друзей!

Солнце зимнее над Звартноцем,
Под ногами — воды слюда.
Как же можно так —
Вглубь колодца
Бросить сразу всё — без следа?
Как же можно так —
Всё насмарку:

Ожидание, явь и сны,
Снег, слепящий под солнцем жарким
Безупречностью белизны.
Снег под солнцем, что тьмы не ищет,
Не плывёт, обращаясь в грязь,
Но горит, от лучей всё чище,
Всё прекраснее становясь...
Как же можно так —
Вдруг забыла
Ты безмолвие Маркары?..
Это было ведь, было, было! —
Только — спряталось до поры!..

Просто хочешь ты жить в покое,
Не тревожа себя ничуть...
Если хочешь — махни рукою,
Если можешь забыть —
Забудь!

Что ж, наверно, тебе видней...
Если нравится — будь бедней!

Неповторение

Что-то стирается. Что-то теряется...
В циклах и ритмах всё повторяется.

Смерть и рождение. Вёсны и зимы.
Всё повторимо. Всё повторимо.

Для повторенья иного явления
Люди стараются, лезут из кожи...

Но повторяется зло — к сожалению.
К счастью — добро повторяется тоже.

И повторяются речи в парламенте,
И содержанье бумаг в департаменте.

...Как соблюдался он в древней Армении —
Принцип священный — неповторения!

Видно, в характере и темпераменте:
Неповторение стен на фундаменте.

Неповторение букв на пергаменте,
Неповторенье узоров в орнаменте:

Лозы, гранаты, львы, куропатки...
...Неповторяемость нынче в упадке.

Много удобнее для ускорения
Стереотипы и повторения!

Штампы, эстампы, блоки и шрифты,
Для воспарений – высотные лифты...

Есть одинаковость свечек и спичек...
Но сколь прекрасно ваше терпение,

Резчик по камню и переписчик
В вечном стремлении к неповторению!

...Я повторяюсь: снова в парении
Над облаками рвусь сквозь пространство.

Снова я мчусь в парадоксы Армении –
Неповторение и постоянство...

* * *

А в сущности, нам мало надо,
И всё, что надо, — пополам.
Как дар, как праздник, как награда,
День завтрашний даётся нам.

Покрытые снегами горы
И тёмно-синяя вода...
О, не грусти, ещё не скоро
Нам расставаться навсегда.

Ещё заря, ещё начало.
И мы от берега плывем...
Забуть ли ветер перевала,
Ворвавшийся в дверной проём!

Ещё нас ждут недели, годы,
Метели, стужа и жара...
И вот опять прогноз погоды
Не подтверждается с утра.

Метет метель, грохочут грозы,
Срывая полог голубой...
Какие могут быть прогнозы –
Мы не расстанемся с тобой!

Речная быстрая излука,
Бегущая за окоём...
Какая может быть разлука,
Пока живём, пока живём...

Мы все – у края, на пороге
В благом неведение своём...
Но всемогущи, словно боги,
Пока живём, пока живём.

* * *

О жизнь,
Сосуд скудельный
Да дуло у виска...
Безмерна, беспредельна,
Немыслима тоска...
И без исхода — мука,
И без вины — вина...
...Счастливым быть — наука
Не так уж мудрена:
Не умолкай угрюмо,
Былому глядя вслед,
О чёрном дне — не думай,
Его в помине нет!..
Ты ближнего обрадуй
И дальнего приветь.
О чёрном дне — не надо
До времени и впредь...
Но в том-то вся и штука,
Что жизнь — всего одна
И радости наука
Не каждому дана...

Над мельтешеньем тягот
Расправлены крыла...
...А лук уже натянут
И пущена стрела.

* * *

А как же – Петра отречение,
Что сразу простилось ему?..
Простилось? Пускай!.. Но значенья
Прощенья того не пойму...
Отрёкся... Словами другими –
Не предал ли? В чём – существо?..
Отрёкся во имя... Во имя...
Не знаю – во имя чего.
Ещё до петушьего крика
Отрёкся – до пыток и мук –
От светлого божьего лика
Мгновенно, не думая, вдруг...
И это – в вину не вменялось
Ему... Не вменялось в вину...
А время спешило. Менялось.
Стонало. Рыдало. Смеялось.
На плахе. На воле. В плену.
А Пётр... Он остался поныне
Хранителем веры живой,
Незыблемым камнем, твердыней,
Оплотом, опорой, главой.

* * *

День велик,
Ему нет конца.
Лист ещё зеленеет,
Не вянет,
Свистнет иволга,
Дрозд подтянет,
На лугу
Ещё нет косца.
Над пролеской
Гудят шмели,
Замер жук
Да и в ус не дует.
И лягушки
Сидят на мели
И, как голуби,
Всё воркуют...

* * *

Как он приметен в сини —
Ну что ж, что малый рост!
На тоненькой осине
Поющий чёрный дрозд:
Что день ещё не прожит, —
Свистит на все лады...
И — верится:
Не может,
Не может быть беды!

* * *

Что-то с нами станется
В этакой распутице?
Параскева-Пятница,
Страждущих заступница,
Заступись да выручи, —
Может, что получится...
Выучи — не вылечи,
Любящих споручница!

* * *

А был ведь звательный падеж
Тому лет сто или допрежь...

Кто звал — не просто называл,
А призывал без зазывал,

Открыто, без обиняков.
Как говорят, без дураков,

Звал — не во сне, а наяву
К себе... Как я сейчас зову:

— Приди, утешь меня, потешь!.. —
Чем плох был звательный падеж?..

* * *

До чего же ты, друг,
Дожил:
Провожать меня вдруг
Должен.
Провожать —
Порыдать повод.
Провожать —
Оборвать провод.
На дожде продрожать —
Стоит?
А потом — продолжать
Помнить...
Провожать?
А перрон
Стонет,
Всем наносит урон
Полный...
Дождалась:
Прибежал, точен,
Провожать —
Подражать прочим?

Провожать —
Не прижать к сердцу,
Провожать —
Поражать в сердце...

*Из книги
«Семь погод»*

* * *

Как будет — так будет.
И я не пытаюсь угадывать.
Пустая затея —
Хоть кажется, будто легко...
Ведь если кого-то
Сегодня ты можешь обрадовать —
Не вздумай откладывать:
Завтра — ещё далеко.

Как ты ни гадай —
Положенье твоё не упрочится,
Да, видимо, не в многознании
Счастья залог...
Увидеть бы снова,
Как в сини берёзы полощутся,
Как сизые тучи
Плывут над сплетеньем дорог...

Как будет — так будет.
Давай не гадать, а надеяться...

Вперёд не заглядывать
И не грозить кулаком.
Мы знаем, что время
На горе и радость не делится,
Всё вместе в нём мелется,
Так и бери – целиком.

Увидеть бы снова:
Берёзами светится рощица,
Над озером сонным
Предутренний стелется пар...
...Безумной была не случайно
Кассандра-пророчица:
Кому он под силу –
Предвиденья тягостный дар!..

* * *

Век соткан из мгновений,
Всему назначен срок:
Есть мера перемене
И вычислен урок.

Мы знаем безусловно,
Дотошно, наперёд,
Что — временно,
Что — вечно
И что за чем грядёт.

За летом ждём ненастья,
А за дождём — зимы...
И только срока счастья
Не знаем, к счастью, мы.

* * *

Тайна старых фотографий,
Памяти пайковый хлеб...
Беззащитность биографий
Перед волею судьбы.

Кто-то там глаза таращит,
Кто-то веселится власть,
Кто-то табуретку тащит,
Чтобы в объектив попасть.

В объективе «фотокора»
Уместились все как есть —
Те, кого разлучит скоро
Неминуемая весть.

Эти стрижки, эти чёлки
Светом дня озарены...
Здесь мальчишки и девчонки
За неделю до войны.

И в глазах у них — сиянье,
Ожидание дорог,
И в глазах у них — незнание,
Счастья истинный залог...

Ту серьёзность, ту беспечность,
Веру ту в душе храня,
Я смотрю на них сквозь вечность
Из сегодняшнего дня.

Вот ещё мы вместе сняты,
Снова соединены
В ателье, в проезде МХАТа,
На четвёртый день войны.

Эти косы и зачёсы
И значки БГТО...
Здесь ответов на вопросы
Не нашел ещё никто:

Где прервётся путь их долгий,
Путь смертельный, напролом, —
В Чёрном море, иль у Волги,
Или в небе над Орлом?..

Где повторяют, заклиная,
Веря: «...Только очень жди...»

...Как мы ждём их!.. Но иная
Доля ждёт их впереди.

Ни могил, ни монографий,
Ни планшеток не найти...
Я от старых фотографий
Глаз не в силах отвести.

Июль

Созвездие Рака
В преддверии Льва...
Однако
Совсем не пустые слова:
Рак пятится задом,
Торопится вспять,
К минувшим отрадам
Он рвётся опять —
К цветенью
И пенью
Умолкнувших птиц,
К смятенью
Высоких июньских зарниц...
Спешит он в былое
С бесстрашием льва...
Не скрою — порою
Лишь тем я жива...
Былое тревожу,
В нём — память души...
Той памяти, боже,
Ты нас не лиши...

Созвездие Рака –
Под знаком Воды...
Потоков атака
Все смоем следы...
Созвездие Рака –
Защита – Луна:
Противница мрака
От века она.
И в лунном свеченье
Во сне ль, наяву –
Всё вверх по теченью
Пльву и пльву,
К началу, к истоку,
За дальней горой...
К судьбе, что жестока
Бывала порой,
В минувшие годы,
В их зло и добро...
Ложится на воду
Луны серебро...

* * *

В летний день, что тих и светел,
Как везде во все века, —
У воды текучей дети
Строят крепость из песка.

И протоки, и запруды,
Всем законам вопреки,
Появляются как чудо —
Мановением руки...

И за нынешних в ответе,
Словно на далёкий свет,
Вспять плывут былые дети —
Дети довоенных лет.

К камышам речной излучи,
Где теряются следы...
...И кричат им строго внуки:
«Вылезайте из воды!»

... Ускользали из уключин
Вёсла — им не по плечу...
Вверх карабкались по кручам —
В лес к заветному ключу.

Под колодою лесною
Пробивался он и тѣк —
Ключ, спасающий от зноя,
Кем-то названный — Громок.

В тьму ушла она со света,
Отгремела та вода...
Сколько нету, сколько нету —
Тех, кто пил её тогда...

Тот же самый берег правый —
Как же был тогда он крут!..
...«Никакой на вас управы!» —
Внуки с берега орут.

Прошедшее время

То время, прошлое, бывшее,
Не миновало — в нас оно,
Любовью, горечью, бедою,
Разлуками осенено.

Всё меряло своею мерою —
Отчаянье и торжество,
И принимало всё на веру,
Предугадав сердец родство.

Не прикрывало нас от ветра,
Бросало и в огонь и в тьму.
То время называют «ретро» —
Не понимаю, почему...

То время не было стоящим
На месте, или преходящим
И миновавшим без следа...
Нет, не прошедшим — настоящим
Оно осталось навсегда.

Прошедшим время не бывает —
Оно в нас живо, не мертво...
Оно растёт, не убывает,
Порой сердца нам разбивает,
Едва дотронься до него...

И милосердно, и сурово,
И простодушно, без прикрас,
Оно — и сущность и основа
Всего заложенного в нас.

Музыка

Кто тоску мою осудит?
Кто печали утолит?
Новой памяти не будет,
Память старая томит...

Перехватывает горло —
И плывут со всех сторон
Нежность флейты,
Бодрость горна,
Скрипки плач,
Фагота стон...

Многозвучность,
Многострунность,
Медь, грозящая бедой...
Детство, отрочество, юность
Друг за другом, чередой.

Звуки разных зим и весён,
Звуки празднеств и потерь,

Рёв прибоя, шёпот сосен —
Я их слышу и теперь:

Всё звучат во мне упорно,
Не сливаясь в унисон,
Нежность флейты,
Бодрость горна,
Скрипки плач,
Фагота стон...

* * *

Терпенье надежды —
Безмерно,
Безбрежно оно и отважно,
Порою оно легковесно,
Но не легковесно — что важно...
Бывает, что вдруг обречённо,
Бессильно, в отчаянье странном,
Готово упасть бездыханным, —
Но к у́тру вздохнет облегчённо,
От смутных восстав сновидений.
Живое дитя пробуждений...
И вновь, с очевидностью споря,
Оно утверждает: «А всё же...»
Оно ни на что не похоже —
Терпенье надежды...
Быть может,
Сродни лишь предчувствию горя.

* * *

Друг на друга кивая,
Повторяем вразброд:
Жизнь — игра роковая,
Как кому повезёт...

Всё от счастья зависит,
Всё, мол, случай решит:
То оценку завысит,
То ударить спешит.

Жизнь — то зубья, то иглы,
Жизнь — то лента, то плетть...
Есть же ровные игры:
В них — лишь надо уметь!..

Жизнь — то пусто, то густо...
Только что говорить:
Жизнь — уменье, искусство
И любить, и дарить,

Птице радуясь вешней,
Улыбаться с утра...
...Ну а впрочем, конечно, —
Роковая игра...

Рекламное приложение

Порой в «Рекламном приложении»
Читаю я по вечерам –
Спрос, объявленья, предложенья:
Куплю... Меняю... Сдам... Продам...

Читаю долго список длинный,
И как сквозь сон я слышу звон:
«Меняю клавесин старинный
На стереомагнитофон...»

«Учу играть на барабане...»
«Держитесь дальше от огня...»
И рядом: «Приглашаю няню
Хоть раз в неделю на полдня...»

Проблемы бытия и мира,
Призывы с самых разных мест:
Меняют марки. И квартиры –
Кто на разъезд, а кто на съезд.

Судьба. Характер. Возраст. Доля.
Обдумав или сгоряча,
Кому – палатка в чистом поле,
Кому – гараж из кирпичика.

А дни идут. Уходят годы.
И вот уже: «Купить хочу
Собаку комнатной породы...»
И – «Комнату сдаю врачу...»

Среди обмена и продажи,
Где предложеньям несть числа,
Не о продаже –
О пропаже
Я объявление прочла.

Был непривычной мерой мерен
Сеи факт... Ах, кто пришлёт ответ?!
«Шестого августа потерян
Был парус...»
В суете сует...

Да, парус... В толчее столицы.
Не над пучиною морской,
Утерян – как перо жар-птицы –
В неразберихе городской...

О, если схватит вдруг усталость
За горло грубо и мертво,
Мне вспомнится:
«Утерян парус
В районе станции метро...»

Круг

Привычный круг забот,
Священный круг друзей.
И дней круговорот
Как цирк, как Колизей,
Открытый всем вокруг,
Кто вышел за порог, —
На север и на юг,
На запад и восток...
Нам чертит круг судьба,
Ареной — циферблат...
Круг — зрелище, борьба,
Натянутый канат.
По кругу — стрелок бег,
По кругу — ночь и день,
По кругу — дождь и снег,
По кругу — свет и тень...
Кружит целебный дух
Ромашки луговой...
Ты знаешь цену, друг,
Поруки круговой!..

Округлы блин и корж,
Срез годовых колец...
Плывёт по кругу ковш
На пиршестве сердец...
Становимся мы в круг
И водим хоровод.
Плывёт старинный струг.
Гладь режет теплоход...
Вопрос – ответ – вопрос:
Кружение колёс.
А мир многоголос,
Он полон грёз и слёз.
Швыряем день за днём,
Как гальку в водоём,
Жизнь – словно взмах руки,
И по воде круги...

Не гаси чужую радость

Не гаси чужую радость
Равнодушием и спешкой,
Ни усмешкой,
Ни насмешкой
Не лишай её доверья —
Не летели б пух да перья
От неё — подбитой птицы...
Помоги ей снова взвиться.

Не гаси чужую радость
Взглядом трезвым,
Словом резвым,
Иронической улыбкой —
Золотой метнётся рыбкой
В глубину — какая жалость!..
Не гаси чужую радость,
Словно свечку, ненароком,
Мимоходом, между делом, —
Пусть горит при свете белом
В мире тёмном и жестоком.

Не гаси чужую радость
Раньше срока
Смыслом здравым —
Будь ты даже трижды правым!

Ведь её и так погубят,
Как расцветший куст, подрубят,
Уничтожат с ходу, разом,
Кто-то слабый ли, могучий,
Неизбежность или случай,
То ли глупость, то ли разум, —
И она как в воду канет...
Не гаси чужую радость,
Ты спаси чужую радость —
И она твоею станет.

Терема

Вход в Царские покои... Верхний Спас...
Нельзя войти без Бога, без поклона...
В день декабря мы в предвечерний час
Идём под своды, где тепло и сонно,
Где на стене трава с травой сплелась.
Вот трапезная:
Тесно и темно —
Оконцев малых слюдяные клетки.
По лестнице крутой давным-давно
Сюда входили пращуры и предки
Живущих ныне...
Ныне... Впрочем, нет!
Тех подданных
Вначале возносили,
Обласкивали,
А потом казнили,
Сживали со свету их род,
Их след
Стирали запросто с лица земли...
...А мы уже в гостиную вошли.

В гостиную, где ждали поутру
Явления самодержца-государя
Послы да родовитые бояре,
Где гости восседали на пиру.
Но в кабинет отсюда никому
Нет ходу: ни советникам, ни жёнам.
Лишь изредка — особо приближённым
Да в праздник — нищим...
Нищим? Почему?..
Понять ли нам такую прихоть, блажь, —
Пришельцам из двадцатого столетья?!
Бывают же чудачества на свете!..
...А между тем — путь не прервался наш.
Опочивальня русского царя,
А позади — моленная,
Куда мы
Вторгаемся вдруг целым скопом прямо —
А за окном декабрьская заря
Вечерняя краснеет не зазря,
А со стыда за нашу беспардонность.
Но глубь веков,
Но времени бездонность
Всем нам простит, по правде говоря, —
И глуховатость сердца и ума,
И это вот вторжение в п о к о и:
В чужой уклад, в чужие терема, —
Прощается порой и не такое...

Тому свидетель — наша жизнь сама.
Куда страшней, когда подчас не встарь
Вторгаются как будто бы случайно
В моленную чужую, за алтарь,
В чужую душу и в чужую тайну,
В чужой покой, в чужие терема,
И в трапезные, и в опочивальни...
...А на дворе — снежинок кутерьма,
Студёная и белая зима,
Декабрь — студёнь эпохи стародальной.

* * *

У всех своё понятие,
Точка зренья
На красоту, на вкус или на цвет.
Кому – соленья,
А кому – варенье,
Слова ли, цифры –
Тут закона нет.
Кому милей трава,
Кому сугробы,
Дворец – и дом, что обречён на слом.
...Но добротой не обернётся злоба,
Добро вовек не обернётся злом.

Обиды

Обижают друг друга по кругу:
Сильный – слабого,
Старшие – младших:
Расправляются с ними круто,
Невзирая на крик и плач их.
И тиранят их, и третируют,
А потом – выгоняют вон...
Ну а слабые сильных цитируют,
Создают себе как бы фон –
При общении со слабейшими
Это очень им
Помогает!
И тиранят тех,
В свою очередь,
В свою очередь помыкают...
Те уходят, слезы размазывая,
Ищут: кто там поменьше ростом?..
Верно, это явление – массовое,
И – попробуйте с ним бороться!

Но главенство такое — шатко:
Замыкается этот круг:
Сильный слабого — на лопатки,
Слабый сильного — под каблук!..
Значит, дело это обычное?
Все — обидчики?
Все — обидчики,
Начиная с грудного возраста?
Значит, нет никакой проблемы?..
Где он,
Рыцарь Печального Образа
В медном тазике вместо шлема?!

Что бы ни было — не изменится
Он вовек, другим не чета!
Снова в бой с ветряными мельницами
Рвётся голову очертя!
Стольких спасший, что не упомнишь,
Сам поверженный, сам разбитый,
Всем готовый прийти на помощь,
Защитить и не дать в обиду!

В ком он прячется?
Где он странствует?
Пусть он славится!
Пусть он здравствует!..

Волк, коза и капуста

Общенье – трудная работа!
Как главного не упустить?
Как с кем-то примирить кого-то?
Несовместимых совместить?
Вновь вижу старую картину:
Капусту, волка и козу...
Как я сведу их воедино?
Как без потерь перевезу
На берег противоположный
В лодчонке утлой – на двоих?
Ведь без присмотра невозможно
Хотя б на миг оставить их!
Как хитрую решить задачу,
Какой порядок соблюсти,
Чтоб ближних так или иначе –
Но от съедения спасти?..
Хоть времени совсем негусто
И всяких дел невпроворот,
Везу то волка, то капусту,
Снужа с козою взад-вперёд...

Как переправить всю ораву
На берег — с левого на правый?

Везу
Сперва козу.
За волком возвращаюсь,
Потом я с ним прощаюсь,
Козу назад везу...
Взамен беру капусту,
И чтоб не стало пусто
На левом берегу —
Козу там берегу...
Потом за ней плыву,
Козу переправляю
И к прочим добавляю,
Одних не оставляю,
Вот так я и живу...
И — верно, оттого,
Что всё я соблюдаю, —
Не съели никого,
Компания цела!
Ну вот и все дела...

* * *

Как взгляд ваш ни меток —
Мир непостижим.
Не ставьте отметок
Поступкам чужим,
Закатам, восходам —
Не тот, мол, режим! —
Разладам, разводам,
Расходам чужим.
На помощь спешите,
На зов и на плач...
Но знайте:
Чужих не решите
Задач.
Нетленны обряды,
Уклад нерушим,
Могучи ограды
К порогам чужим...
Вкушайте и славьте
Пирог да кутью,
Оценок не ставьте
Чужому житью.

Вы ран не касайтесь,
А просто, без слов
На помощь бросайтесь,
На плач и на зов...

* * *

Спектакль окончен. Зал затих —
И дрогнул от оваций...
...Все остаются при своих:
Не стоит убиваться!

Всё это — маски. Это — грим:
То — охрой, то кармином...
Все возвращаются к своим,
Назад — к своим каминам,

К своим столам, к своим делам,
К своим полам вощёным,
К своим незащищённым снам,
К своим грехам прощённым.

Все возвращаются — закон! —
Назад, к своим пенатам;
Умоют руки, сдержат стон,
Как полагалось испокон
Всем Понтиям Пилатам...

* * *

Принимаю правила игры:
Сглаживаю острые углы.

Принимаю сразу всё и вся:
Это — можно, а того — нельзя.

Снова «да» и «нет» не говорить,
Кашу есть одним — другим варить.

Прятаться одним — другим водить,
С козырной девятки не ходить.

Прятки, взятки гладки... До поры...
Принимаю правила игры.

Истины

Я сегодня, как ни странно,
Выступаю за охрану
Ни реки, ни океана,
Ни степей, ни чащ лесных, —
За охрану тех банальных,
Однозначных и буквальных,
Немудрёных, но глобальных
Бедных истин прописных.

Азбучные, прописные,
Строгие — не расписные,
Главные — не запасные
Игроки — всегда в игре...
Явленные, без сомненья,
Не собаками на сене,
Не жонглёрами на сцене —
Клоунами на ковре:

Простодушные репризы,
Странствуют они без визы,

Им неведомы капризы
Толкований всех родов.
Вот они: будь верен другу...
Передай добро по кругу...
Сладок сон в жару и выюгу
После праведных трудов...

Очевидны и избиты,
Не хитры, не нарочиты —
Я встаю на их защиту,
Слыша голос их простой:
Уступай дорогу старшим...
Помоги идти уставшим...
Руку протяни упавшим...
Мир спасётся добротой!..

Марфа

Слышу голос я твой за порогом —
Будто вдруг снизошла благодать:
Марфа, Марфа,
Печёшься о многом,
Не довольно ль тебе хлопотать?

Замирая, грустя и ликуя,
Оторвись хоть на час от земли,
Избери себе долю благую
И высокому слову внемли...

Задержалась на миг ненароком
И скорее — опять за дела...
Марфа, Марфа,
Печёшься о многом... —
Что же, гостю я честь воздала.

Только правды житейской не спрятать:
Кто-то должен без всяких затей
Мыть, и чистить, и штопать, и стряпать,
Гостя потчевать, нянчить детей...

И пока у огня я, прохожий,
Пусть с тобою побудет сестра...
Накормлю я тебя, обихожу –
И опять за работу с утра...

Озеро

Начни опять сначала
И к чуду будь готов...
Как будто не бывало
Февральских холодов,
Ни суеты апрельской,
Ни майской маеты —
Обыденностью сельской
Живи отныне ты.
Верь собственному зренью,
На счастье уповай.
Огонь посредством тренья,
Как пращур, добывай.
И, вглядываясь снова
В мерцающую даль,
У озера лесного
Плотву копти и вяль...
На холодок не сетуй,
А — чудо из чудес! —
У озера рассветы
Встречай, как дар небес.

В блаженстве несказанном,
Зажмурившись, плыви,
Его хоть океаном,
Хоть озером зови...
Рыбёшек быстрых стайки
В нём пляшут день-деньской,
Над ним летают чайки.
Как над волной морской.
Зелёные березы,
Зелёная вода...
Здесь нет штормов.
Но грозы
Грохочут иногда.
Его прозрачна чаша
Меж сосен и раkit,
Сыпуч песок тончайший,
Под пальцами скрипит, —
И можно печь печенье
И ставить куличи...
Здесь есть свое течение,
Подводные ключи...
Заголубел цикорий,
Зашелестел ковыль...
И озеро — как море,
Когда на море штиль.

* * *

О день, полный мёда и млека,
Шмелей приводящий в экстаз!
И медный — из прошлого века —
Как солнце сияющий таз.
И травы, и малые дети,
И свет, что в жасмины проник...
Несложные радости эти,
Как сложно добраться до них...
Сквозь вьюги, заносы и грозы —
И как только не надоест!
Ах, эти извечные кроссы
Без кубков и призовых мест,
Без криков — давай! — на трибуне, —
Барьер за барьером взяты...
И — вновь отдышаться в июне
От грохота и суеты.
В себя приходите постепенно,
Ночам соловьиным внимать,
И главное — вовремя пену
С варенья и супа снимать...

Август

Август уже за плечами,
Как опустевший рюкзак.
Словно с мечтами — с лучами
Не распростимся никак.

Белка последнюю вишню
Тащит в гнездо, хлопоча.
Птичьего зова не слышно,
Звона не слышно ручья.

Тишь воцарилась как чудо,
Замерло всё до поры...
Не начинались покуда
Осени щедрой пиры.

Высь ещё не отблистала,
Ветвь не повисла, как плеть.
Время ещё не настало
Листьям с деревьев лететь.

Синью глубокой и гладкой
Славится Яблочный Спас...
Август уходит с оглядкой —
Жаль ему, видимо, нас.

С грустью уходит великой,
Ясность свою нам даря,
Сладкой дымя голубикой,
Горькой рябиной горя.

Жёлтыми машет шарами,
В дальний направившись путь.
За голубыми горами
Думает он отдохнуть.

Похолодало ночами,
Дымка на травы легла...
...Было вот так и в начале,
Только — в преддверье тепла.

* * *

Садятся батарейки
В фонарике карманном,
И озеро холодным
Подёрнуто туманом.
Хлопочут на рябине
Дрозды в волненье странном —
Уже прощаться с летом,
Наверное, пора нам...

Уже по всем приметам
Застынут скоро реки.
Мы расстаёмся с летом —
Ах, только б не навеки!
А в воздухе дурманном
Как будто плач жалейки...
В фонарике карманном
Садятся батарейки.

Родники

Родники... Тридцать третья верста,
Где смородина каплет с куста,
Где грушовка пускается в пляс
И где слива сливается в таз,
Где кисельные реки текут,
Где не шьют, не прядут и не ткут,
Только вяжут, и то по ночам:
Днём же солнце течёт по плечам.
Выжимают, толкут, кипятят, —
Только брызги, как искры, летят.
Давят соки — дыхнуть не моги! —
И в духовке пекут пироги.
Поливают с утра дотемна,
Исчерпали колодец до дна...
Но прислушайся: там, в глубине,
Родники закипают на дне,
Не иссякнут во веки веков —
Испокон их обычай таков.
Как вкусна их вода, как чиста!..
Родники... Тридцать третья верста.

У белого налива

Уединенье. Келья.
Прозрачная вода.
Варю из трав я зелье,
Не рвусь я никуда.
Сижу с открытой дверью,
Ловя синичий звон,
По старому поверью —
Чтоб все болячки — вон!
Стук яблоч гулкий слышу
При свете и во мгле,
Они стучат по крыше
И скачут по земле.
А на дворе дождливо,
Течёт мое жильё,
У белого налива
Пристанище моё.
Сороки у сарая
Стрекочут на заре...
Какая ночь сырая —
Совсем как в ноябре!

Избушка в два окошка —
Лукошко на полу...
Она — на курьих ножках
И помело в углу...
Течёт и дует в щели —
В скиту ли, в шалаше...
Но всё равно та келья
Мне очень по душе.

* * *

Перрон гудит и беспокоится
В дни будничные и субботние...
Не ждите следующего поезда —
Он не окажется свободнее!

Вы этого не представляете,
А мне по опыту известно,
Что только время потеряете
И не приобретёте места.

Вскарабкиваясь на подножку
И с силою вцепляясь в поручень,
Так рассуждаю понемножку —
И вывод мой безоговорочен.

Влезайте — и не тратьте попусту
Минут... А то не поздоровится...
Не ждите следующего поезда,
Он, может быть, не остановится.

А может, этот вот последний?..
И в тамбуре — в изнеможении,
Едва дыша в толкучке летней, —
Я постигаю смысл движения.

Скорость

Суета да заботы —
День торопит, как плеть.
Догоняю кого-то,
Всё боюсь не успеть.

Я дышу через силу,
В сердце дрожь не унять...
Отродясь не любила
Догонять, догонять...

На трамвай опасалась
Я вскочить на ходу,
Всякий раз мне казалось:
Упаду, упаду...

Лучше загодя выйти
Да брести не спеша,
Чтобы как по наитью
Всё вбирала душа!

Вот и ливень, и морось,
И закат, и заря...
Верно, скорость не спорость
Говорилось не зря.

Всяк постигни науку —
Тот, кто делу не враг:
Коль на скорую руку —
Значит, что-то не так...

Как и прежде, теперь я,
Не в угоду годам,
Не питаю доверья
К скороспелым плодам,

К скороспелым решеньям
В скоротечности дней,
Посторонним внушеньям
Не поддавшись — ей-ей!..

Верю льду да припаркам,
Ими близких лечу...
...Ни к каким скороваркам
Привыкать не хочу.

Совет

Чтобы жить, дружок мой, с детства
Без урона,
От слонов спасайся бегством
Вдоль по склону.

Вверх ли, вниз —
Сбежишь едва ли,
Помни это!
Так советуют в журнале
«Вокруг света».

Вот вершина всех решений,
Радость — вдосталь!
Нет опасных положений,
Всё так просто!

Ты живи себе, не бедствуй,
По закону:
От слонов спасайся бегством
Вдоль по склону.

Помни лишь о тропках точных
В мире бренном,
А не то тебя затопчут
Непрерменно...

Пользуйся простейшим средством
Неуклонно:
От слонов спасайся бегством
Вдоль по склону.

Вверх ли, вниз —
Сбежишь едва ли,
Знай об этом!
Так написано в журнале
Этим летом...

Но иная тут забота
Есть, признаться:
Если встречу бегемота —
Как спастись?..

Обиход

...отвернулся от обихода
и увидел красоту жизни.

Рерих о Врубеле

«От обихода отвернулся —
И красоту увидел вдруг...
И тут художник в нём проснулся
В отличие от всех вокруг...»

Один великий про другого
Так убеждённо речь ведёт:
Мол, красота всему основа,
Всему помеха — обиход.

Но жизнь — она из обихода
И красоты!.. Одно в другом.
Краса небес. Земля. Природа.
Любовь. Очаг. Родимый дом.

Дороги.хлопоты. Застолья.
И старый друг. И Новый год.

Хлебá, поднявшиеся в поле, —
Уж это ли не обиход?

И всё достойно вдохновенья —
Пера, и кисти, и резца.
Обыденность. И свет и тени.
Всё — от начала до конца.

И всемогущество ребенка,
Что объявляет на бегу
Самозабвенно, четко, звонко:
«Я пожалею... Помогу...»

Вражды не зная и раскола,
Кричит на весь простор земли!
...О только б эти два глагола
Из обихода не ушли...

Сентябрь

Ветер западный порывист,
Красных листьев тихий звон...
Вот он, купленный на вырост
Зимний наш комбинезон.

Ветер пляшет по террасе,
Всё вокруг грозит снести...
Грузовик уже на трассе.
Чтобы в город нас свезти.

Годовалый человечек
На террасе видит сны:
В них ещё — ни гор, ни речек,
Ни волны, ни крутизны.

Но зато краснеют сосны,
Подпирая синеву.
В день сентябрьский, в час морозный
В детских снах — как наяву —

Красный куст и красный мячик,
Что зовёт: за мной скачи!
И огонь живой, горячий,
Жарко пляшущий в печи.

* * *

Красный мячик
Коснулся, взлетев, голубой высоты.
Веря в силы свои,
Вновь малыш его в небо бросает.
Веря в силы добра,
За мячом он продрался в кусты —
И крапива не жётся,
И осы его не кусают.

* * *

Зажигает ребёнок фонарик
При свете полдневных лучей.
И от взрослых бежит он,
И слушать не хочет резонных речей:
Мол, дождись темноты,
Мол, при солнце светить бесполезно...
Но так ли?..
Видно, надо с младенчества свет
Умножать, расточая до капли.

Диоген – зажигает ребенок фонарь
Среди белого дня...
Верю я, что он будет счастливей,
Чем древний философ:
Слишком поздно придумал мудрец
Этот простенький способ –
Днём с огнём человека искать...
Не хватило ни дня, ни огня...

Сломанные старые часы

Сломанные старые часы...
Непривычен облик их и странен.
Искорёжен, будто кем-то ранен, —
Не вернуть утраченной красоты...

Сломанные старые часы:
С ними девочка бежит по саду.
Радостная — ей других не надо! —
В радугах от утренней росы.

Сломаны? О нет, они живут,
Отмечают времени движенье,
В ритме бьётся пульс, без напряженья.
Много ли отметили минут?

Много ль отсчитали зим и лет?..
Высчитать ли?.. Разве что для шутки...
Для ребёнка не на цифры сутки
Делятся — на темноту и свет.

Лишь движенье ведомо часам
На ладони детской — старым этим,
Как присуще чувство счастья детям
Или чувство тяжести весам.

Без границ, без счёта, без преград
Время — на ладони у ребёнка.
Всё на месте: корпус, шестерёнка,
Маятник, пружина, циферблат...

А который час? — для всех секрет:
Всё на месте... Только стрелок нет...

Март

Опять мороз ударил,
Схватило речку льдом.
Но это против правил,
И верится с трудом.
Ведь март уж на исходе,
Досматривает сны,
И состоялся вроде
Второй приход весны...
Мороз ударил снова,
Взял речку в переплёт, —
Но бойтесь, рыболовы,
Ступать на этот лёд!

Весны вторая встреча —
Сравнялись ночь и день...
Опять тулуп на плечи,
Ушанку вновь надень...
Опять вернулась стужа,
Весна?.. Как не была!..
Но — курочка из лужи
Водички испила...

Весенние прогулки

Мокнут жёлтые тропинки,
Белый снег сошёл на нет,
Прошлогодние травинки
Пробиваются на свет.
Уклоняются от тени
Птицы, дети, старики...
Мы гуляем в день весенний
Вдоль проснувшейся реки.
Таксы носятся в сторонке
От хозяев вдалеке.
А болонки — те в попонке,
На коротком поводке.
И, набегавшись сверх меры
Вдоль реки вперёд-назад,
Жесткошёрстые терьеры
За воронами следят...
И с достоинством, степенно,
Сторонясь никчёмных ссор,
Всем посулам зная цену,
Не спеша идёт боксёр...

А у нас, сказать по чести,
Нет собаки никакой,
Просто мы гуляем вместе
Над проснувшейся рекой.

* * *

Опять июнь. Иль тот же длится?
Не может кончиться никак?..
У пней лесных всё те же лица,
Улыбки те же у собак.

И нам твердит любая малость,
Что время вовсе не текло:
Вот только что крыльцо сломалось
И треснуло в сенях стекло...

Заводят те же песни птицы,
На тот же пруд ты держишь путь
В весёлом платьнице из ситца, —
Что стало коротко чуть-чуть.

Опять июнь, опять Казанка,
Вновь из зимы туда бросок.
Где сосен ладная осанка,
Где всякий дождь уйдёт в песок.

Зазеленел засохший прутик,
Июньский свет в стволы проник,
И жёлт, как брызги солнца, лютик
В небесной сини вероник.

Гроза

Никуда от них не скрыться!
Грохоча пустым ведром,
Ходит в небе мать Гремица,
Сын Гремёнок,
Папа Гром.

Вышла бабушка Гремиха,
Позвала семейство в дом.
Все ушли.
И сразу тихо
Стало в небе голубом.

Три камешка

Три камешка... Кто вы?
Откуда явились?
Какая сюда
Принесла вас волна?
Откуда отбились?
От скал отслоились?
Осколки вулкана?
Куски валуна?..

– Я – с Белого моря,
Где белые ночи,
Где белые скалы,
Где белые льды...

– Я – с Чёрного моря,
Где тени короче,
Где чёрные горы
У тёмной воды...

– А я – с Приуралья,
Где ветры жестоко

Упрямыми лбами
Столкнуться спешат,
Где с запада ветер
И ветер с востока
Ломают утёсы
И камни крошат...

Их суть — первозданна,
Как дно океана,
Когда ещё мир покрывала вода...
В них краски и музыка —
Всё без обмана,
Они — изначальны
И были всегда.

До всяких хвощей
И до всех инфузорий
Они уже были такими
Точь-в-точь!
У Белого моря,
У Чёрного моря
Встречали и зори,
И звёздную ночь...

Они розовели
В рассветном тумане,
И тени бросали на них облака.

А нынче у девочки Мани
В кармане
Они вспоминают былые века...

Они — словно память о Хаосе,
Рокот
Былых катастроф
И начала печать —
И Вечности знаки,
Что можно потрогать,
Подбросить,
Поймать
И об стол постучать.

Водоплавающая птица

Видим в бухте — что с нею случилось?! —
Птица малая распласталась.

Может, камнем шальным подбита,
Ищет помощи и защиты?

Не уставшая, не больная,
Эта птица совсем иная.

Это птица особого рода —
Ей сейчас с головой бы в воду!..

Водоплавающая птица —
Не ложится ей, не летится.

Еле-еле она плетётся,
Ей не скачется, не поётся...

Как на суше она нелепа,
Как беспомощно смотрит в небо...

Водоплавающая птица —
Ей с камней в облака не взвиться...

Как медлительна, неуклюжа,
Штормом выброшенная на сушу...

Водоплавающая птица —
Ей бы только к воде спуститься

И нырнуть, и поплыть, играя,
И с волны — в небеса без края!

Волны ласковые — не чудо ль?
Здесь и сила её, и удаль,

Быстрота её и сноровка,
Всё легко ей в воде, всё ловко...

Птицы разные есть на свете:
Кому тишь мила, кому ветер.

Той — вершина, а этой — кочка...
И нельзя про всех без различья:

«Раз ты птица — летай, и точка!
А купанье — дело не птичье...»

Не годится с одною меркой
К всякой птице — крупной и мелкой.

...Ну а наша — воды коснулась,
Встрепенулась, будто проснулась.

И — стрелой, разрезая воду,
Забывая свои невзгоды,

Забывая часы лихие...
Вот что значит — в своей стихии...

Карадаи

Что судьбою положено —
Не отдам за мильон!
Справа — профиль Волошина,
Слева — Хамелеон...

Окружённые лавами,
Воспаренью учась,
С заповедными травами
Мы на равных сейчас:

Где в желтеющей зелени
Пропадает стезя —
И ломать нас не велено,
И топтать нас нельзя,

Наподобие вереска —
Под защитою мы.
И в гармонию верится
В смене света и тьмы.

Погружаемся в облако
С головы и до пят...
Камни странного облика
Челюстями хрустят.

Допотопные чудища
Шевельнутся вот-вот,
И сдается: чуть-чуть ещё –
И хребет поплывёт...

И в ином измерении,
На планете иной,
Знаю, будет мгновение –
Горы встанут стеной,

И возникнет, как заново,
Над провалом скала,
Сверху – синее зарево,
Снизу – клёкот орла.

* * *

С гор, с волн,
Со степи —
Ветров схватка:
Реши, расцепи
Их загадку:
Объятья ль,
Борьба
Или пляска?
Случай
Или судьба —
Где развязка?
Звон звёзд
Вдруг исчез:
Место — зорям...
Семь вёрст
До небес
И всё — морем!..

* * *

Для разминки ли,
Для растряски ли,
Для очистки ли,
Для острастки ли —
Море буйствует!
Не для паники,
А забывчивым —
Нам — для памяти:
Что лучам пылать
Лишь до темени,
Что, мол, тишь да гладь
Лишь до времени!
В безмятежности
Вон что кроется...
Море дыбится,
Море роется,
А хребты над ним
Будто молятся...
Сколько камня здесь
Перемоеся!

Море рушится,
В бухты ломится —
Не даёт с тобой
Перемолвиться...

Ночью в Бзыбском ущелье

В зыбком свете
Звонкой Бзыби
Лист оливы серебрится:
Кажется, чешуйки рыбы
Облепили берег весь...
Были сумерки мгновенны —
Между днём и тьмой граница...
Будьте же благословенны
Все, пирующие здесь!

Словно камешки речные,
Собираю по крупицам
Всё, что было, —
И пытаюсь
Удержать, как беглый сон,
Шелест листьев,
Щебет птичий,
Всплеск воды, что вдаль стремится,
Гор надёжность и величье,
Детский смех
И Бзыби звон.

* * *

Над землёй и над водой
Ты земной летишь звездой,
Так нежна и так светла,
Чёмо цидинатела...

Золотым огнём плеща
В тёмных зарослях плюща,
Не сгораешь ты дотла,
Чемо цидинатела*...

Золотой снуя иглой,
Расправляешься со мглой
От ствола и до ствола,
Чемо цидинатела...

Вспышки сгинувшего дня,
Искру божьего огня,
Тайну света спрятала,
Чемо цидинатела...

* Цидинатела — светлячок (*грузинск.*).

* * *

Шумело море —
Понт Эвксинский, —
Взмывало, падало в провал.
И вал девятый, исполинский,
Береговую тишь взрывал...
Валы — как клубы чёрной пыли
Или чугунное литьё...
...А где-то аргонавты плыли,
В везенье веруя своё.
Бой гладиаторов, коррида,
Богов с гигантами война...
Долгожданная Колхида —
Когда покажется она?
Там, врачеванием владея,
Сама во власти высших чар,
Готовит снадобье Медея
Неведомому гостю в дар...
Она рвала траву в низине,
Не помышляя о дурном.
И солнце, подымаясь в сини,
Горело золотым руном...

Эвксинский Понт!
Гостеприимным
Он не напрасно наречён:
Был гром его подобен гимнам
В честь мореходов всех времён.
Гостеприимнейшая суша!
Я вновь у твоего огня,
Земля, врачующая душу,
Всегда спасавшая меня...
Стихала боль. Сникала буря...
Переплетались явь и сон,
Пекла Медея хачапури,
В марани колдовал Ясон.

* * *

Склонились друг к другу
Деревья в саду,
В весеннем убранстве
Чисты и прекрасны...
Мы замерли в храме
В девятом ряду:
«Токката и фуга
В дорийском ладу»
Рождаются,
Всё заполняя пространство.
И вот уж в высоком паренье
Душа —
Не ведает боли,
Не ведает страха...
О жизнь...
Несказанно она хороша!
Вспарили торжественно
И не спеша
Токката и фуга
Великого Баха.
И веришь:

Гармония мира жива,
Любовь, и надежда, и вера
Нетленны,
И ценность
Опять обретают слова,
И веришь:
Все беды и муки вселенной
Отступят
Пред силою их естества.
Когда-нибудь с круга
Сойдут, как в бреду,
И зависти скрежет,
И треск словопрений...
«Токката и fuga
В дорийском ладу»,
Рождённые в храме
В священном саду,
Царят, торжествуя,
В высоком паренье.

* * *

Таинственна морская глубина,
Строптивый нрав её непредсказуем.
И видится нам линией волна
Волнистою — как в детстве мы рисуем.

Таинственна морская глубина,
Воинственна — и вот опять смирилась...
То на дыбы становится она,
То вдруг вздохнёт — и сменит гнев на милость.

А нам с тобой — мгновения ловить,
Всецело покорясь, не прекословя,
Любовь дарить ей и благодарить,
Не предъявляя ей своих условий.

А нам, благословляя бытиё,
Бесцеремонно в тайну не вторгаться,
И радоваться милостям её,
И штормом, ужасаясь, восторгаться.

* * *

Причащенье воде и огню
В час их утренней встречи...
И поклон восходящему дню —
Дню Ивана Предтечи...

Очищенье водой и огнём!..
Как в купель, погружаюсь,
Восхищаюсь подаренным днём,
Красоте поражаюсь.

Поклоняюсь явлению огня —
Озаренью мгновенья...
Совершаю в преддверии дня
Я обряд омовенья.

Пусть вчерашние смыты следы —
Как издревле, вначале,
Я вхожу в притяженье воды,
Подожжённой лучами.

* * *

Каменею рыбачкой у порванных старых сетей
Перед чёрным лицом обезумевшей в гнев стихии...
И немею солдаткой — в бессонные ночи глухие
От пропавшего без вести ждущей вестей.

Ни гудка и ни всплеска. Свинцово застыла волна.
Ни дымка и ни паруса нет, ни сигнала, ни знака...
Каменею, немею — одна средь кромешного мрака:
На весь свет — тишина. На весь мрак — тишина.

* * *

С годами подъёмы всё круче,
И всё напряжённее спуски,
И всё тяжелей перегрузки,
А сердце — всё зорче и кротче...
Прощенья всё проще и проще,
Прощанья всё чаще и чаще,
Всё чище весенние рощи,
Всё жарче осенние чащи,
И ранние зори всё слаще.
Дороги всё круче и круче,
А слёзы — всё так же горячи...

Мастер

Прихожу сюда я год за годом
И стою внутри горы, под сводом,
В древнем храме, вырубленном в скалах,
Где звучит для старых и для малых
Голос
В камень врезанного знака:
«Помяните мастера Глзака...»

Этот голос слышу сквозь столетья,
В тусклом пробивающемся свете
Связывая буквы, словно нити:
Мастера Глзака помяните...

Мастер... Есть ли в мире выше званье?
Знает мастер тайну созиданья...
Древний мастер в скалы не ломился,
А с неделю, говорят, молился,
Дабы ниспослалось озаренье
В дар не за гордыню — за смирение.
Старый мастер... Он не торопился,
Ибо — на века его творенья...

...Я стою в музее современном,
Сопрягая вечное с мгновенным...
Кровь и солнце... Солнце, кровь и пламя...
Красно-жёлтый цвет перед глазами:
Как он сочен! Как он густ и плотен! —
Красно-жёлтый цвет кричит с полотен
С рокового, горестного часа:
Помяните мастера Минаса...

Миг и вечность...
Да живёт в столетьях
Мастер, душ распахнутых касаясь...
Да не повредят вода и ветер,
Да не истребят вражда и зависть
Плод его прозрений и наитий...
...Мастера, потомки, помяните!

* * *

«Воду – младшему,
Слово – старшему...»
Опыт, выношенный в веках:
Облегченье дарит уставшему
Эта надпись на родниках.

И совсем не нововведение,
А старинный совет,
Заметьте-ка,
Это – правила поведения,
Говоря по-иному, – этика.

Вызов мрачному,
Вызов страшному.
«Воду – младшему,
Слово – старшему...»

В пояс кланяюсь я,
Армения,
Если что не так –
Не взыщи ты...

Воду младшему —
Вот спасение,
Слово старшему —
Вот защита!

Было — воду мне подавали,
Было: силы в меня вливали,
И надежда во мне рождалась,
Та, в которой я так нуждалась.

Дни вчерашние
Пролетели...
«Слово — старшему...»
Уж не мне ли?..

Воду — младшему,
Мне же — Слово...
Только я к нему
Не готова.
Слова вымолвить
Не могу я:
Пред тобою
Всегда в долгу я —
За любовь твою,
За заботу,
За твой свет,
За твой хлеб,
За воду...

Уроки армянского

1

Послушай-ка, верблюды,
Спешу тебя поздравить!
Тебя к царю зовут —
Тебе ль судьбу не славить?!

Ну что ж —
Вздыхает тот, —
Мы от царей зависим:
За солью
В Кохб пошлёт
Или в Шарур
За рисом...

2

Бедняк сказал:
Нет милостям числа,
Что даровал мне Бог:
Сперва он спрятал
Моего осла,
Потом — найти помог.

3

Известно:
Не сведёшь с водой огня
И без воды
Не проживёшь и дня...
Храбрец своей отвагой
Не гордится...
Стыдитесь не дурак —
Его родня.

4

Иному подаёт
Судьба сама
Напёрсток счастья
И кувшин ума.

Иному —
На виду у всех вершин
Ума напёрсток,
Счастья кувшин.

Что выберем?..
Кто спросит нас заранее?
Кто выслушает
Наши пожелания?

5

Когда ты, веселясь,
Теряешь меру, —
На кладбище пойди.

Когда, отчаявшись,
Теряешь веру, —
На кладбище пойди.

6

Не делать дел наполовину,
Звенеть — не звякать...
Искать в орехе сердцевину,
В маслине мякоть...

Всё это здраво и бесспорно!
Но слово с делом —
Увы! — расходится упорно
На свете белом.

7

Был осёл на свадьбу приглашён,
Но тому не удивился он:
Подоплёку стану ли искать?
Видно, воду надобно таскать...

8

Чем ближе дуновение тепла —
Тем громче дрозд поёт...
Чем тяжелее ноша у осла —
Тем он быстрее идёт.

9

Увы! Столетиями доказано —
И это повергает в дрожь:
Услугу, что уже оказана,
Никто не ставит ни во грош.

10

Молчком да бочком —
Ни глупец, ни мудрец...
С крючком да сачком —
Ни жених, ни вдовец...
Кто волка боится —
Не держит овец...
Коль было начало —
Так будет конец.

Уроки болгарского

Воскресный день в Софии...
Бредём, как сквозь века,
Погружены в стихию
Чужого языка.
Все знания воедино
Свести бы нам пора:
Болгарский сад — градина,
Болгарский лес — гора...
Слов родственных касаясь,
Их звоном пленены,
Бредём, с горы спускаясь,
Вернее, с планины...
А птицы на карнизах
И на ветвях галдят...
Мы бродим в лёгких ризах
Какой уж час подряд,
Произведенья млечни
Пред выходом вкусив...
А небо — безупречно,
А город так красив!
...Мы бродим в день весенний,

Попав к деревьям в плен:
Сегодня – воскресенье,
Везде – почивен ден...
Почивен ден, неделя, –
Рабочим дням предел...

И мы бредём без цели
И впрямь – без всяких дел.
Бредём – не почиваем,
Гуляем тут и там
И вывески читаем,
Как дети, по складам.
И, радуясь созвучьям,
Знакомым испокон,
Язык болгарский учим –
И суть его, и звон.

Лорелея

Мечту о свиданье лелея,
Речную взрезая волну,
Мы плыли к скале Лорелеи,
Пленявшей гребцов в старину.

Любовь ли, иная причина,
Иль песня, в конце-то концов, —
Их всех поглощала пучина,
Внимающих деве гребцов.

...Но вот она, сказка и тайна:
Фантазии не распаляй!
До Кобленца от Рюдесхайма
По Рейну плыла “Loreley”...

Воспета Brentano и Heine
И прочими — нет им числа! —
По тёмному летнему Рейну
В двадцатом столетье плыла.

Плыла — на скале не сидела,
Не пела, косы не плела.
Нелёгкое делала дело —
Гружённую баржу вела.

А впрочем, и пела, быть может,
Она, выплывая из тьмы,
Про то, что ей сердце тревожит,
Да только не слышали мы...

Про то, что её в этом мире
Печаль продолжает точить,
Про женский удел — на буксире
Извечные грузы тащить.

В породу речного излома
Был намертво врезан причал.
И скрежет железного лома
На песню её отвечал.

Прощание

Граниты финские, граниты вековые...

Евг. Боратынский

Ни вздоха и ни звука,
Горит под солнцем снег...
Ещё одна разлука,
Отлёт или побег...

Опять закрылись двери,
Спешу — как на пожар...
Ещё одна потеря,
А может, все же дар?

А может быть, подарок —
С брусничкой туесок,
Свеча, а не огарок,
Гранит, а не песок:

Надёжный, вечный камень
В союзе с тишиной,

Омытый ледниками,
Отглаженный волной, —

Грунт прочный и суровый,
Опора — не подлог!..
Хоть снова, снова, снова
Прочь почва из-под ног...

И — ввысь, где звон мороза,
Где судьбы на весах,
Где розы, розы, розы
Пылают в небесах.

А гляну из окошка —
Рассыпаны внизу
Брусника да морошка
В болоте — не в лесу.

Немыслима промашка —
Лишь руку протяни:
Морошка да ромашка
На солнце и в тени...

Финляндия, позволишь
Их взять с собой домой?
Ведь мне до них всего лишь
Вёрст десять по прямой!..

Как розовы ланиты
Камней в закатный час...
О финские граниты,
Увижу ли я вас!..

Музы

...Сквозь заросли горной Эллады
Взбираюсь всё выше и выше
И гимны высокого лада,
Пляшущие в воздухе, слышу...
Как будто в античные годы,
Ступив на парнасские тропы,
Поет Полигимния оды,
И эпос творит Каллиопа.
Эрато играет на лире,
Эвтерпа играет на флейте...
...Во имя гармонии в мире
Огня и души не жалейте!..

Рождаются звуки по кругу,
Совсем не мешая друг другу, –
Элегии и дифирамбы...
Вот нам бы такое!.. Ах, нам бы...
Стараются музы на совесть,
И, не выходя из режима,
К гармонии мира,

Не ссорясь,
Стремятся они одержимо,
Эриду – богиню раздора –
К себе на порог не пуская...
...В Элладе
В ту давнюю пору
Была атмосфера такая...

Уроки античности

Как надо жить?..
Само собой –
По справедливости и чести.
И, не тушуясь пред судьбой,
Всегда во всём держаться вместе.

Пусть леший ты, колдун иль гном,
Пусть принц ты, рыцарь или витязь, –
Живя во времени одном,
Вы к перемене мест не рвитесь.

Танцуя джигу, вальс иль твист,
Живя в общениях привычных,
Не нарушайте трёх единств –
Да, тех – классических, античных...

Вы будьте времени верны
И в действии – едиனுшны...
А перед роком все равны,
Пред тем – классическим, бездушным.

Он всё равно неумолим,
Жесток и беспощаден к людям.
Но мы не дрогнем перед ним,
Держаться трёх единств мы будем...

Уроки физики

Школьной физики урок:
Время юности мятежной!
Подчиняясь центробежной
Силе, рвёмся за порог,
Рвёмся на простор безбрежный,
На разбег путей-дорог...
Видно, он пошёл нам впрок,
Школьной физики урок!..
Только наступает срок
Перемены неизбежной...

Уроки физики забыла.
Но что-то вспомнить я могу:
Центростремительная сила
С годами гонит к очагу.
С годами крепнет неизбежно
И, верх беря над центробежной,
Из дальней дали по прямой
Со всех дорог ведёт домой...

Две силы гонят нас по свету,
И ты их на себе проверь!
Но разницу меж той и этой
Я понимаю лишь теперь.

* * *

Громко поют степняки, по просторам кочуя,
Сдержанных горцев судьба — осторожность блюсти.
Могут с высот, под собою утёсов не чуя,
Камни посыпаться градом, лавины сползти.

И не спастись, не укрыться в ущельях укромных —
Чем задержать набирающий сил камнепад?..
Льётся распев степняков на просторах огромных,
Звуки гортанные клёкотом в небо летят.

* * *

Обычай исконный
Держи за основу:
К обедне — по звону,
К обеду — по зову.

Да так уж положено
Было от века:
Незванный — непрошенный?
Будь без ответа!

Иль это всё бредни,
Что стали законом?
А я — не к обедне,
Хотя и с поклоном,

В дожди да в туманы —
Не к трапезе праздной...
Да все ли, что званы,
Уж так-то прекрасны?!

А я – без резона,
Без звука, без слова...
...К обедне – по звону,
К обеду – по зову...

Январь в Юрмале

1

Январь — он начинает год
Волнений, радостей, забот,
Всего того, что всех нас ждёт, —
И потому-то он — начальник...
А мы сейчас глядим на чаек,
У коих дел — невпроворот.
Они снуют над серым морем,
Под небом сумрачней свинца,
Мы их зовём, остаться молим,
Быть с нами вместе до конца —
До завершения снегопада,
До пробужденья первых вод —
Чтоб как надежда и отрада
В нас продолжался их полёт...

2

Январь — он начинает год.
Он — и начальник, и зачинщик.
Снег — всё пушистее, всё чище,

И всё прочней, всё крепче лёд —
Он в воду с берега сползает...
...Дыханье моря замерзает
И сходит медленно на нет:
Спротивляться не дерзает
Круговороту зим и лет...
Январь — он трудным делом занят:
Убавить тьму, прибавить свет,
И уж поскольку он начальник,
Ему за всё — за нас, за чаек —
И надлежит держать ответ.

Весеннее равноденствие

Въезжаем в снег.
Въезжаем в зиму.
Наверно, нам необходимо
Весной опять увидеть снег,
Чтобы недель замедлить бег,
Понять — не всё проходит мимо:
А жар костра, и струйки дыма,
И даже время — обратимо,
Коль скоро к памяти прибег...
И видимо, осуществимо —
Хотя и на исходе век —
Всё, что задумал человек...
А если так — тогда, вестимо,
И снег и зелень совместимы,
И лёд совместен с шумом рек,
И стар и млад неразлучимы...
Какое счастье —
Въехать в зиму,
Где чистота неотразима, —
Весной опять увидеть снег...

Сегодня

Как хорошо рифмуется в ч е р а!
Лишь взмах пера!
И всё тебе доступно!
И солнце с неба хлынуло с утра,
Всё в мире озарило — совокупно.
С е г о д н я не рифмуется ни с чем,
И к з а в т р а рифму свежую найду ли?..
Дождь моросит.
А лес и глух и нем.
Нас обманули, предали, надули,
Уверив, что уже пришла весна,
Что прибыл день,
А март — весною света
Был назван испокон...
Да правда ль это —
Когда исчезла вся голубизна?
Дождь моросит.
И всё заволокло.
Мосточки над песком — как будто сходни
Над морем, что сверкает, как стекло...

Хохочут чайки, их не меньше сотни,
Летают всё шумнее, всё свободней...
Дождь моросит...
Пускай!.. И на ходу
Я думаю: рифмуется сегодня,
И к завтра рифму, может быть, найду.

* * *

Балтийскую погоду
Спасёт ли жар речей?
Ни по какому коду
Не вызовешь лучей!..
Да, солнца — ни намёка,
Ни искры, ни следа...
Что толку от упрёка,
От скорого суда?..
Лес траурной одеждой
Чернеет наяву...
Но память и надежда
Нас держат на плаву.

* * *

Белые сосны сурово
В серое небо глядят.
Бьётся волна о сугробы,
Чайки над рыбой гадят.

Лебеди в поисках корма,
Льда белопенный прибой,
Гребни застывшего шторма –
Знаки боренья с судьбой.

В серое небо глядится
Белая несуета.
Те бело-серые птицы
Балтики носят цвета...

* * *

Чайки — чёрные головки,
Чайки — чёрные хвосты!
Как вы шустры,
Как вы ловки,
Как доверчиво просты.

Белогруды, серокрылы —
Цвета Балтики седой...
Сколько шума,
Сколько пыла,
Сколько крика над водой!

С ликованием в день туманный
Хлеб хватаете людской,
Что летит,
Как с неба манна,
Брошен детскою рукой.

Чайки — шёлковые перья,
Крылья серые, как дым...
Не обманем их доверья
И опять вернёмся к ним.

Листья

Собираю гербарий для внучки —
Листья липы, ольхи и берёзы...
Пробираюсь сквозь дождь как сквозь слёзы,
Раздвигая шипы и колючки.

Листья, листья... Ни много ни мало —
Это памяти тайные знаки,
Бег сквозь заросли, сквозь буераки,
Это лет пробежавших сигналы.

Липы детства на тихой Ордынке,
Вековые, медовые липы...
Летний ливень, осенние всхлипы,
Чудо-липы в предутренней дымке.

Жар осины над тропкой витою —
В давний полдень, безмерно счастливый,
Над Окой светозарные ивы,
Клён, склонённый над скорбной плитою.

Вспоминаю и взгляды, и фразы,
И прощания, и нахлобучки...
Собираю гербарий для внучки —
Листья тополя, ясеня, вяза...

Снова мир, как надежда, зелёный,
В сини плавают лёгкие тучки...
Собираю гербарий для внучки —
Листья дуба, осины и клёна.

* * *

Так и прожили мы
До осенней поры
В ожиданье жары,
В ожиданье жары.

И почти как в романсе
Давнишней поры —
Отцвели уж давно
Золотые шары.

Тучи, как паровозы,
Разводят пары,
И гремят на берёзах
Вороньи пиры.

И, готовя поленья,
Стучат топоры...
Подбираем ошмётки
Древесной коры.

У осеннего дождика
Струи остры,
Заливают
Последних шафранов костры.

А за тучами где-то
Мерцают миры...
Только солнце сейчас
Точно мяч — вне игры.

Хоть ещё далеко
До осенней поры,
Только катится лето
Не в гору — с горы...

Кто-то в сумерках сонных
Вдруг выключил свет...
Лишь желтеет подсолнух,
Как солнца портрет.

* * *

Есть свой предел воды
У всякого циклона...
Синоптиков труды
Твердят о том резонно.

Что ж, может быть, и есть,
Но мы уже в убытке:
Пора бы знать и честь! —
Мы вымокли до нитки!

Есть свой предел воды
У всякого циклона...
И небо благосклонно
Спешит стереть следы

На травах, на кустах,
Всё синью заливая,
И лужа дождевая
Мелеет на глазах...

Есть свой предел воды
У всякого циклона...
А есть предел беды?
Обиды, плача, стона?

Всему есть свой предел —
Зиме, весне и лету,
Нагроможденью дел —
И утешает это...

Но сколько ни живи,
Узнаешь тем не менее:
Предела нет любви,
Предела нет терпенью...

Надежде испокон
И вере — нет предела
В то, что пройдёт циклон,
И в том-то всё и дело!

* * *

Какому-то бесу в угоду
Мы дни в недовольстве влачим,
Упрямо ругаем погоду —
Бранимся, пеняем, ворчим:

То сыро, то сухо, то средне,
То душно, то слишком свежо...
Ах как было славно намедни!..
Ах как будет славно ужю!..

Но нынче-то, нынче!..
— Опомнись!
Окрест благодарно взгляни,
И, трепетным счастьем наполнясь,
В душе навсегда сохрани —

Как дар и как чудо творенья —
Зной, холод, и ливень, и тьму.
И помни, что нет повторенья
Нигде, никогда, ничему...

Возвращение

Как прежде, потеснён шиповник лебедой,
Крапива так же жжётся без разбора,
Всё те же колеи наполнены водой
И лужа — от забора до забора.

Всё та же тишина над озером дрожит,
Всё тот же пес встречает хриплым лаем,
Всё так же по песку велосипед шуршит,
Но велосипедист — неузнаваем...

Всё так же за рукав цепляются репы,
И путь перебегает нам сорока...
Всё та же тишина... Посто́й, не торопи,
Нет надобности уходить до срока.

Сдаюсь — и признаюсь в своей неправоте,
В боязни встречи с незабытым раем,
Где шины по песку шуршат — совсем как те,
Но велосипедист — неузнаваем.

Отменяется летнее время

Отменяется летнее время,
Осеньется поле листвою,
Убирается летняя обувь,
Подпирается старый штакетник,
Чтоб не рухнул от первой метели
Он в начале ближайшей недели.

Отменяется летнее время,
Обвиняется сводка погоды
В том, что ветер деревья ломает,
Рвёт проводку и крыши корёжит...
А душа примириться не может,
И не хочет, и не понимает,
Что согласно закону природы
Очевидность встаёт перед всеми:
Отменяется летнее время.

Отменяется летнее время,
И назад переводятся стрелки —
Целый час, по решению начальства,
Целый час безвозмездно даруя!

Проведи его строя, пируя,
Размышляя... А хочешь — на части
Раздели: поброди да поплавай...
Этот час ты используй на славу,
Не учтённый дотошной судьбою, —
Целый час занимайся собою!

* * *

Троп хлёсткие прутья,
Гор замкнутый круг...
Разречья,
Распутья,
Как символ разлук.

Да точно ль,
По сути,
Затвержен урок?
А может, распутье —
Сплетенье дорог?

Разречье
Под кручей —
Слияние рек,
Как знак неразлучья
С тобою навек!

Из книги
«Не гаси чужую радость»

Злоба дня

Не в этом ли таится благодать?..
Души своей не гнуть и не ломать,
Смотреть и слушать...
Никуда не рваться,
Не ждать ни осуждений, ни оваций
И времени велению не внимать...
Не в этом ли таится благодать?

Не подчиняюсь больше злобе дня,
Предпочитаю времени пространство —
В излучах рек и всполохах огня
И в прелести весеннего убранства
Деревьев, осеняющих меня...
Предпочитаю времени пространство
И всяким переменам — постоянство...
Не подчиняюсь больше злобе дня.

Не подчиняюсь больше злобе дня,
Что в души к нам врывается, звеня,
Что в уши лезет, рубит всё плеча,

Шипя и скрежеща и грохоча
Гремучей смесью страха и тиранства...
Не подчиняюсь больше злобе дня.

Дерзну... Во всяком случае – попробую:
Быть может, справлюсь с этой самой злобою.

* * *

Медуницы и осы тяжёлую розу сосут.

О. Мандельштам

К тишине возвратимся, уйдя от бесплодного спора,
К озабоченным осам, ввинтившимся в сочную плоть
Розовой грушёвки, давно ожидающей сбора,
К первозданному миру, каким его создал Господь.
К лучезарному миру вернёмся, к Медовому Спасу
Возвратимся душой, — да и Яблочный не за горой...
Чтобы шло всё своим чередом да к урочному часу,
Как в природе положено — всё надлежащей порой:
Время пижме цвести, чтобы было всё с чувством да толком,
Время гнёзда свивать, время птице вставать на крыло,
Время мир и покой обрести одиночкам и толпам, —
Как сказали бы в древности — всем это важно зело...

Февраль

Снегов, час от часу, умножалось...

Андрей Болотов, 1796

Всё гуще, всё весомей туч свинец,
И облаков всё тяжелее олово.
Ждём снега... Снега ждём...
И, наконец,
Оно случилось:
«Наваленье оного»...

Как двести лет тому назад, точь-в-точь,
Такой — «по долговременном бесснежье
Снег со вчера пошёл...» И шёл всю ночь,
И в ноги лёг «путёк прекрасный», свежий.

Наметены сугробы, как стога,
Укутаны поля пуховой шалью.
Как и тогда, февральские снега,
«Своё обыкновение сдержали».

Всё прочее — не суета ль сует?
Вражда, интриги, схватки, слухи, сплетни...
В веках пребудут лишь любовь и снег,
Февральский снег — не первый, не последний.

* * *

В дальний лес по бурелому
Через силу, но в охотку,
Тащимся, а кто-то к дому
Рвётся, лепит оборотку...
Мы ж — в охотку, через силу,
Через мостик, через ямы,
Через пень-колоду прямо —
В берендеев лес — красивый
Красотой своей грядущей,
Той, которой ни намёка
Нет сейчас... Чего-то ждущий
Раньше срока, раньше срока...
Раньше срока? Не бывает!
Лес об этом забывает.
Хоть морозы подытожил,
Он скворцов ещё не слышит.
Чёрный лес ещё не ожил,
Но подкоркой дышит, дышит...
Скользко, вязко, круто, мокро,
Рыхло, весело и славно!

Может, где-то разбежимся,
Но зато едины в главном...
Звон синиц и посвист соек,
Снег землёй почти что допит,
Ствол сосновый́ прям и стоек, —
Лес весенний силы копит...
Хоть и лепит снег всё пуще, —
(Ну и выбрали погоду!) —
Через мостик, через пущи,
Через силу, но в охотку...

* * *

А дождь — действительно идёт,
Идёт буквально, в самом деле,
От леса, от берёз и елей
Неукоснительно вперёд...
С лесной опушки, через луг
Спешит, чуть слышными шагами
К нам напрямиком, а не кругами,
Чтобы потоком рухнуть вдруг.
Да, он действительно идёт:
Сперва чуть видный и невзрачный
Спешит к нам пеленой прозрачной
И нас настигнет он вот-вот!..
Он всё виднее, всё заметней,
Он всё слышнее — ливень летний,
Поток весёлый и лихой:
Он пролился в таком избытке,
В таком обилии, что нитки
На нас не отыскать сухой!

Благодарность

Как благостна и благозвучна
Таинственная тишина,
Что с музыкою неразлучна
И в синеву погружена!
Как воздух чист и благотворен
У моря синего в лесу!
Цепляется за дюны корень,
Чтоб удержаться на весу.
И всё же сосны вниз со склона
Бегут – попробуй, излови!..
О небо, будь к нам благосклонно,
Благоволи, благослови!
Мы так беспомощны, по сути, –
Не ведая, что впереди,
Мы подзащитные, не судьи,
И нас за это не суди...
Пусть милостей твоих не стою,
Но доброту в себе неся,
Немыслимою чистотою
Ты осеняешь всё и вся.

И щедрый дар твой неоплатен,
О небо, купол голубой!
Я приобщаюсь к благодати,
Благоговя пред тобой.

* * *

Подлежат бережению дети, деревья и птицы,
Дом — очаг и начало, защита, опора, приют.
И печаль по ушедшим, и нежность, и счастья крупицы,
И надежда и память, что духом упасть не дают.

Подлежат бережению... Господи, сколько же можно
Воду в ступе толочь да торчать у открытых дверей?!
Так легко разобраться, что истинно важно, что ложно,
Если помнить зачин: берегите детей и зверей!

* * *

Ах, сборы в дорогу!
Загадки неведомых троп!
Рвануться с порога
Под знаком ошибок и проб!

Обувку, одежду —
Что надобно, то и беру.
Присесть на дорожку! —
Собрав все пожитки к утру...

Ах, долгие сборы,
Мотора разбуженный звук...
Где точка опоры?
Всё валится в спешке из рук.

Скорее проститься —
Что мучить напрасно сердца!
В дорогу пуститься
Под знаком Тельца ли, Стрельца.

В дорогу, в дорогу –
Весна ли, зима – всё равно.
Лады ли, пирога –
Нас ждёт золотое руно!

Зари позолота –
Граница меж светом и тьмой.
Ах, праздничность взлёта!
Ах, спутник нечаянный мой!

Ах, счастье заплыва,
Ах, горы в зелёном дыму!
Ах, запах оливы,
Что лохом зовётся в Крыму!

Дыханье живое
Свящихся волн за кормой!
...А больше всего я
Люблю возвращаться домой...

Ах, долгие сборы,
Навалом – бесценная кладь!
Деревня Раздоры,
А где-то село Благодать.

Дорожные сумки,
Что прежде звались с а к в о я ж,

Сложу я за сутки –
И в путь: это страсть, а не блажь.

Протянуты руки
В преддверии встреч и разлук...
Великие Луки –
Полночных колёс перестук.

Секвойя, Савойя...
Встречают айвой и долмой...
...А больше всего я
Люблю возвращаться домой.

* * *

Не задавай вопросов по утрам,
Когда небесный свод так нежно розов.
Уж лучше выпей водки двести грамм,
Но по утрам не задавай вопросов.

Не поднимай излишний тарарам
И стоек будь, как греческий философ...
Не задавай вопросов по утрам
И среди дня не задавай вопросов.

И дома, и блуждая по горам,
И в чистом поле, и среди отбросов —
Не задавай вопросов по утрам
И вечером не задавай вопросов.

Всё сам реши, ответь и сделай сам,
И, отступив от дедовских заветов,
Не задавай вопросов по утрам,
Ни днём, ни ночью не давай советов.

Медовый Спас

После дождей проливных,
После дождей морозящих,
Серых – дневных
И ночных,
Пологом чёрным висящих,
Вдруг поплыла синева,
Зелень омылась в купели,
В знак завершения недели –
В брызгах медовых трава...
Капельки радуги пьёт
Каждая малая птаха,
Освобожденьем от страха
Свой знаменуя полёт.

* * *

Вновь застучали молоточки
Машинки посреди листвы!
Как дятел – дождь:
Он ставит точки
В знак завершения главы...
В знак новоявленной недели

Дождь пущен, как бодрящий душ,
Здоровый дух в здоровом теле
Для пробужденья спящих душ.
Он – как побудка, как зарядка,
Как звон будильника в ночи,
Он – как чечётка, как загадка,
К которой найдены ключи...
Круговорот воды в природе –
Он вечен, нет ему конца:
То облачком на небосводе,
То тучей тяжелей свинца,
То серебром на дне колодца,
То ртутью быстрою в реке,
То медью посреди болотца,
Блистающею в тростнике, –
Нам явлен он,
Животворящий,
Всё явственнее с каждым днём,
Надеждою непреходящей
И кратковременным дождём...

* * *

Покой и суета сует —
Две сущности существования...
Как встречи нет без расставанья —
Их друг без друга как бы нет.
Ах, эта суета сует!
Но от неё покой зависит:
Она гармонию приблизит,
Тьму потеснит, подарит свет...
Будь доброй, суета сует!
И помни: милость не унижит.
Знай, сила множится твоя
Великодушием, отдачей...
Да, только так — и не иначе! —
По всем законам бытия...
Остановись! Луны рукой
Коснись, взгляни, как небо звёздно!
Но если говорить серьёзно —
Покой приходит слишком поздно,
Когда пора уж на покой.

Самодельный самокат

Самодельный самокат —
Два колёсика, дощечка...
Выбегай-ка на крылечко
И — куда глаза глядят:

На восток и на закат,
Без задержки, без запинки,
По дороге, по тропинке
К лесу, к речке — наугад!

А на речке — посмотри! —
Не матрасы надувные,
Не игрушки расписные —
Наволочек пузыри.

Плавать учат нас они
Вольным и невольным стилем.
Метра три у нас под килем,
Тридцать градусов в тени.

Самодельный самокат
Скрежетал, как скорый поезд,
Хоть на тропик, хоть на полюс
Был всегда помчаться рад.

Как его хозяин — смел,
В тундру, джунгли и пампасы
Вёз он всякие припасы
Тем, кто бедствие терпел.

Мотороллер прежних лет —
Велика ли с ним забота?
Говорят, что снова кто-то
Изобрёл велосипед...

Изобрёл велосипед...
А известному когда-то
Самоделке-самокату,
Говорят, возврата нет.

Самодельный самокат —
Он как волжская таранка,
Он как скатерть-самобранка:
Ни купить, ни напрокат...

Памятью моей храним,
Словно старых писем связки,

Словно Горбунок из сказки —
Он теперь неповторим.

Велика былого власть!..
Но в музей предметов быта
Самокату дверь закрыта
Да и в сказку не попасть.

* * *

«Не читайте старых писем,
Ни весёлых, ни печальных —
В миг дыханье перехватит,
Если попадутся в руки
Каждое как знак разлуки
И как память об утрате
Тех мгновений изначальных,
От которых мы зависим...
Не читайте старых писем!..»

Нет, я с этим не согласна!
Лишь бывшее нам подвластно:
Ведь никто отнять не может
Час и год, что нами прожит...
Если что-то в нашей власти
Целиком, а не отчасти,
Если чем-то мы владеем
В пику призрачным идеям —
Это памятью о счастье,
Да, ни грёзами, ни снами, —
Только тем, что было с нами...

Лишь былое постоянно,
Лишь минувшая минута
Без подвоха, без изъяна,
Без обмана, – потому-то
Возвратимся к старым песням,
К старым басням, к старым письмам,
Позовём, окликнем, свистнем –
И очнёмся, и воскреснем...

Юла

Приснилось мне:
Сижу я на полу.
И вот – во сне –
Я завожу юлу.

К чему б оно
Такое? Не пойму!
Но всё равно,
Всё жму и жму и жму.

И всё сильней
Кружит она волчком.
Я перед ней
Молчком –
Лежу ничком.

И завожу –
Вот не было забот!
И всё слежу –
Не кончился б завод.

Вступив в игру,
Всё кружится юла.
И вновь к добру
Спешит она от зла.

Во сне — без сна —
Я завожу юлу.
Спешит она
От холода к теплу.

Всё, что на стенках
Изображено, —
Цвета, оттенки —
Всё слилось в одно.

Во сне юла?
Наверно, добрый знак!
Мне хочется,
Чтоб это было так.

* * *

Не ищите виноватых
Ни в застольях, ни в дебатах,
Средь безусых и усатых
Выбирая наугад:
Бесполезная работа –
Перед кем-то в чём-то кто-то
Неприменно виноват.

Виноватых не ищите:
У судьбы – нелёгкий нрав...
Так уж вышло, не взыщите,
Все нуждаются в защите,
Всякий, в общем, в чём-то прав.

* * *

...пусть каждый поливает свою тыкву,
и жизнь сама образуется

Фазиль Искандер

Три выходных...
Куда ж я выхожу?
А никуда! По дому всё кружу,
Дружу с собакой, младших не сужу, —
Да не судима ими буду тоже.
Ищу ответа — и не нахожу —
На многое... О, помоги мне, Боже!
А, может, и не надобно искать
Ответа?..
Просто с солнцем подыматься,
Воды студёной в вёдрах натаскать,
Щенка ласкать, делами заниматься —
Житейскими...
Возделывать свой сад,
Как говорилось ряд веков назад
В «Кандиде» у Вольтера...

Оставаться
Самой собой, себе не изменять,
И промахи чужие извинять,
И никому на милость не сдаваться,
И помнить, что унынье – смертный грех,
Один из тех семи, один из тех.

Три выходных...
Понятно и ежу,
Что надо выходить – на самом деле!
(Стараюсь, из себя – не выхожу) –
Ведь завтра вновь подходим к рубежу,
К началу новой хлопотной недели.

Три выходных...
Безвыходно сижу
Я дома... И самой себе твержу,
В проблемы дня внести пытаюсь лепту:
Одну простую истину осиль,
Займись-ка тыквой, как велел Фазиль,
И приготовь по старому рецепту.

* * *

Косноязычье прощаний... Ненужность плетений
Кружев словесных – сетей над оставленным кровом.
Сколько их было под небом – потерь, обретений,
Встреч и разлук: «Возвращайся живым и здоровым!»

Верить в могущество Слова... Да можно ль иначе?
Новых – не надобно... И повторяются снова,
Как ворожба – пожеланья добра и удачи:
«С Богом!.. Счастливо!.. И, главное, будем здоровы...»

Рыбалка (слайды)

...А вот мы уже на Кобоже,
А вот мы плывём по Угре...
Какие красоты, о Боже!
Всё это на сказку похоже —
Трава и вода в серебре...
Лес, кажется, только что вырос —
Как в кадре цветного кино...
И снится ночами нам Пирос,
И тянет к себе Халуно...

*

...С утра мы ставим дом
На острове плавучем.
Какой закат потом,
Под вечер, мы получим!
Здесь утром под пятой
Хрустит трава седая...
Тот остров непростой:
Под клюквой оседая,
Он ходит ходуном,
Бросая вызов тучам...

Мы ставим прочный дом
На острове плавучем.
Беспомощны слова,
А впечатлений — ворох!
Какие острова
На карстовых озёрах!

*

Здесь синь и тишина,
И вечность валуна —
Всё прочно, хоть и зыбко:
Вода, огонь, сосна,
Песок, крючок, блесна —
И золотая рыбка.

* * *

Мне привиделся город во сне,
Будто плыл он в мерцающем мраке...
О, куда же направиться мне –
В Дидубе ли, в Ваке, в Сололаки?

Да и есть ли такие дома,
Где нас ждут, как и некогда ждали,
Постоянно, – весна ли, зима?
Ждут ли нынче? Да где там, едва ли!

Дома нет, хоть строенье само
И красуется в бликах заката.
Эта улица имя Камо,
Как я помню, носила когда-то.

Сколько раз я по ней – и не счесть!
Торопилась к Ревазу и Нине...
Эта улица, может, и есть,
Да названия нет и в помине.

Я по городу дальше бреду,
Не спеша и стремясь осмотреться,
Только места себе не найду,
Где могла бы душой отогреться.

Нет и дома того, где меня,
Не скрывая сердечного жара,
Ждали истово день изо дня
С нетерпеньем на улице Марра.

Где же улица эта теперь?
Имя вычеркнуто и забыто.
Ну а дом — он стоит... Только дверь
Запечатана или забита.

Лишь Метехи над тёмной рекой
Неизменен, годам не сдаётся...
Память светлая... Вечный покой...
Только вымолвить и остаётся.

...Как тоскую от вас вдалеке,
Авлабар, Ортачала и Цхнети,
Дидубе, Сололаки, Ваке,
Исчезающие на рассвете!

* * *

Талант — вес и монета у древних
греков и у римлян

В. Даль

На поверку оказалось,
Что талант весьма весом:
В нём, как в древности считалось,
Двадцать шесть — совсем не малость! —
Килограммов серебром!

Двадцать шесть — никак не меньше! —
Ничего себе, пустяк!
Пронести его сумеи же
На высоких скоростях
Нашей жизни быстротечной,
Убегающих годов...
Под луной ничто не вечно,
К испытаниям будь готов!

Непосильна, неподъемна
Эта ноша на века.

И ответственность огромна,
И опасность велика.

Что за тяжесть — наказание!
Груз, хвативший через край...
Но, как сказано в Писанье,
Свой талант не зарывай.

Весит он почти два пуда,
Хоть неуловим, как пар,
Эта тяжесть, это чудо,
Этот вправду Божий дар.

* * *

И хоть твердят: ещё не вечер! —
Похоже, наступила ночь...
Иных уж нет, а те — далече,
И этому нельзя помочь.
И числа превратились в даты —
Хоть дней не исчерпать до дна.
Рифмуем даты и утраты —
Не я одна, не я одна.
Шуты, пророки и предтечи
Всё те же повторяют речи,
Я внемлю им и не перечу,
Согласны с ними стар и мал:
«Иных уж нет, а те — далече», —
Так Пушкин некогда сказал...
Да, да, не Пушкин, а Саади —
Я знаю текст!.. Но дело в том,
Что наивысшей правды ради
Дань Пушкину мы отдаём.
Всё узнаём мы несомненно
От Пушкина — ведь он везде:
О тучах, что идут смиренно,

И о работнике Балде...
Иных уж нет, а те — далече...
А путь к вершине так же крут,
И снег на кручах чист и вечен,
И тучи медленно плывут.

* * *

Качается мостик всякий
Над неугомонной рекой —
Хватаюсь я, страха не пряча,
За воздух дрожащей рукой...
И я утверждаю без спора
Настойчиво и горячо,
Что главное — это опора,
Надёжное чьё-то плечо.
При всех затрудненьях — поддержка,
Опора — важнее всего,
Уместная шутка, потешка,
Душевного лада родство.
По кочкам ли через болото,
Иль высохшей степью пыля,
По трапу на борт самолёта,
По трапу на борт корабля,
В тумане, в предутренних росах,
Дорогу торя наугад,
Держись, да покрепче, за посох,
За стенку, за крюк, за канат...

И где бы душа ни парила
Без всяких запретов и виз,
Знай, главное — это перила,
Спешишь ли ты вверх или вниз.

* * *

Тайну истины одной
Постигаю снова:
Календарь перекидной
Лучше отрывного.
День прошёл в обилье дел,
Тропок, ям и кочек,
Раз! — в корзину полетел
Сорванный листочек.
Вот и кануло во тьму —
Словно не бывало,
И не вспомнить — что к чему,
Взлёты и провалы.
Оторвал листок — и след
Дня того утрачен,
И ничем в движенье лет
Он не обозначен.

Хоть всё внове под луной
И ничто не ново,
Календарь перекидной
Лучше отрывного,

Прошлое передо мной,
Как яйцо на блюде.
Дни уходят.
Но в любой
Можешь ты вернуться.

Календарь листаю вспять,
Как страницы книжки,
Чтобы пережить опять
Промахи и вспышки.
День рабочий, выходной —
Скачки и погони.
Календарь перекидной:
Год — как на ладони.
Вспять листаю календарь,
Время продлеваю:
Чётки дней я, как янтарь,
Вновь перебираю,
Воскрешая прежних дней
Страсти и причуды...
Отрывных календарей
Покупать не буду.

* * *

Не топчи бывшее,
Помяни добром.
Не пили пилою,
Да и топором
Не маши напрасно,
Гнева не тая, —
Ко всему причастна,
Помни, жизнь твоя.
Ревностно заботясь
О грядущем дне,
Ты не плюй в колодец
Даже и во сне.
Не пили пилою,
Не руби плеча:
Пусть живёт бывшее,
Пусть горит свеча!

*Из книги
«Я дней не тороплю»*

* * *

Иверия, Иверия,
Край света и тепла,
Земля, где в полной мере я
Так счастлива была!

Исполнена доверия,
К тебе всей жизнью рвусь,
Иверия, Иверия,
Любовь моя и грусть...

Ты праздника преддверие
И чистота небес,
Иверия, Иверия,
Ты чудо из чудес!

Надеюсь, жду и верю я,
Что встретимся мы вновь,
Иверия, Иверия,
Мой праздник и любовь.

*Нескучный сад.
Июнь 1941 год*

Воздух звенел разрядами
Электрическими, июньскими,
Схлестнуты перекрестки
Опрометью, наугад!..
В летнем параде, рядом,
Выросшие подростки,
Мы торопились в юность —
В жизнь, как в Нескучный сад.

Невероятно хорошие,
Влюбившись немисливо за день,
Мы размечтались запоем
Трезвенникам назло.
Расчищенные дорожки
Все истоптав до ссадин,
Мы руки и судьбы наши
Связали одним узлом.

Кустарники и коряги
Под ноги нам бросались,

Но нам ничто не помеха —
Ни ветер, ни дождь в лицо!
Мы были полны отваги —
И в стороне остались
И тир, и «комната смеха»,
И чёртово колесо...

Ах, если бы это — снова,
А всё остальное — мимо,
И чтобы в полдень июньский
Воду пить из горсти...
Чтоб было всё безусловно,
Единственно, незаменимо,
Чтоб не расплескивать юность
И руки не расплести.

Мы дали друг другу слово
Завтра собраться вместе...
Можно ль забыть об этом,
Сквозь годы и вёрсты мчась?!
Завтра собраться вместе
Июня двадцать второго —
На этом же самом месте
В этот же самый час...

* * *

Живите в доме — и не рухнет дом...

А. Тарковский

Ещё не рухнул дом,
Ещё он полон света...
Том, отзовись же, Том!
Том, где ты?
Нет ответа.

Замешан новый век
На файлах и на сайтах.
А я — как летом снег,
Как Сага о Форсайтах:

Чуть держится фасад,
По крохам разрушаясь...
Я, старый Джеймс Форсайт,
На ближних обижаюсь:

Скрывают от меня,
Мне голову мороча,

Перипетии дня
И катастрофы ночи:

Они от злых вестей
Меня оберегают,
От страхов и страстей,
Что нас подстерегают...

А что сулит нам век,
Царящий на планете –
Застой или успех?
Ищите в Интернете.

Почти по Андерсену

Если хочешь быть счастливым,
Умножать спеши добро.
Как солдат своим огнем —
Медь меняй на серебро.

Были же Калоши Счастья —
Смытый кадр в немом кино:
Чьей-то неразумной властью
Отменили их давно...

...От рассвета до заката
Я судьбу свою плела,
И Дюймовочкой когда-то
И Русалочкой была,

На горошине принцессой —
Да недолго, день — другой:
Ведь исправить ход процесса —
Силы не было такой...

Было всё: жара и стужа,
Жизнь казалась мне игрой...
А теперь лежу я в луже
Старой штопальной иглой.

Из книги «Я дней не тороплю»

* * *

Заглохшие усадьбы
В загадках тишины,
Несыгранные свадьбы,
Несбывшиеся сны...
Ах, где же вы, хоромы,
Хранилища добра,
И гипсовые гномы,
И бронзовые бра...
И хрупкие запястья
Жасминных лепестков,
И брошенные снасти
У сломанных мостков...
Плывёт закат, пылая
Над рухнувшим жильём,
И гаснет жизнь былая,
Поросшая быльём.

Большая Ордынка

Не кладите меня так рано спать!
Я ещё никогда в жизни не видел звёзд!

Андрюша, 3 года

Малая родина наша –
Большая Ордынка.
Храм Всех Скорбящих,
Чугунный – не каменный мост.
Всё остальное – мираж,
Повторю без запинки:
Малая родина наша – Большая Ордынка,
Место рождения, место свечения звёзд,
Звёзд настоящих – ведь небо здесь было пречисто
И белоснежно сияли снега потому.
Чёрные зимние птицы без звона и свиста,
В белой метели кружась,
Устремлялись во тьму.
Тьма – говорю... но тем ярче, крупнее и чище
Звёзды сияли, так низко, так близко вися.

Сколько их? Сто или двести,
А может быть — тыща!
...Салочки, прыгалки, первые «можно — нельзя».

Запах, царящий над тихой Ордынкой, медвяный
В благословенный весенний полуночный час...
Мост над Канавой — чугунный, а не деревянный —
Первый — связующий
С миром загадочным нас.
Из переулков окрестных
И дальних и ближних
К улице главной нас будто бы крылья несли.
А под ногами ещё не асфальт, а булыжник,
И пробивается зелень из влажной земли.
И через многие годы, волненья не пряча,
Как заклинанье, всегда повторяю в ночи:
Спасоналивковский, Старомонетный, Казачий,
И бормочу как во сне: Кадаши, Толмачи...

Всё изменяется. Но остаётся на свете
Вечная память вам — так повелось искони, —
Замоскворецкие мальчики,

В прошлом столетье
В пламя шагнувшие
Прямо со школьной скамьи.

Место рождения... Всё здесь впервые, в новинку:
Небо и звёзды, висящие над головой...
Малая родина наша — Большая Ордынка
И переулок Черниговский, дом угловой.

Литературно-художественное издание

Елена Николаевская

СТИХОТВОРЕНИЯ

Тайна старых
фотографий

Ответственный редактор А.Г. Николаевская
Оператор компьютерной верстки Л.Г.Иванова
Технолог М.С. Кырбаш
Корректор В.К.Матвеева

Подписано в печать 25.07.2013
Формат 70×108/32
Тираж 500 экз.
Заказ № .

ООО «Бослен»
105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
Тел.: (495) 971-89-09, e-mail: info@boslen.ru
Информация в Интернете: www.boslen.ru8

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ISBN 978-5-91187-192-5

9 785911 871925